ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

Философия. Культурология. Литературоведение

ВЫПУСК 17

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ ВЫПУСК 17

Альманах

- **За линией горизонта**
- **Хроники Итаки**
- **Вспоминая друзей**

Выпуск 17

Харьков
ПРАВА ЛЮДИНИ
2023

УДК 821’06-92-94-96=161.2=161.1(082)
В87

Оформление альманаха Л. Сигал.

В оформлении обложки использована картина Питера Брейгеля «Безумная Грета».

Редколлегия благодарит доктора Ханса Оверслоота за помощь в издании альманаха.

Вторая Навигация. Альманах. Выпуск 17 / составит.
В87 М. А. Блюменкранц. — Харьков: ООО «Издательство „Права человека“», 2023. — 280 с.

ISBN 978-617-8186-07-4

Корпус текстов семнадцатого выпуска альманаха ***Вторая Навигация*** состоит из трех разделов.

В ряде статей первого раздела предпринята попытка анализа причин русско-украинской войны и ее возможного влияния на развитие политической ситуации в мире. Кроме того, обсуждаются пути и судьбы России как в недалеком прошлом, так и дня сегодняшнего.

Второй раздел объединяет статьи и эссе литературоведческой, историко-философской и культурологической тематики.

В третьем разделе — материалы, посвященные памяти наших друзей и постоянных авторов альманаха — замечательного русского писателя, вынужденного в начале 80-х эмигрировать из Советского Союза и публиковавшегося под литературным псевдонимом Борис Хазанов, а также талантливого, тонкого литературного критика Виктора Юхта, с которым мы тоже плодотворно сотрудничали много лет.

Альманах ***Вторая Навигация*** предназначен как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами истории, философии и культуры.

УДК 821’06-92-94-96=161.2=161.1(082)

ISBN 978-617-8186-07-4

© М. А. Блюменкранц, составление, 2023
© Л. Сигал, разработка оформления, 2023

Содержание

За линией горизонта

Михаил Блюменкранц. Точка безумия и поиски смысла в истории 6

Ханс Оверслоот. Нация, государство и империя: *не* к новому демократическому мировому порядку. С акцентом на войну 2022 года в Украине (перевод с английского Михаила Александрова).....16

Леонид Люкс. «Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы» (Федор Степун). Авторизованный перевод с немецкого Б. Хавкина.....77

Федор Степун. Интервью..... 109

Витторио Страда. Не надо делать того, что противно твоему внутреннему импульсу 126

Вячеслав Иванов. Ужасно, что даже катастрофы типа украинской все-таки, получается, недостаточно 137

Хроники Итаки

Андреас Буллер. Чуждость как культурный феномен 150

Марк Харитонов. На темы Сергея Хоружего 167

Юрий Корриган. Аркадий бессмертный (Достоевский о душе, пребывающей вне тела) 175

Елена Глазова. Андрей Белый и Борис Пастернак: символистская проза и большой русский город..... 198

Вспоминая друзей

Борис Хазанов. Когда боги удалились на покой: Маргерит Юрсенар 228

Михаил Эпштейн. Русско-еврейский персонализм: Григорий Померанц и Борис Хазанов..... 233

Михаил Блюменкранц. «Час короля». Памяти Бориса Хазанова 258

Виктор Юхт. Харьков как форма духовной жизни 261

Михаил Блюменкранц. Памяти Виктора Владимировича Юхта..... 274

Об авторах..... 276

Contents

Beyond the Skyline

Mikhail Blumenkranz. Point of Madness and the Search for History's Meaning 6

Hans Oversloot. Nation, State, and Empire: *Not* Towards a New Democratic World Order. With Special Reference to the 2022 War in Ukraine (translated by M. Alexandrov) 16

Leonid Luks. "Always Driven by a Living Concern for the Fate of Russia and Europe" (Fyodor Stepun) (Authorized translation by B. L. Khavkin). 77

Fyodor Stepun. Interview 109

Vittorio Strada. Do not do what is Contrary to your inner Impulse 126

Vyacheslav Ivanov. It is Terrible that even a Catastrophe like the Ukrainian one is not enough 137

Chronicles of Ithaca

Andreas Buller. Alienation as a Cultural Phenomenon 150

Mark Kharitonov. After Sergey Khoruzhiy 167

Yuri Corrigan. Arkady the Immortal (Dostoevsky on the Soul Outside the Body)..... 175

Elena Glazova. Andrei Bely and Boris Pasternak: Symbolist Prose and the Big Russian City 198

Remembering friends

Boris Khasanov. When the Gods Have Retired: Marguerite Yourcenar..... 228

Mikhail Epstein. Russian-Jewish Personalism: Grigory Pomerantz and Boris Khasanov 233

Mikhail Blumenkranz. «The King's Hour». In memory of Boris Khasanov..... 258

Victor Yukht. Kharkov as a form of spiritual life..... 261

Mikhail Blumenkranz. In Memory of Viktor Yukht..... 274

About Authors..... 276

За линией горизонта

Михаил Блюменкранц

Точка безумия и поиски смысла в истории

Анализ событий, современником которых ты являешься, дело крайне рискованное и неблагодарное. Неблагодарное, потому что непременно пройдешься по больным мозолям всезнающего читателя и получишь его экспертное заключение о вопиющем невежестве и непроходимой глупости автора. Рискованное — потому что для трезвой оценки необходима определенная временна́я дистанция, предполагающая эмоциональную невовлеченность в происходящее и позволяющая за многочисленными частностями не упустить из виду целого.

Иммануил Кант отмечал, что при оценке событий важен тот исторический масштаб, который мы задаем. Если масштаб мал, то на первый план выходят случайности, если достаточно крупен (масштаб столетий или тысячелетий), то возникает возможность увидеть некоторые закономерности. Прав был и Ф. М. Достоевский, утверждавший, что нет ничего фантастичнее реальности. Так, если бы простому советскому человеку (старшее поколение еще помнит это расхожее словосочетание) кто-нибудь сообщил, что спустя каких-то 40—45 лет между Россией и Украиной разразится полномасштабная война, то это было бы воспринято или как неудачная шутка, или как свидетельство серьезных психических проблем у его собеседника. Да и сегодня эта война с точки зрения здравого смысла представляется чистейшим безумием, и до последнего момента в ее реальность мало кто мог поверить. Потери от такой кампании явно превышали все возможные выгоды.

Произошедшее возвращает нас к старому, но по-прежнему актуальному вопросу: лежат ли в основе многих кровавых конфликтов, сопровождающих человечество на протяжении его истории, причины не только и не столько сугубо рациональные, диктуемые соображениями практической выгоды, сколько разрушительные, глубоко иррациональные по своей природе импульсы?

Принимая во внимание высказывание Канта о важности задаваемых масштабов пространства и времени для исторического анализа, обратимся к событиям примерно тридцатилетней давности, ко времени распада Советского Союза.

Это событие не только существенным образом изменило ситуацию в мире, но и во многом продолжает оказывать свое влияние на происходящее сегодня. Распад двухполярного мира дал мощный толчок процессу глобализации, он же впоследствии стал главным детонатором нынешней войны, войны, способной поставить под вопрос дальнейшие перспективы развернувшейся глобализации и вновь привести мир к жесткому противостоянию военно-политических блоков.

Укрупним масштаб. Со времен Древнего Египта и Месопотамии в истории человечества постоянно возникали и бесследно исчезали многочисленные империи. Однако, сама идея империи, похоже, остается бессмертной. Возможно, что в будущем она примет новые и более причудливые формы, к примеру, если осуществится надежда на появление мирового правительства, или же наступит долгожданный «золотой век» под чутким руководством искусственного интеллекта, что лично у меня вызывает известный скептицизм. Конечно, в человеке живет неуемная тяга к идеалу всеобщего братского единения и окончательному торжеству коллективного начала, скрепляемого, как правило, неопровержимой аргументацией гильотин. Но в то же время не менее сильна в нем и воля к индивидуальному обособлению, отстаиванию личного, независимого от других пространства. Свою аналогию это находит в чередовании центробежных и центростремительных тенденций исторического процесса: постоянных маятниковых движений от возведения Вавилонских башен до строительства китайских стен. В природе это находит соответствие в чередовании приливов и отливов мирового океана. В современной научной картине мира в сменяющих друг друга циклах разбегания и сбегания галактик. Не является ли возникновение империй одним из моментов этого глобального процесса? Не несет ли человек идею империи в самом себе, в своей собственной душе? Ведь именно в ней, в идее империи реализуется заложенное в человеке стремление к безудержной экспансии, находит свое естественное выражение несублимируемая агрессия и необоримое желание бесконечного расширения границ собственного «я».

Само понятие империи давно приобрело сугубо негативную коннотацию. С ней связано представление о формах государственной власти, основанных на грубом насилии, безжалостно угнетаемых народах и полному произволу, творимому сильными по отношению к слабым. Как правило, все так и есть. Только

в данном случае речь идет не о моральном осуждении империй как таковых, а о причинах их возникновения и о последствиях их распада. Конкретный же вопрос состоит в том, явилась ли нынешняя война платой за распад Советского Союза, и возможен ли в принципе мирный распад империй? В отношении платы за распад — полагаю, что да. Что же касается мирного распада империй, то почему бы и нет? Жизнь, как и ее исторические формы, богата своим многообразием. Однако, если взглянуть на многочисленные примеры нескольких последних столетий, начиная от наполеоновской Франции до стремительного обвала империй в XX веке, бескровно, вроде бы, это не происходило. И хотя некоторое время казалось, что развал Советской империи был счастливым исключением, выяснилось, что это была лишь отсрочка, мина замедленного действия. Чеченская и грузинская кампании стали прелюдией к «спецоперации» в Украине. Национальный вопрос часто чреват обильными кровопусканиями.

Стремительный распад империи поставил перед населением бывших союзных республик вопрос поиска новой самоидентификации. Поскольку понятие «советский человек», включающее в себя представление об общей гражданской принадлежности всех проживавших на территории СССР граждан, перестало существовать. Это дало мощный толчок в направлении самоидентификации по национальному признаку, что обусловило поиск национальных корней с определенным уклоном не столько в этнографию, сколько в сопутствующую ей мифологию. Как в бывшей метрополии, так и на получивших независимость окраинах стал быстро набирать силу феномен, который Г. С. Померанц назвал «чувством национальной озабоченности». Сумгаит явился по сути первым зримым проявлением этого чувства. Поиск потерянной почвы — часто процесс болезненный, ведущий к неприятным эксцессам.

К происходящей трагедии, развязанной сегодня войне, привел целый ряд факторов, как геополитического, так и социо-психологического свойства.

В 90-х годах прошлого века, в ельцинскую пору, у определенной части постсоветской интеллигенции в какой-то момент возникло подозрение, что российское общество неуклонно дрейфует в сторону то ли национал-коммунизма, то ли национал-фашизма. И не только из-за появления определенных молодежных организаций и движений типа скинхедов, баркашовцев,

лимоновцев, а из-за той тревожной, давящей атмосферы, которая дала основание известному историку Александру Янову говорить об опасности прихода фашизма в Россию. Горбачевская перестройка, внушившая многим надежды на европейские перспективы дальнейшего развития страны, довольно быстро сменилась горьким разочарованием и крахом обманутых ожиданий. Новый путь к западной цивилизации оказался старой дорогой в Орду. Появился и стал активно формироваться «веймарский комплекс». Из великой державы, определяющей судьбы мира, Россия в представлении ее граждан превратилась в одну из стран «третьего мира». Сознание обывателя, приученного советской властью воспринимать себя «венцом мироздания» и «надеждой всего прогрессивного человечества», тяжело переживало травму национального унижения и искало виновников произошедшего предательства. Чувство обиды захватило все слои общества. Помню, как в 1998 году во время Всемирного конгресса философов, проходившего в Бостоне, я был приглашен на заседание русской секции. Меня поразило острое чувство ресентимента, сквозившее в выступлениях коллег. Звучала неприкрытая обида на «пренебрежительное», по их мнению, отношение к ним, выказываемое принимающей стороной. В чем-то эти претензии могли быть и обоснованными, но удивлял тон, каким они были высказаны. Это напоминало психологическую реакцию героя «Записок из подполья» Достоевского. На мое замечание, что у вас, ребята, веймарский комплекс, я получил неожиданный ответ: «Да, у нас веймарский комплекс, но не нужно нас обижать».

В связи с этим вспоминается и шумный успех довольно посредственного фильма «Брат-2», в котором главный герой, слегка приблатненный Рембо, выступая в роли народного мстителя, лихо «разбирается» за все причиненные страдания и обиды с различными инородцами, восстанавливая исконную сермяжную правду и поруганную справедливость. Фильм стал определенной лакмусовой бумажкой, проявляющей состояние массового сознания. Образ крутого мачо, бросающего вызов коварным врагам, импонирующего человеку из народа своей лексической близостью к родному языку подворотен, оказался востребованным. Тот, кто долго терпел унижения, уже в силу одного этого получает бесспорное право в свою очередь унижать других. Так работает логика ресентимента.

Невольно вспоминается история традиционных, нарочито подчеркиваемых опозданий российского президента на дипломатические встречи с коллегами из других стран. Впрочем, народу это нравилось. Лидер стал медиумом массового сознания, воплощением его сокровенной мечты о справедливом возмездии. Жизнь, конечно, полна несправедливостей, и нередко дает нам достаточно оснований для обид, но человек, одолеваемый ресентиментом, в таких основаниях часто и не нуждается. Он изначально уже ощущает себя обиженным и постоянно склонен усматривать в действиях и словах окружающих прежде всего скрытое намерение его уязвить и унизить.

Волны ресентимента крепли, ширились, катились по стране, подхваченные и раздуваемые средствами массовой информации. И страна так и не победившего социализма превратилась в страну победившего ресентимента.

Одним из ярких проявлений произошедшей трансформации стал грандиозный размах и тот сакральный характер, который приобрело празднование Дня Победы. Для сознания, мучительно переживающего состояние своей униженности, особую ценность приобретают воспоминания о времени торжества и мощи. И тень былой славы, отбрасываемая прошлым в настоящее, вдруг стала стремительно расти, пока не накрыла собой всю страну, сделавшись, словно в одноименной пьесе Евгения Шварца, ее полновластной хозяйкой. Народ, как и власть, быстро уверовал в то, что «можем и повторить». И в какой-то момент вместо московских троллейбусов с надписью «На Берлин!» поползли танки на Киев. Варварство и хамство — частая реакция ресентимента на не устраивающую действительность. И тогда охваченная этим чувством страна, поднимаясь с колен, непременно наступает кому-то на горло.

Все это так же старо, как ветхозаветная история о Каине и Авеле, по сути, одно из первых свидетельств ресентимента, приведшего в итоге к метафизическому бунту против целиком субъективистских представлений Бога о справедливости.

Сложившаяся ситуация напоминает затянувшийся бракоразводный процесс: она пытается уйти к другому, он этому изо всех сил препятствует. Формально развод уже давно состоялся, но одна из сторон не восприняла его всерьез. И вот, вместо цивилизованного расставания выяснение отношений выливается в мордобой и смертоубийство. В процессе конфликта происходит

тотальное сведение счетов. Ненависть, — подметил один философ, — питается каждой мелочью, как и любовь. Особенно отчетливо она проявляется, когда дело доходит до раздела совместно нажитого имущества, прежде всего, языка и культуры. Тогда в каждом слове, каждом литературном образе ненависть находит себе пищу, доказывая природную порочность и изначально заложенную в другом генетически и культурно обусловленную склонность к насилию. И в ходе вражды руины культуры первыми усеивают территорию.

Ненависть смотрит на мир через зеркало «злющего-презлющего» тролля из андерсеновской сказки *Снежная королева.* Осколок именно этого зеркала проник в глаз мальчика Кая, и теперь «все доброе и прекрасное уменьшилось донельзя, все негодное и безобразное, напротив, выступило еще ярче, казалось еще хуже». Оптика ненависти — лучшее изобретение тролля, ибо, как непрестанно повторяли его ученики, — «только теперь можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете».

Дж. Кришнамурти делил людей на две категории: одни склонны любоваться видом океана, не замечая при этом урну с окурками, которая в нем плавает, другие видят только эту урну и не замечают океан. При желании, в каждом океане отыщется своя урна. Ненависть всегда фокусирует наше зрение исключительно на ней. Ненависть всегда ведет к неизбежному упрощению картины мира, рисуя ее полностью черно-белой. Безусловно, развязанная война, убийство мирных людей — зло, не имеющее оправданий, но и убийство в человеке того, что делает его человеком — не меньшее зло. Если не можешь дать по морде тому, кто тебя обидел, не нужно в ответ бить ту морду, до которой сумел дотянуться. Ведь и российская власть с удовольствием давала по морде творцам русской культуры, а после их кончины часто торжественно мумифицировала и причисляла к духовным скрепам. К несчастью для Пушкина, Путин оказался более удачливым стрелком, чем Дантес. Но не стоит ему содействовать в организации публичных похорон Александра Сергеевича. На почве, обильно удобряемой ненавистью, произрастают только драконьи зубы. И тогда, в борьбе с чужими драконами, часто не замечаешь, как в это же время произрастают твои собственные. И это еще один срез разыгрывающейся трагедии — срез метафизический.

Не только в сражающихся сегодня Украине и России, но и на «миролюбивом» Западе последние десятилетия повышался градус взаимной ненависти и агрессии, нарастали радикальные настроения, раскалывалось и поляризировалось общество. Повседневная борьба за ценности демократии велась все более воинственно и непреклонно, толерантность день ото дня становилась все непримиримее, а призывы к всеобщему покаянию приобретали все более угрожающие интонации. Культура отмены культуры стала приоритетной и часто единственной формой приобщения масс к заветным плодам цивилизации. Движение это с восторгом поддержали многие интеллектуалы, идущие в ногу со временем. Что ж, как формулировал Бакунин: «Страсть к разрушению есть творческая страсть». «Украшения должны быть варварскими», — советовал когда-то Модильяни Анне Ахматовой. Похоже, что сегодня варварскими стали и все прочие ценности, которыми мы привыкли себя украшать. Наступило парадоксальное время мощных взлетов научной мысли и невиданных технологических прорывов на фоне духовного оскудения человеческой личности, ее катастрофического обмельчания. И эпоха искусственного интеллекта на деле оборачивается эрой цифрового одичания. Homo Sapiens неуклонно эволюционирует в Homo Virtualis. Сознаем мы это или нет, но мы живем в ситуации глубокого системного кризиса: политического, социального, культурного. Кризис сам по себе является неизбежным моментом культуры, естественной болезнью роста. Бескризисным мир можно представить себе разве что на картине Левитана «Над вечным покоем». Но кризисы случаются разные.

Есть кризисы как этапы развития культуры, кризисы, происходящие внутри единой культурной парадигмы, например, переход от эпохи Возрождения к эпохе Барокко, от Барокко к веку Просвещения, от классицизма к романтизму и т. д. Но случаются и кризисы самой культурной парадигмы, нередко приводящие к катастрофе. Как правило, они кончаются гибелью одних культурных миров и рождением новых. Все это уже было в прошлом. Однако в условиях глобального характера современной постиндустриальной цивилизации ситуация складывается несколько иначе. Возникли угрозы и риски, с которыми человечество прежде не сталкивалось, например, накопленный некоторыми государствами ядерный потенциал, чреватый возможностью коллективного суицида. Да и на появление очеред-

ных варваров, способных подхватить эстафету, надежды призрачные. Поскольку варвары теперь уже не внешние, а только внутренние. Они неплохо овладели практикой разрушения, но вряд ли способны к созиданию. (Если, конечно, под созиданием иметь в виду сооружение готических соборов, а не взрывы атомных реакторов.)

В этой перспективе и идущая война — один из созревших нарывов пораженного серьезным недугом организма. «Человек — это непрерывное усилие», — полагал Мераб Мамардашвили. Ныне, как никогда остро, стоит вопрос о плодотворности и направленности этого усилия. Считается, что дорога в ад вымощена благими намерениями, однако возгонка ненависти прокладывает туда скоростные пути.

Смерть Бога, которую диагностировал Фридрих Ницше, перечеркнула былые надежды на распределение в райские кущи после успешной сдачи земной сессии. Зато ад и чистилище, согласно оставленному завещанию, перешли теперь в нашу полную собственность. В результате развернулась борьба за переход от загрязняющего окружающую среду адского пламени на экологически чистую зеленую энергетику. Так, с кончиной Бога, заметно выросла наша политическая ответственность и четче обозначилась гражданская позиция.

Если оставить в стороне иронию и постараться взглянуть на проблему серьезно, то не может не удивить определенное сходство нынешних отчаянных бунтарей и профессиональных борцов с мировым злом, принадлежащих к различным политическим и социокультурным течениям, с религиозно-сектантскими движениями, известными нам из истории Средневековья. Возникает невольный вопрос: где кончаются идейные убеждения и начинается слепая фанатичная вера? И что в этом случае чему предшествует? У борцов с колониальным наследием и у одержимых национальной идеей, при всем различии целей, есть что-то неуловимо общее, что объединяет участников таких движений.

Движения эти вбирают в свои ряды обычно не только людей по преимуществу наивных и неискушенных, но и индивидов, обладающих развитым интеллектом и прекрасным образованием. Рискну предположить, что ни наши аналитические способности, ни широта кругозора не гарантируют иммунитета от подобных пандемий. Вирус массовых движений, скорее всего, работает на уровне нашего подсознания. Включаются какие-то древние

архетипы, существующие в глубине нашей психики и активизирующие не области нашего рационального познания мира, а, скорее, механизмы восходящей к родоплеменным началам нашей иррациональной веры. А уже затем наше сознание формирует соответствующие рациональные основания, из которых разум формирует цепь логических доказательств и аргументов. Так рождаются наши твердые убеждения.

Давид Юм писал о том, что ценности наши, скорее, переживаются, чем мыслятся. Эрнст Кассирер определял человека как символическое животное. Как бы то ни было, символическая реальность обладает над нашим сознанием гипнотической силой. Она способна как вознести нас к вершинам творческого духа, так и отдать во власть коварным чарам Цирцеи, превратив в стадо свиней.

Эрик Хобсбаум, один из известных британских историков, считал учение о классах научным знанием, а национализм — идеологией. Человеку, которому «посчастливилось» родиться и жить в Советском Союзе, на собственном опыте довелось узнать, что учение о классовой борьбе пролетариата с буржуазией — ничто иное, как идеология. Впрочем, в тридцатые-сороковые годы в соседней стране расовый подход тоже представлялся не идеологией, а научной истиной.

Именно идеологии порождают *«воображаемые сообщества»*[1], где человеческие связи должны строиться не на привычных чувствах дружеской привязанности и общности взглядов и интересов, а на примитивных вариациях древнего антогонизма «свой-чужой». Общность, создаваемая идеологиями, как свидетельствует исторический опыт («революция поедает своих детей»), оказывается подменой, симулякром живых человеческих отношений. Такая общность обращена не к целостной человеческой личности с ее неповторимой индивидуальностью, а лишь к единомышленнику, разделяющему твои политические пристрастия. Людей здесь связывают не узы братской любви, а путы партийной принадлежности, предполагающие, что все личное безусловно подчинено общим задачам и целям. В связи с этим система противопоставлений по принципу «свой-чужой» всегда изменчива и динамична: вчера наш двор шел бить чужой, сегодня, вместе с чужим двором, идем бить соседнюю улицу, зав-

[1] Определение Бенедикта Андерсона.

тра — вместе со всеми нашими дворами — другой район города. Потом — стенка на стенку, страна на страну. Поэтому тот, кто вчера воспринимался нами как чужой, с появлением еще более чужого может стать своим. Думаю, для того, чтобы объединить человечество невзирая на нации и расы, классы и их прослойки, необходимо срочное нашествие инопланетян.

Символическая реальность, обладающая с архаических времен магическими свойствами, утраченными нашим сознанием сегодня, продолжает свое магическое воздействие на наше бессознательное. То, что перестало быть частью практического знания, продолжает существовать как основа нашей веры.

Иной раз трудно противостоять искушению найти защиту нашему хрупкому, уязвимому «я» в могучем коллективном «мы», слиться с ним в едином потоке, пережить экстатическое чувство полноты и интенсивности собственного существования, его наполненности сверхличными сакральными смыслами, и растворить, наконец, тяжесть личной свободы в анонимности коллективной ответственности.

Ненависть, как раскаленная лава, выплеснулась сегодня наружу пока что в восточной части Европы, но вулканическая активность наблюдается повсеместно, и трудно сказать, в каком месте рванет завтра.

В своем философском эссе-притче *Письма Баламута* К. С. Льюис описывает обитателей ада. Согласно Льюису, они жадно впитывают волны вражды и ненависти, исходящие от людей. В этом источник их силы. Свой вечный голод они утоляют, подпитываясь страданиями людей, мучающих и убивающих друг друга. Война — это то состояние, которое они постоянно пытаются инициировать и поддерживать в мире, что дает им возможность ненадолго насытиться.

Сегодня этим бесам, скорее, угрожает опасность умереть от обжорства, чем от голода. Мир находится в точке безумия, которая может стать последней точкой его истории. Безумие политических элит подогревает безумие масс. Поэтому нам не стоит опасаться глобального потепления, похоже, мы успеем остановить его наступлением ядерной зимы.

Хочется верить, что я окажусь неправ.

Ханс Оверслоот

Нация, государство и империя: *не* к новому демократическому мировому порядку. С акцентом на войну 2022 года в Украине

Центральной темой этого эссе является не определение вины и виновности, и не моральности или аморальности политики. Центральной темой является важность идей нации и государственности, того, как они влияют на людей и как люди, стоящие у власти, используют эти идеи и сами подвергаются их влиянию.

В 1989 году рухнула Берлинская стена, и менее чем за два года распался Варшавский договор. До конца 1991 года распался и сам Советский Союз, распался на ряд политических образований, претендовавших на независимость и суверенитет. Распад СССР и его внешней империи считался окончанием холодной войны, а некоторыми, особенно на Западе, победой либерализма и капитализма над государственным социализмом и репрессиями. Противостояние двух конкурирующих образов жизни закончилось, «восточный» образ жизни уступил. Нормальность возобладала над идеологией, и либеральная демократия осталась без конкурентов.

В начале 1990-х Китай еще не принимали в расчет, и его будущее было неясно. В международной сфере, в промышленности, в финансах Китай не играл еще значительной роли. Либеральное восстание, подавленное на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, можно было объяснить двояко. Восстание само по себе можно было воспринимать как трещину в монолите и первый признак «нормализации» и этой страны. Силовое же подавление восстания могло означать и то, что Китай (снова) закроется.

Американский политический мыслитель Фрэнсис Фукуяма констатировал, что после гибели главного конкурента Запада в истории не осталось антагонизма[1]. Спустя несколько лет Фу-

[1] Фрэнсис Фукуяма, *Конец истории и последний человек*, Свободная пресса, Нью-Йорк, 1992.

куяма вынужден был изменить свою позицию, обратив внимание на эффект возрождения национализма. Но в то время многие западные политики были согласны с Фукуямой: мир «стал безопасным» для либеральной демократии.

Многие, в том числе специалисты по «национальному вопросу» в (бывшем) Советском Союзе, например, Эмиль Паин, Валерий Тишков и другие, утверждали, что сам распад Советского Союза во многом был вызван националистическим «возбуждением умов» горбачевского периода[2]. Национализм конца 1980-х представлялся как внутри- или внепартийная народная поддержка («народный фронт») политики гласности и перестройки Генерального секретаря ЦК КПСС (а позднее Президента СССР) М. С. Горбачева, и использовал гласность для реализации националистических устремлений при фактическом противоречии с интернационалистской и всесоюзной позицией Горбачева[3].

После распада СССР на 15 (прото-) национальных государств Хуан Дж. Линц и Альфред Степан полагали, что наблю-

[2] Выражение заимствовано из: Валерий Тишков, *Этничность, национализм и конфликты в Советском Союзе и после него: Разум пылает*, Международный институт исследования проблем мира, Осло, 1997. Идея о том, что национализм способен воспалить разум, вытекает из ранее описанного влияния религии на некоторых людей. Эффект религиозного пыла и религиозной энергичности вполне сопоставим с эффектом, который национализм может оказывать на «истинно верующих». Эффекты религиозного пыла, националистического пыла или (другого) идеологического пыла (который, например, демонстрировали большевики начала XX века) часто сопоставимы, а нередко религия, национализм и (другая) политическая идеология смешиваются.

[3] Похоже, М. С. Горбачев так до конца и не понял, какие силы национализм может сдерживать, а какие, наоборот, развязывать. Более того, ему было трудно, если не невозможно, идти против высказываний националистического характера тех, кто представлялся сторонниками его политики. Советские интернационалисты и консерваторы союзной партии в нескольких союзных республиках объединились в конкурирующие «интерфронты». Эти «интерфронты» были более союзными (или более интернационалистскими, если угодно), но во всех (других) отношениях они были также более консервативными. Горбачев, в конце концов, лишился поддержки как антисоциалистических националистов, так и тех, кто придерживался идеи о появлении (нового) советского человека. Этот «советский человек» якобы преодолел национализм и этничность, «перешагнул» их, если хотите.

дают продолжение глобальной тенденции в старых и новых странах, где ранее доминировали руководимые Москвой ленинские партии, тенденции к развитию демократических политических режимов. В 1996 году они опубликовали книгу *Проблемы демократического перехода и консолидации*, где хоть и не рассматривали основные проблемы на пути к демократии в странах Центральной и Восточной Европы как уже решенные, но в целом были весьма оптимистичны, что следует из подзаголовка книги: *Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа*. Были проблемы с переходом и укреплением демократии в Южной Америке, в Португалии, Испании и Греции, переход от авторитаризма к демократии менее сложен, чем переход от «посттоталитаризма» к демократическому строю, но все же такой переход казался *единственным путем* вперед[4]. По словам Сэмюэля Хантингтона, которые применимы к взглядам Линца и Степана на этот вопрос, демократия консолидирована, когда это «единственная игра в городе», то есть консолидированная демократия — это страна, в которой все действующие игроки (бизнесмены, государственные чиновники, военные, государственные и частные корпорации) больше не оспаривают — и не *собираются* оспаривать — того, что народные представители и политические лидеры должны избираться и сменяться на регулярных, свободных и честных выборах, в которых могут участвовать все совершеннолетние граждане страны.

Возможно, Линц и Степан были слишком оптимистичны.

В 2010 году Стивен Левицкий и Лукан Б. Вэй опубликовали книгу *Конкурентный авторитаризм* с подзаголовком *Гибридные режимы после холодной войны*, которую можно считать «современной классикой» в академической области сравнительной политики, оставив в стороне Южную Европу и Южную Америку и сосредоточившись на Средней и Центральной Европе и (других) государствах-преемниках СССР. Авторы отмечали, что не все посткоммунистические (постсоциалистические) режимы превратились в демократии. Некоторые из режимов

[4] Хуан Дж. Линц и Альфред Степан, *Проблемы демократического перехода и консолидации: Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа*, Университет Джона Хопкинса, Балтимор и Лондон, 1996 г. Посткоммунистическая не-Европа выходила за рамки их исследований, хотя для Линца и Степана, видимо, было не совсем ясно, где должна кончаться Европа и начинаться Азия.

оказались в перманентном лимбе, названном авторами «конкурентным авторитаризмом», где-то между демократией и авторитаризмом, сочетая в себе черты обоих политических типов. В конкурентной авторитарной системе существует конкуренция за выборные должности, взрослое население имеет право голоса, в определенной степени существует свобода слова и организаций, выбора политических партий и/или политических кандидатов, но поле политической игры перекошено в сторону действующего президента или его фаворита. Левицкий и Вэй предположили, что конкурентный авторитаризм является определенным типом политической системы, который может быть в значительной степени стабильным и, следовательно, постоянным, как демократия или авторитаризм. Конкурентный авторитаризм также может быть принят как «единственная игра в городе», а конкурентный авторитарный режим также может быть «консолидирован»[5].

Когда Левицкий и Вэй сформулировали концепцию «конкурентного авторитаризма», трудно было представить, чтобы такая система была долговечной. Невозможна серьезная конкуренция, когда, в конце концов, одному человеку, одной партии, или, назовем это «власть имущим», гарантирована победа. Политические конкуренты, которые снова и снова вынуждены поддерживать видимость подлинной и истинной демократии, обратятся против самой этой системы. Или они «выключатся» и откажутся от политики. Третья возможность — они станут подвластны правящим кругам и как бы кооптируются ими; оппозиционеры в такой системе всего лишь спарринг-партнеры, необходимые для имитации честной борьбы и развлечения публики. Такие «оппозиционеры» будут соответственно вознаграждены за театральность, за свою «истинную и честную» оппозиционную роль. Получается некий авторитаризм, возможно, «многопартийный», но авторитаризм[6].

[5] Стивен Левицкий и Лукан А. Вэй, *Конкурентный авторитаризм: гибридные режимы после холодной войны*, Кембриджский университет, Кембридж и т. д., 2010 г.

[6] Как известно, в СССР коммунистическая партия была единственной разрешенной партией, согласно Сталинской Конституции 1936 года, а также согласно Конституции Брежнева 1977 года. Пожалуй, стоит напомнить, что, например, и ГДР, и Польша были официально многопартийными даже во времена Сталина.

У конкурентной авторитарной системы есть два варианта будущего. Она либо разваливается, а ее руководство отстраняется от власти в результате восстания или государственного переворота, чтобы, возможно, снова попытаться начать сначала и стать демократией, либо режим становится откровенно авторитарным и тогда должно произойти что-то значительное, чтобы заставить руководство отказаться от своего положения и привилегий, например, утрата власти после крупных военных потерь. Со временем демократическая оболочка стирается, и «конкурентный авторитаризм» становится просто авторитарным. Видимость многопартийности и регулярных выборов не делает Ильхама Алиева менее авторитарным правителем Азербайджана, что было совершенно ясно уже в 2010 году. Видимость демократии, многопартийной системы и выборов через соответствующие промежутки времени не делала и не делают Казахстан менее авторитарным. Называние таких систем «конкурентными авторитарными системами» заставляет их выглядеть лучше — с демократической точки зрения — чем они есть на самом деле. Никто не назвал бы Польшу и ГДР 1950-х или, тем более, 1960—1970-х «конкурентными коммунистическими» или, если угодно, «конкурентными социалистическими» системами, хотя официально и «фактически» они были многопартийными системами, и выборы на всех государственных уровнях были регулярными. То, что В. В. Путин избирается и переизбирается, избирается и вновь переизбирается из других кандидатов на президентство, не делает его более демократичным лидером. В начале 2000-х у Российской Федерации были все признаки «конкурентного авторитаризма». Но нельзя слишком долго играть в демократическую систему: либо демократия должна проявляться в смене руководства в результате выборов, либо система окажется авторитарной, несмотря на формальный партийный плюрализм и частые выборы.

Отметим, что после падения марксизма-ленинизма в большей части Европы и Азии или, точнее, после падения режимов, правящих с помощью марксистско-ленинской идеологии, мир не был воссоздан как мир, правильно поделенный на государства полностью демократические, или, по крайней мере, недавно «освобожденные» и идущие к демократии. Но ожидание того, что мы движемся к такому миру, имело свои последствия. После окончания холодной войны в 1990-е годы страны

НАТО сократили военные бюджеты, и «обналичили» «дивиденды мира», да и само НАТО утратило большую часть причин для существования.

За десятилетие возникли новые военные угрозы и угрозы безопасности законным демократиям, в частности, исламский фундаментализм в лице «Аль-Каиды» и ИГ, а также ядерная угроза со стороны Северной Кореи. В течение 2000-х и 2010-х годов Китай становился все более мощным и технологически развитым, оставаясь идеологически другим.

В 1990-е годы оптимизм (Фукуямы или Линца и Степана) преобладал в законных демократиях, и в некоторых из новых независимых и новообразованных стран, теперь предположительно идущих к демократии и капиталистическому богатству[7]. Однако это светлое либерально-демократическое будущее наступило не во всех странах, «обреченных» стать «такими, как мы». На самом деле будущее стало очень сильно напоминать прошлое. «Наши» надежды были основаны на ошибочных предположениях, и, что, возможно, более важно, «мы» в некоторых отношениях продолжаем обманывать самих себя.

* * *

Политические элиты и «порядочные люди» на Западе конца XX века отвернулись от «национализма» (как и расизма, и гендеризма) и заговорили о человечности и универсальных правах личности, которые должны быть гарантированы и отстаиваться, прежде всего демократическими политическими сообществами, организованными как суверенные государства. Последний генсек КПСС надеялся подтолкнуть СССР к аналогичным целям, к «Общему европейскому дому», а США и Европа вели челове-

[7] Возможно, на Западе было больше оптимизма в отношении будущего большинства государств-правопреемников Советского Союза, чем народного оптимизма в государствах-правопреемниках Советского Союза, особенно в РФ. В то время, как ведущие либералы в начале 1990-х годов в РФ возлагали большие надежды на свою страну, большая часть населения переживала кризис, падение доходов, сокращение продолжительности жизни, рост преступности (негосударственной преступности). Число самоубийств и алкоголизм достигали максимума. Период уныния, надежд, которые едва возникнув, часто сразу же рушились.

чество в будущее своим примером, а не силой[8]. На самом деле большая часть Центральной и Восточной Европы вела себя иначе. Добавим, что и значительная часть населения западного мира вела себя по-другому[9].

Распад Варшавского договора как военного союза и как своего рода политического союза, распад СССР как формально федеративного государства, а также развал и распад Югославии как федеративного государства в значительной степени произошли благодаря умам, воспаленным национализмом, национализмом как анти-(интернациональным) социализмом, но также и «национализмом как национализмом», то есть нациями, заявляющими свои претензии по отношению к другим нациям, каждая из которых разграничивает «свой народ», «свою территорию» и вновь проводит различия между «нами» и «ними», различия не такие, как между рабочими и эксплуататорами, социализмом и капитализмом или либералами и консерваторами, но различия по общему языку, общему страданию (не разделяемому другими народами), общему прошлому (памяти об исторических врагах) и отсылкой к общей судьбе. Эти раз-

[8] См.: Михаил Горбачев, *Перестройка: Новое мышление для нашей страны и мира,* HarperCollins, Glasgow 1987; см. также среди множества других публикаций: Михаил Горбачев, *Манифест для Земли: Действовать сейчас ради мира, глобальной справедливости и устойчивого будущего*, Clairview Books, Forest Row 2006 (первоначально опубликован на французском языке в 2002 году под названием *Mon Manifeste pour la Terre*).

[9] Позволю себе личное замечание. Я начал изучать историю в Лейденском университете, Нидерланды, в 1974 году. Национализм не был важной темой. На самом деле, он вообще не был важной темой. Конечно, существовал гнусный национализм нацизма и фашизма (и похвальное национальное сопротивление, за королеву и страну для одних, за страну для других, за международный социализм (коммунизм) для третьих), и, конечно, национализм был важен в различных обличьях при создании (современных) государств, таких как Франция, Италия и Германия, но по какой-то причине изучение национализма считалось *старомодным*. Лейденский университет в то время считался буржуазным университетом. В университетах Амстердама и Неймегена господствовали разновидности марксизма. На факультетах истории и социальных наук изучение национализма было еще менее важным и, возможно, считалось еще более устаревшим. *Интернационализм* в различных его проявлениях был *в моде*.

личия и общности могут также распространяться на религию и способы политического правления. Например, человек, как правило, не будет «признан» армянином (принадлежащим армянскому народу), если не «придерживается» Армянской Апостольской Церкви, не испытывает неприязни (до ненависти) к туркам (в том числе азербайджанским), и не чтит до благоговения армянскую письменность. Большинство чеченцев не будут «признавать» чеченцами других, если те не являются истинно верующими (мусульманами и суфиями, но не христианами или атеистами) и не участвуют или не придерживаются мужского воинского культа, который многие считают одной из неотделимых принадлежностей чеченства. Другой пример: «настоящий» татарин — это мусульманин, возможно, только номинально, но не христианин. По крайней мере, не с точки зрения большинства («настоящих») татар. Татарско-христианское меньшинство в Татарстане знает, что его считают второсортным, и ведет себя соответственно. Современные концепции «нации» включают идею принадлежности к нации по преемственности[10], по наследству, как качество, полученное от отца и/или матери. Некоторые нации (национальности) придерживаются неявных или явных правил исключения, а некоторые включения другими способами помимо рождения (например, через брак или через усыновление). Более того, определение нации ее основными членами может со временем меняться, и после тщательного изучения «исторические корни», о которых говорят и которые почитают многие народы, могут оказаться не очень глубокими. «Многовековая» общность («с начала времен», «с тех пор, как существует земля») вполне может быть придумана сравнительно недавно. Национализм — это страшная сила, которую после Второй мировой войны многие на Западе считали «отработанной» и «преодоленной». Да и в Советском Союзе «национальность» считалась пережитком досоциалистического прошлого, а надежда на появление «нового советского человека» своего рода интернационализмом.

М. С. Горбачев не закрывал глаза на явные признаки возрождения национализма в Советском Союзе. Он не игнориро-

[10] По крайней мере, таково было мое впечатление, основанное на личных контактах в 1990-х годах. Возможно, я ошибаюсь, и ситуация могла измениться.

вал эти признаки сознательно, но будучи «советским человеком» и космополитом, похоже, не вполне понимал огромный созидательный и разрушительный потенциал национализма. Но даже полностью осознавая силу национализма, смог ли бы он предотвратить развал СССР? Разве было бы это возможно без фактического разворота его политики и перехода на сторону «консервативной реакции» задолго до августа 1991 года, когда оказалось, что попытка предпринята слишком поздно?

7 декабря 1988 года землетрясение в Армении разрушило Ленинакан (Спитак). Оно стоило жизни от 25 000 до 50 000 человек (разрушения затруднили точный подсчет), до 130 000 человек были ранены, полмиллиона человек остались без крова. Посторонних, вроде меня, поразил тот факт, что вскоре после катастрофы многих из оставшихся в живых армян, казалось, больше заботило «возвращение» Нагорного Карабаха Армении, «освобождение его» от азербайджанских врагов, чем организация скорейшей помощи многочисленным жертвам этого ужасного стихийного бедствия[11]. Миллионы долларов были отправлены из-за рубежа для финансирования помощи, но армянские национальные или, я бы сказал, националистические приоритеты, по-видимому, были другими. В конце 1980-х проявился антагонизм не только между армянами и азербайджанцами. Грузия была одной из первых, кто (вновь) утвердил свою независимость от Москвы. Грузинская националистическая политика Звиада Гамсахурдиа — «Грузия для грузин» — спровоцировала национальные меньшинства Грузии заявить претензии на «свои» национальные территории. Если Грузия для грузин, то Абхазия для абхазов и (Южная) Осетия для осетин. (Гамсахурдиа был председателем Верховного Совета Грузии с ноября 1990 г. по апрель 1991 г. и впоследствии стал первым избранным президентом Грузии (апрель 1991 г. — январь 1992 г.).) Горбачевская политика гласности и перестройки была поддержана большинством националистических движений в СССР (с исключениями: Звиад Гамсахурдиа в своих интересах воспользовался попыткой М. С. Горбачева либерализовать советское общество, что, в свою очередь, побудило Москву поддержать абхазские и осетинские претензии, чтобы дисциплинировать власти в Тбилиси. Нацио-

[11] См. также: Уильям Таубман, *Горбачев. Его жизнь и время*, Саймон и Шустер, Лондон и др. 2017, с. 426.

налистический подъем в Казахстане последовал в ответ на назначение Геннадия Колбина, русского по происхождению, первым секретарем КП Казахстана в декабре 1986 года в качестве преемника Динмухамеда Кунаева, уволенного Горбачевым после подтвердившихся обвинений в коррупции. Кунаев возглавлял КП Казахстана 22 года. Колбин не был первым неказахом, поставленным во главе КП Казахстана, но казахские националистические настроения оказались достаточно сильны, чтобы консолидировать общественный протест против назначения неказаха вместо коррумпированного казахского лидера и его окружения[12]. (Возможно, он и коррумпированный лидер, но он наш коррумпированный лидер.) В 1989 году Колбина сменили на казаха Нурсултана Назарбаева.

Страны Балтии объединились против вмешательства Москвы в свои дела.

В Союзной Республике Молдова вспомнили о румынских корнях и проявили приверженность (большему) румынскому государству.

Националистическое движение «Рух» в Украине во главе с Вячеславом Черноволом, поддерживавшее основные аспекты политики Горбачева, которое могло процветать только благодаря гласности, пошло на сделку с бывшим первым секретарем КП Украины Леонидом Кравчуком, что дало Кравчуку, ставшему националистом, новый толчок в политической жизни, позволивший Кравчуку стать первым президентом страны. Все активные украинские националисты в советское время действовали вне госаппарата (и многие отбывали длительные сроки в тюрьмах и трудовых лагерях). Объединив усилия с теми, кто имел опыт административного руководства, они обеспечили лояльность этих самых аппаратов делу национализма, лояльность, не исключающую внутренних раздоров, коррупции и откровенного разворовывания государственных активов.

Подписание нового Союзного договора по воссозданию и *федерализации* Союза[13] было предотвращено попыткой пере-

[12] В 1986 году казахи составляли чуть менее 40 процентов населения Казахстана; русские составляли меньшинство почти такое же по численности, превышающее 6 миллионов человек.

[13] Текст этого договора от 15 августа 1991 года, который так и не был подписан, но на который согласились 9 союзных республик плюс СССР, откуда и пошло «соглашение 9+1», см. на сайте: https://

ворота 19 августа 1991 года. Провал этой попытки ускорил распад старого Союза и положил конец надеждам на новый Союз, надеждам, которые уже не поддерживали даже девять союзных республик из тех, что хотели подписать новый Союзный договор. Прибалтийские республики, Молдова, Грузия и Армения подписывать его не захотели. После того, как Украина на референдуме в начале декабря 1991 года высказалась за суверенитет и независимость, стало ясно, что дальнейшие попытки осмысленного союза будут тщетны, и СНГ (Содружество Независимых Государств), которое после этого все же возникло, было довольно аморфно и фактически должно было служить лишь отчасти успешным инструментом для организации и осуществления фактического развода бывших союзных республик. Для большинства бывших союзных республик СНГ служил зонтичной структурой, позволяющей большинству его членов продолжать сотрудничать в одних областях и не сотрудничать в других, создавая таким образом довольно сложную совокупность двусторонних и многосторонних «добровольных сотрудничеств» в различных специфических для политики областях, таких как торговля, международные финансы, оборона и безопасность.

Национализм, предполагающий соединение «нации» и «территории», стремящийся к национальному суверенитету и государственности (независимости), помог развалить Советский Союз и чуть не покончил с РСФСР/РФ. Ичкерия (Чеченская Республика) претендовала на суверенитет и независимость. В Республике Калмыкия в составе РСФСР/РФ президент Кирсан Илюмжинов тоже пошел своим путем. Татарстан во главе с президентом Минтимером Шаймиевым заявил о суверенитете и намекнул на независимость. Чеченская республика в конце концов была принуждена военным путем отказаться от претензий на независимость, Татарстан добился суверенитета без «вынужденного» насилия со стороны Москвы, но все национальные территории, все административно-территориальные образования («субъекты») в составе РСФСР /РФ, «отведенные» местному или провинциальному нерусскому большинству или даже нерусскому меньшинству, выдвинули свои претензии к федеральному — а значит, русскому — центру. Владимир Путин с самого

soviethistory.msu.edu/1991-2/nine-plus-one-agreement/nine-plus-one-agreement-texts/new-union-treaty/.

начала своей карьеры в Москве (будучи чиновником Администрации Президента, занимающимся внутренними отношениями) активно работал над подчинением этих республик и восстановлением «правильной» федеральной иерархии с преобладающей властью федерального центра.

Во время и после распада СССР в новых независимых государствах, а также в территориально-административных субъектах с республиканским статусом в составе РФ, наблюдалась общая тенденция преимущественного отношения к соотечественникам, представителям титульной нации (этноса). Этническим русским в суверенных и независимых государствах Эстонии и Латвии гражданство не предоставлялось, если они не обращались за его получением и при условии владения эстонским и латышским языками, чтением и письмом соответственно. В Казахстане этнические русские и украинцы потеряли работу, а экономическая и политическая власть была «национализирована» путем предоставления преференций гражданам Казахстана. Численность русских сократилась с 6 227 000 в 1989 г. до 3 429 000 в 2022 г., а численность казахов увеличилась с 6 534 000 в 1989 г. до 13 306 000 в 2022 г.; количество украинцев в Казахстане сократилось с 896 000 до 247 000 в 2022 году.

Что часто, иногда иронично называли «*советским миром*», было нарушено. Погибли тысячи людей. После погромов и гражданских беспорядков десятки, даже сотни тысяч азербайджанцев бежали из Армении в Азербайджан, а десятки тысяч армян — в основном из Азербайджана — бежали в Армению. Армения стала почти «чисто» армянским государством: с начала 2010-х годов более 98% населения Армении — армяне, и более 93% населения придерживаются Армянской апостольской церкви. В Азербайджане более 92% населения — азербайджанцы. Русских в Азербайджане осталось около одного процента. Грузины в основном бежали из Абхазии в Грузию. В Молдове в 1989 году 64,5% населения составляли молдаване, 13% — русские и 13,8% — украинцы[14]. После молдавско-приднестровского раскола «остаток» Молдовы, которая по-прежнему считает Приднестровье частью своей территории, стал более, а Приднестровье — менее молдавскими. До февраля 2022 года русских в Приднестровье было больше, чем молдаван: 161.000, т. е. около 34% населения были

[14] https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Moldova

русскими, 33% населения Приднестровья были молдаване, 28% — украинцы. По данным переписи 2014 года молдаване в Молдове составляли более трех четвертей населения, что больше, чем когда-либо после первой (советской) переписи 1959 года. В ряде государств-правопреемников СССР в Центральной Азии также стало преобладать титульное население. Среди других в Казахстане, где русских заменили казахами в промышленности и администрации. Общая численность русских сократилась. Уже в 1989 году в Ферганской долине Узбекистана начались этнические волнения, и турки-месхетинцы, которые были «переселены» в Среднюю Азию во время Второй мировой войны, покинули страну. Уехали также греки и евреи. Число русских в Узбекистане сократилось до менее чем 2% населения (точных данных нет, так как первая за 30 лет перепись населения запланирована на 2023 год). В начале июля 2022 года было объявлено о мерах по лишению (коренного) каракалпакского меньшинства в Узбекистане определенных прав на самоуправление, о прекращении статуса Каракалпакстана как «автономной республики» в составе Узбекистана и прекращении права Каракалпакстана на отделение (после проведения соответствующего референдума в Каракалпакстане). Эти меры, возможно, предвещающие отмену каракалпакского языка как регионального, вызвали серьезные гражданские волнения как в столице Каракалпакстана Нукусе, так и во всем регионе. Протесты были подавлены центральными властями ценой около 20 человек убитыми и более 200 ранеными[15]. Меры, ограничивающие права Каракалпакстана на самоуправление, были отменены. В настоящее время Узбекистан, вероятно, более чем на 85% состоит из узбеков, а государственная территория Узбекистана никогда не была более этнически однородной[16].

Каракалпаки, возможно, составляют от 2% до 3%, возможно, 5% быстрорастущего населения Узбекистана. (Общая численность населения Узбекистана оценивается более чем в 35 миллионов человек.) В Каракалпакстане в настоящее вре-

[15] См. также: https://www.voanews.com/a/unrest-in-remote-karakalpakstan-tests-uzbekistan-s-state-and-society-/6657260.html

[16] https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Uzbekistan#Ethnic_groups

мя узбеки составляют 38% населения, каракалпаки 34%, казахи 18% и туркмены 6%[17]. В 1989 году и каракалпаки, и узбеки были еще сравнимы по численности в Каракалпакстане, каждая национальность (этнос) составляла около 32% населения. Потом численность узбеков стала превосходить каракалпаков в самом Каракалпакстане. (Каракалпакстан — в основном, пустыня, составляющая более 40 процентов территории Узбекистана.)

Относительно самой РФ: еще до начала первой чеченской войны (1996–1998 гг.) русские (как и украинцы) стали покидать Чечню/Ичкерию. В основном, из Грозного, где проживало большинство нечеченских жителей Ичкерии. После первой чеченской войны там практически не осталось нечеченцев.

Республика Дагестан остается почти такой же мультикультурной (многонациональной), как и в советское время, но все русские уехали. В 1989 году русские все еще составляли более 9% населения; их относительная численность сократилось до 4,7% в 2002 г. и уменьшилось до 104 020, что составило 3,6%, в 2010 г. Можно предположить, что с тех пор, как абсолютное, так и относительное число россиян еще уменьшилось. Показательно, что у Русской Православной Церкви в настоящее время в Дагестане зарегистрировано 19 «организаций», у мусульман — 2495.

Согласно данным между переписями 1989 и 2002 гг. численность русских в Республике Калмыкия также продолжала снижаться. Калмыки стали абсолютным большинством населения Калмыкии.

В Республике Ингушетия в 2020 году более 94% населения составляли ингуши, русских было менее 1%, и их число продолжает сокращаться.

В Республике Башкортостан в 2010 году русские по-прежнему составляли 36% населения, башкиры — 30%, татары — 25%. Президенты Республики Башкортостан, за некоторыми исключениями, не были башкирами. (Президенты республик РФ в настоящее время называются *главами*, за некоторыми исключениями. Президент — это титул, который, по мнению многих, должен быть закреплен за одним Президентом, Президентом России.)

Русские в абсолютном большинстве согласны с тем, что Москва с 2014 года считает субъектами федерации Севасто-

[17] https://en.wikipedia.org/wiki/Karakalpakstan

поль (один из трех «федеральных городов» наряду с Москвой и Санкт-Петербургом) и Крым (Республика Крым).

В более мелких республиках Российской Федерации русские по-прежнему составляют большинство (в Республике Карелия, в Удмуртской Республике, в Республике Бурятия, в Республике Адыгея, в Республике Хакасия, в Республике Коми), или, по-прежнему, одно из значительных меньшинств. В Республике Мордовия русские составляют около половины населения (численность населения Мордовии в целом не меняется или сокращается), но мордва «приближается» к русским (поскольку число русских сокращается быстрее). Русские составляют почти половину населения Республики Марий Эл, другую половину составляют марийцы. Русские по-прежнему составляют около 25% населения Чувашской Республики, где чуваши составляют около 70% населения. Однако в Кабардино-Балкарской Республике абсолютная и относительная численность русских быстро снижается. Снижается их численность и в Карачаево-Черкесии, в настоящее время она составляет менее 30 процентов, и карачаевцы численно превосходят русских; между переписями 1989 и 2002 годов карачаевцы стали большой этнической группой в Карачаево-Черкесской республике. В настоящее время карачаевцы составляют более 40% (вероятно, около 50%) населения. Саха составляют большинство в Республике Саха, где русские сейчас — самое большое меньшинство (Республика Саха почти безлюдна: миллион жителей в республике, почти в пять раз превышающей по территории Францию). В Республике Северная Осетия-Алания, с общим населением около 700 000 человек, осетины составляют около 70% населения, и их число растет; русские в настоящее время составляют менее 20% населения, и их число продолжает уменьшаться. В Республике Тыва, где проживает немногим более 300 000 жителей, численность тувинцев увеличились до 90%, численность русских сокращается быстрыми темпами, и в настоящее время русские составляют около 10% населения.

Многие из суверенных и независимых государств, пришедших на смену СССР, проявили тенденцию к большей этнической однородности. Эти государства стали даже более этнически однородны, чем были в досоветские времена. В республиках южного федерального округа численность этнических русских значительно сократилась с конца 1980-х годов. В некоторых из этих республик русские составляли значительное меньшинство

еще с досоветских времен. В индустриальных районах Северного Кавказа (как и во всем СССР) число этнических русских (часто и украинцев) увеличилось из-за индустриализации. Архитекторы и инженеры, первые промышленные и квалифицированные рабочие часто были русскими, реже украинцами. В высшие эшелоны коммунистических партий союзных республик часто назначались русские, чтобы обеспечить преобладание «единой» коммунистической политики и предотвратить превращение республиканской коммунистической партии в национальную. В высшем эшелоне коммунистической партии СССР большинство основных по численности «национальностей» имели «своих» представителей, особенно видные роли играли коммунисты из Союзной Республики Украины: Леонид Брежнев был выходцем из Днепропетровской области; Константин Черненко родился в Сибири, но был этническим украинцем, Горбачев был смешанного русско-украинского происхождения. Эта политика не всегда позволяла держать партию в узде, но, как правило, первый секретарь компартии союзной республики принадлежал к титульной нации союзной республики, второй секретарь — нет, а нередко был этническим русским. В Молдове первый секретарь не всегда был этническим молдаванином, а в Белоруссии не всегда этническим белорусом.

Во многих государствах-преемниках Советского Союза уход русских и процесс этнической гомогенизации, вероятно, были вызваны, а возможно, и способствовали тому, что Россия и русские воспринимались как «другие», в одних случаях как союзник, в других — как враг, но определенно как «другие». Русская культура, менее влиятельная в этих странах, оказала влияние в теперь уже *международной* политической сфере. Вряд ли русский язык останется лингва-франка для будущих поколений даже в высших политических и деловых кругах этих стран. Наиболее вероятным преемником становится английский.

Тем самым, в течение последних 30 лет «русский мир» сокращается, несмотря на экономическое возрождение России в последние два десятилетия.

Процесс этнической гомогенизации территориально-административных субъектов со статусом республик внутри самой Российской Федерации, в первую очередь в Северо-Кавказском федеральном округе, может иметь серьезные последствия для удержания Москвой этих субъектов. Еще лет пятнадцать назад я бы утверждал, что процесс этнической гомогенизации и выезда

русских — титульной нации Российской Федерации — не сулит ничего хорошего для развития демократии в субъектах РФ, т. к. препятствует контролю над местными этническими элитами со стороны как политических лидеров, так и простых граждан из «стран ближнего окружения». Но сейчас меньше причин подчеркивать негативное влияние на развитие демократии в этих субъектах, поскольку «демократический проект» в «странах ближнего окружения», равно как и в самой Российской Федерации, прерван. Если говорить о перспективах демократии, то этническая гомогенизация и выезд русских из этих субъектов усложняет «прямое правление» Москвы в этих частях страны, а в некоторых субъектах может оказаться просто невозможным. Как это уже оказалось невозможным в Чеченской Республике и Республике Дагестан. «Этническая принадлежность» (национальность) стала более важной, и Москва больше не может управлять через этнических «доверенных лиц». Местные, то есть «республиканские», претенденты на политическую власть больше не позволят русским играть эту роль и конкурировать с «коренными жителями». И в Дагестане, и в Чечне, и в других регионах СКФО Москва вынуждена вернуться к «непрямому правлению», за что дорого платит. Завися от местных правителей в поддержании порядка и видимости подчинения федеральному центру, Москва должна обеспечивать «адекватное финансирование» местных правителей, и не может избежать того, что федерально-республиканские лидеры, часто склонные смешивать политику с бизнесом, не допускают внешнего вмешательства и конкуренции в своей «вотчине» и «доят» Москву.

В советское время влияние национальности и религии в сфере политики подавлялось Коммунистической партией СССР. Религия подавлялась партией и государством, либо ей позволяли играть вспомогательную роль (в частности, Русской Православной Церкви, с началом Второй Мировой, точнее Великой Отечественной войны). Национальным культурам позволялось расцветать и цвести до тех пор, пока они были восприняты и представлены как разнообразные проявления грядущего социализма/коммунизма[18], а русские выступали в качестве союзного народа, обеспечивающего контроль над культурным разнообразием.

[18] Ср. Терри Мартин, *Империя позитивных действий: Нации и национализм в Советском Союзе*, Cornell U.P., Ithaca 2017.

В настоящее время главным партийно-политическим инструментом Кремля, то есть В. В. Путина и его окружения, является партия «Единая Россия», которая в 2013 году насчитывала более 2 миллионов членов. Эта партия была и остается помощником своему лидеру, президенту, премьеру, и снова президенту (и снова, и снова) Владимиру Путину в «укреплении вертикали власти» в РФ, но партия делает это путем кооптации местных (провинциальных, республиканских) этнолидеров, а не путем замены их русскими «из центра», надзор за которыми осуществляют «представители президента» в лице глав федеральных округов.

Государственные лидеры Москвы и Санкт-Петербурга всегда осознавали важность религии и этнической принадлежности для народов своей страны, а значит, и важность этнической принадлежности для поддержания государственного порядка, задачи mantenere lo stato, по выражению Макиавелли. Люди добровольно умирают за свою религию — за вечную жизнь — или за свою нацию. Религия и нация намного больше, чем отдельные люди, и в каком-то смысле тоже вечны — если люди продолжают посвящать им свою жизнь. *Слава Україні! Героям Слава!* — это сокращение для обозначения чувства принадлежности, участия и вклада в нечто большее, чем отдельная жизнь. «*Родина мать зовет*» и «*Gott mit uns*» — аналогичные выражения принадлежности и участия; «*Gott mit uns*» объединяет религию и национальную преданность. Такие выражения могут стать ритуальными, но это не значит, что они теряют смысл: ритуалы помогают поддерживать религиозный и национальный порядок. И нация, и религия нуждаются в мучениках, нация может стать религиозным кредо.

Силы нации и веры могут быть созидательными, но «в чужих руках» они могут быть разрушительными, поэтому и с тем, и с другим нужно обращаться осторожно. Ярким признаком того, что власть предержащие и в РФ вполне осознавали потенциальную силу как религии, так и национального чувства, были ограничения, установленные для организации политической партии. В российском «Законе о политических партиях Российской Федерации» (от июля 2001 г.) было сформулировано (и после больших и малых правок этого Закона до сих пор сформулировано в пункте 3 статьи 9), что «образование политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности не допускается».

* * *

Как уже упоминалось, подписанию нового Союзного договора помешал (неудавшийся) переворот ГКЧП 19-22 августа 1991 года. Старый Союзный договор уже доказал свою нежизнеспособность. Результаты референдума в Украине 1 декабря 1991 года поддержали провозглашение независимости Верховной Радой 24 августа 1991 года, и поэтому любой значимый (повторный) союз крупнейших республик СССР стал невозможен, по крайней мере, на тот момент. СНГ, возможно, мог бы послужить зонтичной организацией для (будущего) объединения в некоторых секторах государственной деятельности, но вскоре это оказалось не так, и интерес Москвы к СНГ ослаб.

РФ оставалась тесно связанной с Беларусью. В 1994 году на президентских выборах в Белоруссии победил Александр Лукашенко. Белорусский национализм Лукашенко был своего рода антибелорусским в том смысле, что он не стимулировал превращение белорусского языка в государственный, а ориентировался на русскоязычных в столице и крупных городах. Руководители государственных учреждений и государственной промышленности были в основном русскоязычными, он также удовлетворил потребности сельских жителей, пообещав сохранить организацию белорусской экономики в основном такой, какой она была. Его антикапиталистическая и антиреформистская позиция была поддержана на выборах, так как уровень безработицы оставался намного ниже, чем в России, продолжительность жизни не падала так резко, а издержки распада СССР были в Беларуси меньше, чем в Российской Федерации. В Беларуси было также меньше беспорядков, как, впрочем, реформ и перемен.

В большинстве сфер экономики РФ заменила РСФСР в качестве основного партнера Белоруссии. Президент России Борис Ельцин, в свою очередь, оценил стремление Белоруссии оставаться рядом с Россией. В политике сближения с Беларусью Ельцина поддерживали фракция КПРФ в Государственной Думе и Владимир Жириновский и его ЛДПР, тогда как либералы в его администрации, в частности Егор Гайдар, выступили против воссоединения России с Беларусью. Лукашенко и Ельцин, по-видимому, были основными сторонниками того, что Беларусь и Россия экономически и политически объединятся в новую сверхгосударственную организацию, состоящую из двух членов,

под названием Союзное государство. «Рыночные большевики» (так называли Егора Гайдара, Анатолия Чубайса и связанных с ними рыночных либералов) были против воссоединения России с Белоруссией по ряду причин, сводившихся к ожиданию и страху, что такое «присоединение» Белоруссии будет дорого стоить России. Затормозит процесс экономических преобразований в самой России и станет дополнительным финансовым бременем. Они опасались, что Россия будет платить по счетам за запоздалое преобразование и содержание Белоруссии. Перспективу воссоединения России с Беларусью приветствовали коммунисты и другие антиреформистские силы в России, стремящиеся к возрастанию могущества России.

Предусматривалось создание Парламентской Ассамблеи Союзного государства, которая должна была собираться в Санкт-Петербурге, а также Президиума Союзного государства; предполагалось, что президенты Беларуси и России будут попеременно играть роль президента Союзного государства. Для содействия созданию Союзного государства был создан общий секретариат, но проект застопорился. В. В. Путин был менее увлечен проектом создания Союзного государства, чем казалось Б. Н. Ельцину. Более того, было очевидно, что В. В. Путин считает, что А. Г. Лукашенко слишком много притворяется. Лукашенко как будущий президент Союзного государства, а значит, в некотором роде руководитель и Беларуси, и России? Путин дал понять, что если Лукашенко стремится к сближению с Россией, то Россия готова принять Беларусь в качестве одного из «субъектов Федерации», присоединив ее к 80 с лишним другим «субъектам». Можно предположить, что в этом случае Беларусь получит привилегированный статус «республики» Российской Федерации, присоединившись к 22-м другим таким же «субъектам», но на этом и все. В. В. Путин четко дал понять, что Беларусь не может даже думать о вхождении в состав России на равных условиях.

Планирование более тесного сотрудничества Беларуси и России возобновилось в 2022 году, или чуть раньше, когда режим Лукашенко оказался зависимым от помощи Москвы, чтобы удержаться у власти. В 2020 году велась подготовка к переизбранию Лукашенко на пост президента Беларуси в шестой раз. Конкуренты были выведены из игры для обеспечения еще одной победы, и, по данным ЦИК, Лукашенко действительно победил 9 августа 2020 года и был объявлен победителем с 80,1% голосов. Светлана

Тихановская официально набрала 10,12%, «против всех» проголосовали 4,49% (третье место). Три других «реальных» кандидата вместе набрали 4,02%. Явка якобы составила 80,4%.

Светлана Тихановская заняла место своего мужа, Сергея Тихановского, известного блогера, арестованного в мае 2020 года за массовые беспорядки и насилие в отношении сотрудников полиции. Виктор Бабарико, бывший генеральный директор Белгазпромбанка (2000–2020 гг.) и, тем самым, бывшая опора режима Лукашенко, выдвинул свою кандидатуру в качестве альтернативы Лукашенко, но не был допущен в качестве кандидата после того, как его обвинили в уклонении от уплаты налогов и взятках. Он содержался в тюрьме во время и после выборов. Бывшему дипломату и заместителю министра иностранных дел Валерию Цепкало было отказано в регистрации, так как 85 000 из 160 000 подписей в поддержку его кандидатуры были признаны недействительными. Цепкало и его семья бежали в Ригу.

Сотни тысяч людей не поверили официальным результатам выборов, сочтя их сфальсифицированными, о чем свидетельствуют явка на массовые демонстрации, неделями проходившие в Минске, в других крупных городах и даже в небольших поселках. Зимой массовые протесты закончились и не возобновились весной, как многие надеялись, а некоторые и предсказывали, по целому ряду причин.

На местах происходили жестокие репрессии. Многие были арестованы, избиты, унижены и осуждены. На независимые СМИ проводились облавы. Более того, со временем стало ясно, что Москва будет помогать Лукашенко поддерживать полицию и усмирять недовольных насильственными методами (людьми и материальными средствами), если потребуется[19]. После волны протестов страну покинули наиболее активные протестующие и критики власти, тысячи молодых и высокообразованных уехали в Польшу, Украину, Литву и др. страны. Многие из них работали в сфере информационных технологий, программирования и игровой индустрии, в Белорусском парке высоких технологий (соучредителем которого был Цепкало). IT-специалисты мобильны. Они могли работать, и теперь работают и зарабатывают на жизнь из других мест. Беларусь потеряла важный источник до-

[19] Это не было неизбежным. В июле 2020 года Лукашенко обвинял Москву в сговоре с оппозиционерами Виктором Бабарико и Сергеем Тихановским, чтоб отстранить его, Лукашенко, от власти.

хода. Возможно, некоторые люди были разочарованы, поскольку протесты показались бесполезными, и ограничение личных контактов из-за ковида тоже могло сыграть свою роль.

Для нас в этих массовых протестах против режима Лукашенко интересно то, какое влияние массовая мобилизация и массовое противодействие режиму могли оказать на развитие национализма в Беларуси.

Беларусь была ненациональным государством. Национализм пришел в Беларусь в конце XIX века, позже, чем в большинство стран Европы, и сначала был ограничен образованными русскоязычными кругами в Минске, для которых деревенская жизнь и сельская местность были источником белорусской культуры и белорусской нации. В быту никогда не было резкого разделения между русскими и белорусами. В последнее время около семи процентов белорусских граждан (или лучше сказать – подданных?) зарегистрированы как русские. Более полумиллиона белорусов живут в России. Часто заключаются межнациональные браки. До недавнего времени многие жители Беларуси, где индустриализация наступила очень поздно, а деревенская жизнь была «типичной», идентифицировали себя как «местные» (zdeshnie), а не как белорусы. Для большинства граждан Беларуси родным языком является белорусский, но почти все говорят и пишут также по-русски. Белорусский лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич пишет на русском языке. Белорусская «национальность» и белорусская «национальная культура» до недавнего времени не были четко разграничены и четко отличимы от русской культуры и русской «национальности» без особой проблемы для Беларуси и для России, если уж на то пошло. Беларусь стала суверенной и независимой не совсем по своей воле. И Станислав Шушкевич, титульный президент страны в качестве Председателя Верховного Совета Республики Беларусь с августа 1991 года по январь 1994 года, и Вячеслав Кебич, первый премьер-министр независимой Беларуси, занимавший свой пост с сентября 1991 года по июль 1994 года, хотели поддерживать тесные контакты с Россией. Лукашенко сместил Шушкевича и Кебича, исходя из своих властно-политических интересов, а не из-за разногласий во взглядах на политику по этому вопросу.

За время непрерывного правления Лукашенко политика в Беларуси стала государственнической, корпоративистской и персоналистской. Политика, а точнее режим, застряли в этой

канаве. Можно утверждать, что массовые протесты против Лукашенко в 2020 году способствовали формированию, или, возможно, развитию белорусской национальной идеи. Белорусское «националистическое чувство» оказалось направлено, как это ни парадоксально, против своих: против Лукашенко и его соратников. Белорусскость протестующих должна была дистанцировать их от устремлений отвергнутых ими лидеров. Массовый протест 2020 года «собрал» и «сделал» белорусов, породил чувство общности, которого не было раньше. В то время как Лукашенко обратился к режиму Путина за помощью, чтобы выжить, белорусские националисты, в том числе русскоязычные, обратились против России как главного помощника своих угнетателей. Новые националисты ассоциировали себя с «Западом».

Лидеры протестов и оппозиционные политики, которым удалось бежать из страны, выступали представителями Беларуси, которая хотела ассоциироваться с Западом, и отвернулись от России, поддержавшей режим Лукашенко и отнявшей у них страну.

Неизвестно, смогут ли десятки тысяч людей, находящиеся сейчас в Польше, Украине, Литве и других местах, сохранить представление о том, что такое Беларусь — или, скорее, какой она должна быть. Представление о том, что такое быть белорусом. Зависимость режима Лукашенко от России, вероятно, будет вынуждать минские власти поддерживать представление о том, что белорусы часто русскоязычные, что белорусская нация характеризуется тесной связью с русской, к которой они относятся как младший член семьи к старшим: разные, но тесно связанные, и при необходимости объединяющиеся против «других».

Это соответствует представлению большинства русских в России о белорусах: что они близкие родственники, что предполагает тесные контакты в экономической, политической и государственной сфере. Родство, возможно, более близкое, чем то, которое многие русские в России чувствуют к украинцам.

Миллионы украинцев проживали в РСФСР, а затем в Российской Федерации, и все они могут общаться по-русски в общественной сфере. Многие состоят в браке с русскими. Многие «русские» сами являются потомками таких смешанных браков[20].

[20] В переписях населения, проводившихся в СССР, а затем и в РФ, потомки этнически смешанных браков могли выбрать «национальность» отца, либо «национальность» матери.

До 2014 года и даже после сотни тысяч граждан Украины, среди которых немало «этнических» русских, как немало и этнических украинцев, нашли работу в России и обеспечивали свои семьи, оставшиеся в Украине. Эти украинские граждане в основном проживают в восточной части Украины. В экономическом плане Россия уже давно опережает Украину. Средний доход на душу населения в России был в три раза выше, чем в Украине. Украина стала довольно зависимой от денежных переводов. Особенно в теплые месяцы миллионы украинских граждан зарабатывали на жизнь (сезонной) работой в других странах, на стройках, реже в сельском хозяйстве (около 20 000 только в Великобритании[21]), на промышленных предприятиях или в сфере услуг[22]. Сотни тысяч работали в Португалии на инфраструктурных проектах, субсидируемых ЕС, пока субсидии не закончились, в Чехии, и миллион или полтора миллиона в Польше. Украиноязычные граждане из западных частей Украины (из Ивано-Франковской, Львовской, Волынской областей и др.) чаще работали на западе, вероятно, еще и потому, что Польша ближе к дому, и потому, что украинский, на котором говорят в этой части Украины, ближе к польскому, чем к русскому.

* * *

Эстония, Латвия и Литва «просто» хотели выйти, отказались участвовать в обсуждении условий нового Союзного договора (на что так надеялся Горбачев), и никогда не были членами СНГ. Антироссийские настроения были очевидны. Антироссийские и антисоветские настроения на самом деле было трудно различить. Желание ликвидировать последствия пакта Молотова-Риббентропа было очевидным и это стремление хорошо понималось более либеральными «правящими» кругами Москвы в период, скажем, 1989—1991 годов. Отторжение прибалтийских республик не вызвало большого возмущения даже в не очень либеральных кругах в Советском Союзе, а потом в РФ. Однако

[21] https://www.newfoodmagazine.com/news/164083/ukrainian-workers-flee-uk-farms/#:~:text=Ukrainian%20seasonal%20workers%20are%20allegedly,to%20their%20war%2Dtorn%20country

[22] Ср. Елена Федюк и Марта Киндлер (ред.), Украинская миграция в Европейский Союз, Springer Open / Центр миграционных исследований [2016].

нежелание новых суверенных и независимых государств Латвии и Эстонии относиться к «своим» значительным меньшинствам этнических русских как к равноправным гражданам вызвало протесты. Эстония, Латвия и Литва стали членами ЕС в мае 2004 года и членами НАТО в 2004 году.

В 1990-е и даже в начале 2000-х отношение Москвы к Прибалтике было достаточно снисходительным, вероятно, по причине того, что можно назвать нечистой совестью, из-за известного факта, что включение Прибалтийских республик в состав Советского Союза в качестве союзных республик, — последствие позорной сделки Гитлера и Сталина через своих министров иностранных дел в 1939 году по разделу земель «между ними». Пакт Риббентропа-Молотова, пакт о ненападении между Германией и СССР, в котором раздел земель между ними был задокументирован в секретном приложении и подписан незадолго до нападения Германии на Польшу (которое было истолковано как ответ Германии на нападение Польши, фактически осуществленное немецкими солдатами в польской военной форме). СССР получила часть Польши и Прибалтику. Сделка была постыдной и до 1989 года скрывалась от советского народа. Так что — да, прибалтийские республики были тремя из 15 в составе СССР, но во многих отношениях они сильно отличались[23].

Украинско-российские отношения были более сложными, а история Украины и России была гораздо более запутанной. Прибалтийские республики вышли из СССР, уклонившись от любого возможного правопреемника. Они не вошли в число девяти республик, готовых подписать Новый союзный договор, и никогда не участвовали в СНГ. Украина и Россия не могли «отменить» свое общее прошлое, «уйдя» друг от друга. Они не могли разъединиться без взаимного сотрудничества. Распад СССР был

[23] Еще задолго до того, как существование секретного протокола пакта Молотова-Риббентропа было признано союзными властями, о нем было известно из иностранных (радио) источников. Но даже среди не «осведомленных» *интеллигентов* было принято считать Эстонию и другие прибалтийские государства (союзные республики) иными, скорее немецкими, чем славянскими. Конечно, Закавказские и Среднеазиатские союзные республики тоже были неславянскими, но балтийские страны считались более западными, чем Россия и другие части СССР (а большинство *интеллигенции* хорошо относилось к Западу), и поэтому «более заслуживающими» идти своим, то есть западным, путем.

бы невозможен без их совместных усилий. Что же касается любого будущего федеративного, конфедеративного или межгосударственного устройства, то никакое «воссоединение» не имело бы смысла без участия в нем России и Украины. Россия и Украина были ключевыми членами СНГ (который послужил одним из инструментов разъединения и способствовал мирному разводу), но, возможно, националистический пыл помешал дальнейшему сотрудничеству и в итоге привел к жестокой конфронтации.

В 1990-х и начале 2000-х годов Украина — Киев — максимально использовала свой статус между Западом и Востоком, который теперь более узко определяется как Россия. Мир больше не был разделен на два блока: СССР и его союзники по Варшавскому договору, с одной стороны, и США с другими, второстепенными членами НАТО (и их помощниками) — с другой. Но Россия оставалась — меньшим — отдельным миром. Россия не была интегрирована и не стала частью мира «освобожденных» демократических государств, что представлялось Фукуяме, Линцу, Степану и, возможно, таким политикам, как президент США Билл Клинтон и *бундесканцлер* Гельмут Коль, в качестве наиболее вероятного будущего России после распада СССР. В любом случае, Москва стала гораздо менее значимой в глазах «Запада». Запад победил, и от Москвы ожидалось соответствующее поведение.

Многих российских политиков перестали бояться, их стали меньше уважать. Россия после распада СССР обнищала и стала зависеть от иностранной финансовой помощи. Некоторые политики и «правые идеологи» чувствовали, что Запад не уважает Россию, поскольку теперь на нее смотрели свысока — как на более бедную и менее развитую часть мира, находящуюся на пути к превращению *в один большой, расширенный Запад*. Россию больше не боялись — а страх *есть* форма уважения. К России относились как к государству, кажущемуся почти бессильным, несмотря на все его военные запасы.

Казалось бы, ослабевшая, но не совсем, Россия обладала самым большим запасом ядерного оружия, ставшим в некотором смысле бесполезным в отсутствие противника. Почти, но не совсем, о чем также свидетельствует тот факт, что НАТО, принимая в свои ряды новых членов, зачастую бывших стран-участников Варшавского Договора, продвигалось на Восток. Ряд стран бывшего Варшавского договора, а позднее и бывших союзных

республик, стремились под защиту другого военного повелителя — США. Теперь они с недоверием относились к русским, к России, с которой в ряде случаев у них были непростые отношения до 1917 года.

ЕС принял в свои ряды бывших союзников СССР, которые ожидали от него финансовой и иной помощи в экономическом восстановлении после «социализма».

С определенной — *московской — точки зрения с конца 1990-х годов — НАТО и ЕС, по отдельности или вместе, действовали как расширяющаяся империя*. Государства имеют фиксированные границы. Государства определяются другими государствами. Империя простирается до тех пределов, до которых имперский центр может обеспечить свое господство. Границы империй подвижны, они могут расширять свою территорию и могут быть вынуждены отказаться от территории влияния. Другими словами, империя не становится больше или меньше, приобретая или теряя территорию. Не фактический размер занимаемой территории делает политическую и военную организацию империей. Империя может быть ограничена естественными барьерами или другими значительными силами, такими как другие вооруженные организации, как бы они ни назывались — государствами, ордами, *Ганзой* или (другими) империями.

ИНТЕРМЕЦЦО

Россия неоднократно предлагала и даже просила принять ее в члены Организации Североатлантического договора. Членство в НАТО не рассматривалось всерьез в Вашингтоне и Брюсселе, но в 2002 году был создан Совет Россия-НАТО, который занимается вопросами безопасности и помогает организовывать совместные проекты. Эта попытка России быть «принятой» в НАТО является основным аргументом комментаторов, которые утверждают, что расширение НАТО на Восток не имеет ничего общего с последовательной попыткой России «помочь» Южной Осетии «освободиться» от грузинского правления в 1998 году, с захватом Россией Севастополя и Крыма в 2014 году, с поддержкой самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик начиная с 2014 года, и с войной России против Украины с февраля 2022 года. Центральным аргументом является почти риторический вопрос: как можно всерьез воспринимать аргумент

России о том, что с ней воюет НАТО (чужими руками), если Россия сама хотела стать членом НАТО? Вопрос звучит риторически, поскольку ответ кажется очевидным: Россия не имеет ничего против НАТО, иначе бы она не подавала заявку на членство. Россия чувствует угрозу от расширения НАТО — и в этом невероятное оправдание для имперского, экспансионистского стремления самой России!

Россия вполне может иметь империалистические, экспансионистские устремления, но если бы даже Россия их не имела, она все равно могла бы воспринимать НАТО как угрозу. Равно как и то, что России отказали в членстве, на которое она претендовала, не свидетельствует о том, что у России «на самом деле» или «по сути» нет проблем с НАТО.

Стратегия НАТО, организация общей обороны стран-членов НАТО, НАТО в целом было направлено против Советского Союза и его военных союзников. Враг с Востока был самой причиной существования НАТО. Целью НАТО было сдерживание Советского Союза, который был экспансионистским, поскольку возглавлялся коммунистами, а коммунисты верили, что будущее за коммунизмом. Встречный тезис заключался в том, что демократия и либерализм, или демократия и капитализм, если хотите, должны унаследовать мир, и что в конце концов коммунизм будет побежден. В 1992 году антикоммунисты, которые в своем большинстве были бывшими коммунистами, захватили власть в Москве и в столицах других государств — преемников Советского Союза. В большинстве стран бывшего Варшавского договора антикоммунистические националисты возглавили новые правительства.

Антикоммунистическую позицию ведущих политиков в некоторых из этих государств, включая ряд бывших союзных республик, было трудно отличить от *активизировавшейся антироссийской позиции*. В некоторых случаях, возможно, до конца 1990-х годов, антироссийская позиция подпитывалась страхом возврата к власти коммунистов в России. После поражения Геннадия Зюганова на президентских выборах 1996 года и переизбрания Бориса Ельцина, перспективы возврата коммунизма были невелики, а импичмент президента Ельцина был остановлен в мае 1999 года отказом *Яблока* способствовать успеху коммунистов. Хотя Григорий Явлинский, лидер *Яблока*, был ранее согласен с одной из пяти статей импичмента, по которой президент

Ельцин незаконно отправил российскую армию в Чечню, когда дошло до дела, он, как и все остальные члены фракции *Яблоко* в Государственной Думе, проголосовал в поддержку Ельцина и, таким образом, против этого обвинения, обеспечив политическое выживание Ельцина и вытеснив КПРФ с авансцены.

Коммунистическая или нет, Россия все еще была (или: снова стала) для многих новых независимых государств большим соседом, которого они боялись и от которого они хотели защиты, предлагаемой НАТО. И вот НАТО взяла на себя новую задачу по защите своих стран-членов от России.

Принятие России в члены НАТО, учитывая размеры страны и численность ее вооруженных сил, означало бы конец НАТО. Россия в НАТО означало бы, что НАТО стала бы неуправляемой и бессмысленной. Россия не согласилась бы играть вторую скрипку в НАТО, Россия не стала бы играть подчиненную роль, как Германия, или роль лучшего помощника США, как Великобритания. Крупному военному альянсу нужен крупный общий враг. США указывали на Китай как на главную в перспективе угрозу либерализму и миру во всем мире: военно-стратегическая угроза со стороны Китая — в глазах США и их союзников в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе — стала серьезной проблемой после крупных экономических успехов Китая второй половины 1990-х и начала 2000-х. Китай не был, да и сейчас не является, главной заботой НАТО, настоящей НАТО, НАТО без России.

Россия была слишком большой, чтобы даже рассматривать вопрос о членстве в ЕС, или, скорее: чтобы ЕС рассматривал вопрос о ее членстве. Однако ЕС расширялся и на восток. Туда были приняты бывшие страны Варшавского договора, а также три небольшие бывшие союзные республики: Эстония, Латвия и Литва.

* * *

В своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года президент Путин — в очередной раз — ясно дал понять, что он не считает Россию завоеванной страной и что после распада двухполярного мира Россия не примет США в качестве оставшегося единого мирового лидера. Россия будет действовать как один из полюсов в том, что, по словам

Путина, стало многополярным миром. Владимир Путин говорил подобные вещи и раньше, но в своей мюнхенской речи он подвел итоги и изложил их для аудитории западных и других министров обороны и внешней политики и государственных лидеров, и, возможно, с большей уверенностью, чем раньше, после 6 лет подряд роста ВВП на 7%, и с прекрасными экономическими перспективами России.

В апреле 2008 года президент США Джордж Буш выступил в поддержку вступления Украины и Грузии в НАТО, несмотря на то, что ни Украина, ни Грузия не могут считаться «консолидированными демократиями», а членство в НАТО ограничено демократиями. Канцлер ФРГ Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози пытались умерить энтузиазм президента Буша в поддержке в скором будущем членства Украины и Грузии, но слово было сказано, и Украине и Грузии был обещан прием. Грузия поддерживала некоторые из зарубежных военных предприятий США, и недавно получила американское оружие на несколько сотен миллионов долларов. Возможно, поэтому президент Грузии Михаил Саакашвили дал южноосетинским сепаратистам себя спровоцировать. В августе 2008 года он попытался силой вернуть контроль над сепаратистской провинцией — и был остановлен российскими войсками, «освободившими» Южную Осетию. Война продолжалась с 1 по 12 августа. 26 августа 2008 года Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии.

ЕС делал предложения и Украине. После долгих переговоров украинский президент Виктор Янукович в конце 2013 года, казалось, был готов подписать Договор об ассоциации ЕС-Украина, что облегчило бы Украине доступ к ЕС и его рынку для людей и товаров, а также наметил путь к более тесному политическому, в том числе внешнеполитическому и, как следствие, военному сотрудничеству. Это было выдающимся достижением по нескольким причинам. Во-первых, Янукович был лидером *Партии регионов*, возникшей в Донецке и имевшей большую поддержку в русскоязычных промышленных регионах страны, особенно на юго-востоке. Янукович в феврале 2010 года занял пост президента в результате «свободных и честных выборов», как утверждали международные наблюдатели. Он сменил Виктора Ющенко, который пользовался наибольшей поддержкой среди говорящих на украинском языке и проводил украинско-на-

ционалистический курс, враждебный России. Ющенко отдавал предпочтение украинскому языку, прославлял Степана Бандеру как настоящего украинского героя (к неудовольствию Польши, Израиля и России), а также стимулировал память — и международное признание — Голодомора. Голодомор, «смерть от голода», голодная смерть миллионов людей в 1932 и 1933 годах в Украине, в южных районах РСФСР между Черным и Каспийским морями, а также в Средней Азии, в регионах, которые в то время (до 1936 года) еще были частью РСФСР — вследствие сталинской политики принудительной коллективизации в сельском хозяйстве (и подавления протеста против этой политики). В представлении Ющенко Голодомор был *геноцидом*, совершенным «Москвой», то есть русскими, в первую очередь в отношении *украинского* народа.

В количественном отношении, действительно, больше всего пострадали украинцы, но этнические русские в Украине, Кубани и в других местах РСФСР не были в привилегированном положении, и в процентном отношении к своему населению (своей «этнической группе») казахский народ, вероятно, пострадал больше. Янукович, в отличие от Ющенко, считался ориентированным на Россию, и договор об ассоциации Украины с ЕС был бы препятствием на пути создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сторонником которого была Москва. ЕАЭС был создан по образцу (Е)ЕС и, в некотором смысле, должен был стать конкурентом (Е)ЕС, ныне ЕС. Без Украины ЕАЭС был бы гораздо менее жизнеспособным и не был бы по-настоящему международным, т. к. огромный вес России в этом экономическом (и прото-политическом) Евразийском союзе гарантировал бы преобладание России, что затруднило бы, если не исключило, создание более существенного союза[24]. Поэтому Договор об ассоциации Украины с ЕС имел решающее значение и для устремлений России, т. к. закрывал для Украины дверь в ЕАЭС; одновременное членство в ЕС и ЕАЭС было невозможно.

Незадолго до подписания Договора об ассоциации Янукович выдвинул дополнительные финансовые требования. Ему, Украине, срочно понадобились деньги, много денег, миллиарды евро. ЕС не хотел предоставлять эту финансовую помощь, сначала по

[24] Даже присоединение второстепенных государств к ЕАЭС без Украины было бы недостаточным, чтобы перевесить РФ. ЕАЭС с Украиной стал бы гораздо более «сбалансированной» системой.

«принципиальным соображениям», потом, менее принципиально, они были готовы эту помощь оказать, но далеко не в том объеме, который требовал Янукович. Тут вмешался Путин. Россия была готова перенести сроки и простить долги в миллиарды евро (в основном за неоплаченный природный газ) и предоставить краткосрочные дополнительные средства. И договор с ЕС не состоялся. Начались протесты, известные как Евромайдан (или Второй Майдан), тысячи людей вышли на улицы. В отличие от «Первого Майдана», когда и украинские украинцы, и русские украинцы собрались в центре Киева, чтобы выразить протест против нечестных выборов, теперь в протесте доминировали украинские националисты. Второй Майдан был проевропейским и (таким образом) антироссийским. Протестующие, парламентарии и президент договорились о досрочных президентских выборах (это соглашение контролировалось ведущими европейскими странами), но соглашение было нарушено, и Янукович бежал в Россию. Людей, убитых во время протеста, чествовали как мучеников за украинское национальное дело. Россия отреагировала вскоре после закрытия зимних Олимпийских игр 2014 года в Сочи. В ходе короткой военной операции Крым и Севастополь были аннексированы и были включены в состав Российской Федерации в качестве «субъектов» в том же году, причем в Государственной Думе был только один голос против, поскольку популярность Путина (на родине) достигла пика. В то же время сепаратисты в Луганской и Донецкой областях подняли вооруженное восстание против Киева, и при значительной и постоянной материально-технической, военной и финансовой помощи из Москвы (при этом, по оценкам, треть вооруженных сил была из РФ) оказались способны защитить то, что они назвали Луганской и Донецкой народными республиками, от захвата украинской регулярной армией и националистическими «добровольческими батальонами». Петр Порошенко был избран президентом Украины и пробыл один срок с июня 2014 года по май 2019 года, проводя политику, схожую с политикой Виктора Ющенко.

После того, как Крымский полуостров был оккупирован, а части в основном русскоязычных Луганской и Донецкой областей захвачены, число этнически русских и русскоязычных избирателей в Украине значительно сократилось. Сам факт захвата Крыма, Донецка и Луганска сделал остальную часть страны менее русской в языковом и этническом отношении — и умень-

шил влияние политиков, ориентированных на Москву. Вдобавок к этому снова продвигался украинский национализм как в образовании, так и в превалировании украинского языка. Русский язык отодвигался в основном в частную сферу. Была запущена государственная программа по превращению Украины в мононациональное государство с ориентацией на ЕС и другие западные государства, прежде всего США и Великобританию, предоставлявших ей военную технику (в основном США) и военную подготовку (Великобритания).

Идея заключалась в том, что на территории государства Украина, в границах, определенных в 1991–1992 гг., жители должны быть украинцами. Неукраинские граждане Украины должны стать украинцами, что означало говорить на украинском языке (принятом как единый государственный язык) и придерживаться поддерживаемой государством версии истории Украины и украинского народа. Украинцам желательно также придерживаться национальной украинской религии: Украинской православной церкви, которая отделилась от Патриархата «Московского и всея Руси» и получила автокефалию в 2018 году от Собора во главе с Константинопольским патриархом как Патриархом «Киевским и всея Украины» – к большому неудовольствию «Патриарха Московского и всея *Руси*» Кирилла (2008 – настоящее время)[25]. Поддержка, которую Патриарх Кирилл продолжает оказывать президенту Путину в деле «освобождения» народа Украины от «фашистских правителей», несомненно, подпитывается его горячим желанием бороться с «духами злобы», желающими «разделить православный народ России и Украины». Кирилл заверил нас, что эти духи не добьются успеха[26].

[25] Что касается Филарета, Патриарха Киевского (1995–2018), то его поддержка новых правителей независимого государства Украина, очевидно, также была карьерным шагом. (Митрополит Киевский и всея Украины Епифаний I (с 2018 года по настоящее время) является преемником Филарета.) Теология имеет мало отношения к церковному расколу. Эти церковные лидеры, очевидно, придерживаются идеи, что делу Церкви и самого христианства лучше всего служит поддержка государственных лидеров, побуждая этих государственных лидеров помогать Церкви, их Церкви, соответственно.

[26] https://www.themoscowtimes.com/2022/05/29/patriarch-kirill-understands-ukraine-church-schism-a77830; см. также: https://cne.news/artikel/793-ukrainian-war-is-about-the-future-of-mankind-patriarch-kirill-says

Митрополит Киевский и всея Украины Епифаний I полностью поддерживает героическую борьбу Украины против вторгшихся русских, кроме всего потому, что само существование независимой (автокефальной) украинской церкви и его церковного руководства зависит от успеха вооруженного сопротивления Украины. Кирилл не признает автокефалию Украинской православной церкви. Кирилл на стороне антихриста, по словам Епифания, и он считает Кирилла еретиком[27].

Политика «украинизации» продолжается и в военное время, и рассматривается многими в украинской властной иерархии как вклад в военные усилия Украины. В начале июня 2022 года был еще больше ограничен ввоз русскоязычной печатной продукции и печать на русском языке в самой Украине. Хотя Украина представляет себя как «Запад» и как «член европейской семьи» (фраза, которую очень любит комиссар ЕС Урсула фон дер Ляйен), поступает она как национальное государство. Возникновению украинской государственности на более раннем этапе было отказано из-за длительного польского владычества (на большей части нынешней Украины, расположенной на правом берегу Днепра) и (позднее) владычества русских и доминирования русской культуры на левом берегу[28]. Национальная история, которая вдохнов-

[27] https://cne.news/artikel/945-epiphanius-patriarch-kirill-sides-with-antichrist; см. также: https://tass.com/society/1456347

[28] Среди причин, по которым чествование Степана Бандеры в Украине вызвало столько споров, является то, что Бандера в начале своей карьеры яростно сопротивлялся польскому господству, а позже выступил против Советского Союза, или «России», дружил с нацистской Германией и был ярым антисемитом. Польское правительство еще до своего вступления в ЕС в 2004 году выступало в качестве защитника интересов Украины в (Западной) Европе, но было ошеломлено тем, что Виктор Ющенко посмертно наградил Бандеру высшей государственной наградой Украины. Правительство РФ по аналогичным причинам было против присвоения Бандере звания «Герой Украины» в 2007 году, а культ Бандеры вызвал протест и в Израиле. Меньше комментариев вызывает представление запорожских казаков в новом национальном стандарте истории суверенного и независимого государства Украина как неких внушающих благоговейный трепет пра-украинцев.

Запорожская Сечь воевала как с Речью Посполитой, так и с русским царем (пока не встала на сторону Москвы или, скорее, не приняла царя как своего далекого сюзерена в Переяславском договоре 1654 г., чтобы помочь сдержать поляков), они были хозяевами в значительной

ляет людей, часто довольно примитивна, как во Франции и Голландии XIX века, так и в современной Украине. Романтическая идея заключается в том, что нация может развиваться только в условиях государства и под его защитой, но со временем нация становится на первое место, а государство формируется нацией.

Однако многие возникшие национальные государства видели эту историю в «обратном порядке»: фактическое государство было использовано — или используется — для создания (государства)-нации. Сегодня в Украине мы являемся свидетелями этого процесса. Жителей Украины нужно превратить в настоящих украинцев, то есть: украиноязычных, придерживающихся официальной украинской версии истории своего государства и своего народа. Мы также являемся свидетелями того, как война может способствовать формированию национальной идеи. После нападения России на Украину 24 февраля 2022 года большинство русскоязычных украинцев и этнических русских украинцев встали на сторону украинских государственных лидеров против своих «освободителей». Несмотря на то, что некоторые высокопоставленные государственные чиновники, включая сотрудников СБУ[29], оказались готовы сотрудничать с освободителями-оккупантами, большинство населения было в шоке от причиняемого насилия и разрушений, чтобы освободить их от украинского подчинения и противостоять продолжающемуся «культурному геноциду» Киева, который, по словам Москвы, осуществлялся против них. В ответ на разрушительную освободительную попытку

части левобережной нынешней Украины и, таким образом, подходили для этого довольно простого национального, исторического корня нынешнего украинского государства — но их прославленный дух свободы пришел за счет окружающего населения, на которое они охотились и которое они эксплуатировали, иногда убивали, иногда порабощали, действуя как пираты и бандиты.

[29] В середине июля 2022 года Иван Баканов, глава СБУ, и Ирина Венедиктова, генеральный прокурор Украины, были отстранены президентом Зеленским, а затем и уволены (после одобрения Верховной Радой) за то, что не предотвратили работу на россиян более 60 чиновников своих ведомств, и возбуждение 651 дела о государственной измене и сотрудничестве, по мнению Зеленского, свидетельствовало об их неспособности руководить этими ведомствами.

См.: https://www.aljazeera.com/news/2022/7/17/ukraines-zelenskyy-fires-security-chief-and-general-prosecutor/

российской армии многие русско-украинцы «пересмотрели» свою приверженность русскому языку и всему русскому. Они заявляют о своей готовности принять украинский язык в качестве единого государственного языка[30]. Более того, выступление за равные права для русскоязычных граждан Украины, проживающих на территории, контролируемой Киевом, теперь может быть (ошибочно) истолковано как поддержка врага, поскольку настоящий украинец теперь будет определяться как нерусский, и от людей ожидается *дистанцирование* от российского врага. Украинскость определяется в противопоставлении «русскости» (не в противопоставлении польскости или еврейскости, но в противопоставлении русскости). В то время, как современная Украина причисляется к европейской семье, предстает оплотом и защитником демократии, европейских и, в целом, западных ценностей (а значит, и «прав человека»), а Владимир Зеленский и Дмитрий Кулеба неустанно повторяют, что Украина защищает остальную Европу от дальнейшей российской экспансии — Россия, по смыслу, определяется как неевропейская нация, не член европейской семьи, как опасная и в цивилизационном плане совершенно другая. С точки зрения бытующего настроения на «Западе» — настроения, которого придерживаются многие лидеры общественного мнения — Россия не просто другая, и тем самым, возможно, в какой-то степени оправдывает свое поведение: Россия — это *нецивилизованная* страна, а русские — это новые *варвары*. Путинская Россия, со своей стороны, оправдывает «специальную военную операцию» как борьбу против империализма, западного империализма, и как войну против декаданса и морального извращения, в защиту христианской цивилизации.

Россия, несомненно, выступила агрессором. Владимир Путин начал войну, которой он мог бы легко избежать, не отправляя войска, которые, по его словам, были просто собраны вблизи

[30] Для изменения отношения, которое я описываю здесь, у меня есть только анекдотические свидетельства (из телевизионных передач, видео на YouTube, газетных статей, личной информации), а не статистические доказательства, которые, возможно, были бы необходимы, но которые просто невозможно получить в военное время. Информацию на эту тему до 2019 года см. например: Лаура Эрас, «Война, политика идентичности и отношение к языковому меньшинству: Предрассудки в отношении русскоязычных украинцев в Украине между 1995 и 2018 годами», в: *Nationalities Papers*, 2022, с. 1—22.

украинской границы в конце 2021 и начале 2022 года для подготовки регулярной армии и «объединенных сил». С моральной точки зрения, Путин, безусловно, является главным виновником. (По крайней мере, в том моральном смысле, как я его понимаю. Очевидно, что мораль, на которую ссылается патриарх Кирилл, другого рода.) Путин несет ответственность перед россиянами, которые хотели захватить Украину, за очевидный провал попытки захватить страну с помощью военной силы, равной по численности украинским солдатам, занимающим оборонительные позиции. Вероятно, он серьезно переоценил желание как людей, находящихся у власти, так и простых жителей Украины освободиться от украинского националистического гнета и того, что было названо «фашистским режимом Украины». Режим Зеленского, а до него режимы Порошенко и Ющенко, вынашивал и воплощал в жизнь идею о том, что украинская нация имеет право на украинские земли, определенные государственными границами, возникшими в результате распада СССР в 1991—1992 годах; режим Зеленского, как ранее режимы Порошенко и Ющенко, пытался превратить всех обладателей украинских паспортов в украинских граждан, сделав украинский язык единым государственным языком и стимулируя национальное православие в религиозной сфере. Путинское представление о российской нации было более сложным и, похоже, *двуличным*.

В ряде выступлений В. В. Путин дал понять, что считает русских, украинцев и белорусов одним народом, с некоторыми различиями, но очень близкими родственниками, связанными межнациональными браками, общей историей, религией и, надо полагать, общей судьбой, то есть общим будущим, или лучше — *будущим, которое им предстоит разделить*. Что касается украинского языка, я не помню, чтобы сам Путин когда-либо высказывался на эту тему, но предполагается, что он подчеркнул бы общность украинского и русского языков, или, возможно, он счел бы украинский язык диалектической разновидностью русского — возможно, диалектом, испорченным польским влиянием[31]. Если украинский, белорусский и русский народы по

[31] Именно так поступают многие люди, подчеркивающие украинско-русское родство: считать украинский язык нестандартным русским, на котором говорят в основном сельские жители и который в своей стандартизированной, письменной форме в меньшей степени является «языком культуры», чем русский.

сути один народ, точнее: если белорусы и украинцы не являются каждый сам по себе, то борьба с общностью (сопротивление объединению с русским народом) — это акт агрессии, это попытка заставить брата бороться с братом, это попытка ослабить русский народ, что опять же означает попытку поставить Россию на место на мировой политической сцене и принизить ее. Иностранные державы в этом явно заинтересованы. Достаточно посмотреть, как Запад поддерживает режим Зеленского всеми возможными средствами, торговым и финансовым бойкотом России, объемной материальной и финансовой помощью режиму Зеленского, включая тяжелое вооружение, военную разведку и оружие на десятки миллиардов долларов. Запад подчеркивает, что Украина является отдельным государством, подчеркивает нерушимость государственных границ Украины и обвиняет Россию в империализме.

Россия вполне может быть империалистической (и, будучи империалистической державой, она не является таким уж исключением на мировой политической сцене), но я хочу сказать следующее: возможно, именно особое понимание Путиным того, *что представляет собой российская нация*, помимо всего прочего побудило его к агрессивным действиям.

Если таково представление московского руководства о русской нации, и если Москва будет придерживаться этого представления, вся *нынешняя Украина* должна быть «воссоединена» с большинством русских, проживающих в РФ — с сохранением или предоставлением формальной государственности, но это не главное. (Как Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика были «одинаково русскими» до и после того, как были признаны Москвой в качестве «независимых государств».)

Но, опять же, концепция российской нации нынешнего московского руководства *двулична* в том, что оно, похоже, *признает украинский язык отличным от русского,* в том, что оно поносит политику украинизации со стороны Киева как (культурный) геноцид, как попытку уничтожения русского языка и русской культуры на своей территории и вытеснения их чем-то чуждым украинским языком, и тем, что оно называет украинской культурой. А дальше включается другая логика: поскольку мы, лица, принимающие решения в Москве, должны защитить наш народ, приверженцев русской культуры, наших соотечественников-россиян, проживающих, в частности, на Востоке и юге

Украины, от антирусских киевских правителей, мы должны не просто сохранить Крым и Севастополь, но и вернуть себе все: Луганскую и Донецкую области и то, что называется *Новой Россией*. Возможно, следует также освободить (ранее) русский по преимуществу город Харьков. Возможно, Левобережье, Херсон и Одессу также следует передать под управление, которое будет защищать русский язык и русскую культуру, т. е. русскость.

Такое специфическое определение России и русскости может побудить Москву оставить часть нынешней украинской государственной территории украинцам. (Может побудить Москву или послужить для нее основанием согласиться на меньшее, чем первоначально заявленные военные цели, и все же объявить себя победителем.) Это может оставить Украину государством на усеченной территории, ранее принадлежавшей Австро-Венгрии и Польше, вокруг Львова и Ивано-Франковска, с неопределенной пока (внутри или вне усеченной Украины?) позицией Киева. При такой концепции русскости, разновидности *ирредентизма,* Москва будет претендовать на меньшую часть территории нынешней Украины.

Можно ожидать, что усеченная Украина будет культивировать претензии на утраченные территории, которые необходимо вернуть. Скорее всего, уменьшенная в размерах Украина будет оставаться занозой для расширившейся России, или не просто занозой, а угрозой, поскольку она будет культивировать свою антироссийскую позицию на границе и получать субсидии на поддержание этой позиции от основных западных «партнеров».

Являясь свидетелем (нео)империализма или ирредентизма (своего рода), руководство Казахстана было приведено в готовность российским вторжением в феврале 2022 года, по ряду более серьезных причин, чем российская аннексия Севастополя и Крыма в 2014 году. Казахстан не поддерживает западные санкции, направленные на бойкот российских политиков и бизнесменов, близких к режиму Путина, но руководство Казахстана также не высказывалось в поддержку так называемой специальной военной операции Путина. На Петербургском экономическом форуме 17 июня 2022 года Касым-Жомарт Токаев, президент Казахстана с марта 2019 года как преемник первого и многолетнего президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, выступил против тех российских парламентариев, которые ранее намека-

ли на русско-казахскую межнациональную рознь в Республике Казахстан и на ответственность Москвы за защиту русских[32]. Ранее в 2022 году Токаев, будучи президентом, отправил в отставку все свое правительство за неспособность подавить непрекращающиеся уличные протесты, возникшие после серьезного повышения цен на автомобильный газ в январе. Токаев силовыми методами восстановил порядок, введя чрезвычайное положение по всей стране. Около 8000 человек были арестованы, 164 человека погибли[33]. В период чрезвычайного положения, 5 января 2022 года, Токаев перенял роль лидера у Назарбаева в Совете Безопасности. Таким образом, прежде чем выступить в Петербурге, Токаев утвердил свои позиции. Он взял под контроль все важнейшие политические и административные сферы. (В качестве президента республики и председателя Совета безопасности Токаев занимает положение, сравнимое с положением Путина.) В Казахстане все еще сохраняется значительное русское меньшинство, проживающее в основном в северной части страны, прилегающей к российско-казахстанской границе. Почти 70% населения Казахстана — казахи; чуть менее 18% населения из 19 миллионов человек, — русские. В 1970 году русские все еще составляли 42,4% населения Казахстана, а казахов было немного меньше, в 1989 году 37,4% все еще составляли русские, а казахов стало немного больше. Русское влияние в Казахстане явно ослабевает. В октябре 2017 года Нурсултан Назарбаев издал указ о том, что к 2025 году казахский язык будет использовать латиницу вместо кириллицы. В продолжение языковой политики Назарбаева, президент Токаев в 2021 году заявил, что перевод письменности казахского языка с кириллицы на латиницу продлится до 2031 года. Русские по-прежнему являются самым многочисленным, но и быстро сокращающимся меньшинством в Казахстане, и процесс *коренизации* (как это называется по-русски) продолжается; Казахстан стал в первую

[32] Посещаемость Форума никогда не была такой низкой, как в 2022 году. Только президент Токаев и президент Путин посетили его лично; президент Египта Абдель Фатах Аль-Сиси и председатель КНР Си Цзиньпин прислали видеообращения. См: https://astanatimes.com/2022/06/president-tokayev-answers-tough-questions-at-economic-forum-in-russia/

[33] https://apnews.com/article/kazakhstan-europe-national-security-terrorism-2c026ecb00584aba668f320d4482d0f1

очередь государством казахов, функционирующим от имени казахов[34]. На Петербургском экономическом форуме 2022 года Токаев заявил, что «мы не признаем ни Тайвань, ни Косово, ни Южную Осетию и Абхазию», и добавил, что «по всей вероятности, этот принцип применим к таким квазигосударственным образованиям, как Луганск и Донецк». На вопрос о том, как в Казахстане относятся к «специальной военной операции» России, он ответил следующее: «Есть разные мнения, у нас открытое общество. Современное международное право — это Устав Организации Объединенных Наций. Однако два принципа ООН вступили в противоречие — территориальная целостность государства и право нации на самоопределение. Поскольку эти принципы противоречат друг другу, существуют различные их интерпретации». Он ясно дал понять, что будет придерживаться принципа территориальной целостности государства, и ожидает, что Россия тоже будет придерживаться этого принципа. Русские в Казахстане, похоже, подтверждают свое горячее желание продолжать мирно жить в Казахстане. Хотя ВВП на человека в 2021 году в Казахстане был ниже, чем в России, падение ВВП в России, которое ожидается в 2022 и 2023 годах, почти ликвидирует эту разницу, перспективы ВВП России на последующие годы остаются мрачными.

Ситуация в Казахстане лишь отчасти сопоставима с ситуацией в Украине, но параллели, с точки зрения Токаева, тревожные. Никто не считает казахов в некотором роде русскими, и ни один русский не считает казахов близкими родственниками, даже тех, которые свободно говорят по-русски или для которых русский язык является родным. Но идея заключается в том, что русские в Казахстане стали маргинализированными, что русскоязычные не будут иметь доступа к рычагам власти на государственном уровне, что принадлежность к этническим русским сама по себе накладывает ограничения на карьеру в политике и администрации, а также в бизнесе, в том числе потому, что клиенту-

[34] В РФ всегда были политики, даже политические партии, которые стремились представлять интересы русских, оказавшихся после распада Советского Союза «за границей», к которым иногда относились как к «иностранцам» на, в буквальном смысле, родной земле, то есть на земле (союзной республике), где они родились. ЛДПР — одна из них, а более конкретно — КРО (Конгресс русских общин), который был основан в 1992 году и в 2004 году влился в *Родину*.

ра «этнизирована», поскольку семья, родство и племя (все еще) играют важную роль. Казахстан, с одной стороны, становится более «международным и современным», а с другой — сознательно дистанцируется от России и становится более «тюркским» и «национальным». Поэтому политики-ирредентисты в России могут всегда найти причину для того, чтобы прийти на помощь русским в Казахстане. Весь Казахстан не является ни в каком смысле российским, но границы современного Казахстана, так же, как и границы Украины, считаются продуктами, артефактами Советского Союза. Границы обеих этих стран были проведены без учета интересов русского народа. Поэтому, в глазах многих политических аналитиков и практикующих политиков в России, нынешние границы не являются святыми[35]. Моральное право, если не моральная обязанность русских в РФ, прийти на помощь русским соотечественникам в Казахстане теперь, когда стало ясно, что казахи используют инструменты государственности и независимости для маргинализации русских. Подобные рассуждения идут параллельно с основным аргументом, используемым для объяснения и оправдания аннексии Севастополя и Крыма, а также перекройки украинско-российских государственных границ.

У президента Казахстана есть основания для беспокойства, но положение Казахстана в других важных аспектах совершенно не похоже на положение Украины. Казахстан не рассматривает перспективу вступления в НАТО, территориальный конфликт между Россией и Казахстаном, скорее всего, противоречил бы интересам Китая, что имело бы серьезные последствия для России,

[35] См: https://www.aljazeera.com/news/2022/6/24/whats-behind-kazakhstan-not-recognizing-ukraines-separatists

Идея выхода России за пределы современных государственных границ встречается в работах Александра Солженицына, Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Александра Дугина, Александра Проханова, Геннадия Зюганова и многих, многих других. В этот список можно добавить и Владимира Путина, хотя надо полагать, что большинство его работ написаны кем-то другим или в соавторстве. Для одних формирование Великой России — это явно националистическая программа (программа сбора и объединения в рамках государства всех русских на «исторически своей» территории), для других пересмотр, расширение границ России — часть явно империалистической программы (где русские — ведущая нация с цивилизационной миссией).

особенно в современных условиях, а также: Вооруженные силы России не смогут справиться с еще одной войной, это потребует превращения «специальных военных операций» в настоящие «войны», что позволит провести всеобщую мобилизацию и задействовать солдат срочной службы. Конфликт между Россией и Казахстаном также вовлечет в игру Турцию как ведущую державу — и защитника — тюркского мира, чего Россия также не может себе позволить.

Ситуация в Эстонии и Латвии отличается тем, что процент этнических русских, проживающих в Эстонии и Латвии, сопоставим с Казахстаном, но фактическая численность намного ниже, и Эстония и Латвия не были определены СССР как государства (союзные республики), как Украина и Казахстан: страны Балтии существовали до Союза; и, конечно же, Эстония и другие балтийские республики являются членами НАТО, и поэтому любое нападение на эти страны приведет в действие статью 5 договора НАТО, призывающую вооруженные силы всех стран-членов НАТО помочь защитить эти страны.

* * *

Сам факт того, что Россия ведет националистическую, то есть этническую, войну, и РФ направляет свои силы на помощь русской нации (пусть и без приглашения), может иметь эффект и внутри самой РФ. Каковы возможные последствия, пока неясно, но, возможно, одно из них — отказ сотен контрактников от участия в «специальной военной операции». В то время, когда я пишу эти строки, в середине июня 2022 года, по оценкам, (более) 1500 контрактников уволились, что возможно в соответствии с российским законодательством, поскольку Россия не участвует в «войне». Из этих 1500 около 500 контрактников из Бурятии, 300 контрактников из Дагестана и, по крайней мере, несколько десятков контрактников из Тувы[36]. Мы знаем, что многие контрактники — с начала 1990-х годов — выходцы из более бедных,

[36] См.: https://theins.ru/en/news/253076; https://www.themoscowtimes.com/2022/07/20/russian-authorities-detain-threaten-soldiers-refusing-to-fight-in-ukraine-a78326; https://www.newsweek.com/over-100-russian-servicemen-quit-refuse-fight-ukraine-war-buryatia-1723822; См. также: https://www.themoscowtimes.com/2022/07/29/explosive-cocktail-the-russian-regions-recruiting-units-for-ukraine-war-a78269

часто сельскохозяйственных районов РФ, где относительно высок коэффициент рождаемости, где низкий уровень образования, мало возможностей для карьерного роста, низкие зарплаты, низкие показатели занятости. Зарплаты, которые в настоящее время выплачивает российская армия (или частные «охранные компании», такие как «Вагнер») малообразованным молодым людям, желающим служить, очень привлекательны для многих, особенно в бедных регионах, таких как Дагестан и Бурятия. (Очень немногие контрактники — из Москвы или Санкт-Петербурга.) Чеченский лидер Рамзан Кадыров отправил «свой» батальон чеченских бойцов в Украину в поддержку «специальной военной операции» Путина. Эти чеченские бойцы не являются составной частью российских вооруженных сил, поскольку они участвуют в «операции» как чеченские бойцы за Россию. Очевидно, что таким образом Кадыров пытается заискивать перед своим «верховным лидером». Антикадыровские чеченцы, кстати, вступили в украинскую армию, сражаясь с «русскими» в Украине, потому что русские способствуют деспотическому правлению Кадырова в Чеченской Республике[37].

Напоминаю, «незначительная держава» все еще обладает ядерным оружием.

«Спецоперация» в Украине может сделать этнический раскол в самой Российской Федерации еще более острой проблемой[38].

* * *

Путинская война, которая якобы не является войной, имеет обратный эффект — она способствует укреплению и расширению НАТО. Организация, которую президент Франции Макрон совсем недавно назвал «безмозглой» — и не без оснований — была активизирована, чтобы помочь преподать России урок и, возможно, превратить ее в малозначимую державу, если сторонники жесткой линии, в основном из Великобритании и США, добьются своего. Если бы это произошло, эффект от «специаль-

[37] См. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Chechen_involvement_in_the_2022_Russian_invasion_of_Ukraine

[38] См. также: https://www.aljazeera.com/news/2022/8/2/racist-federation-russias-minorities-complain-of-racism

ной военной операции» Путина был бы прямо противоположным тому, чего Путин намеревался достичь, — восстановить статус великой державы для РФ. Можно называть его маньяком, преступником, использовать уничижительные термины — опять же, это эссе не о политической морали, — но как бы ни оценивали его действия враги и друзья, он, несомненно, человек с миссией. Его усилия могут закончиться трагедией, то есть они могут привести к противоположному тому, к чему он стремится, он может даже не выполнить главную задачу любого государственного деятеля, которая по словам Макиавелли: *mantenere lo stato*, т. е. обеспечение выживания государства. Финляндия и Швеция подали заявки на вступление в НАТО и будут фактически приняты в качестве членов после того, как нерешительность Турции будет преодолена. В июне 2022 года Украина получила статус страны-кандидата в члены ЕС. Даже с учетом территориального расширения РФ — в настоящее время РФ оккупировала около пятой части украинского государства — или, наоборот, с учетом «окончательной победы» Украины, враг, Запад в разных формах приблизился к воротам России.

Война вызвала очередной массовый отъезд из России в основном молодых и образованных граждан, которые нашли убежище и, возможно, навсегда обосновались в соседних странах, в Прибалтике, Грузии, Армении, а также в Израиле, в Германии и других западноевропейских странах. Это очередная «утечка мозгов».

Для Запада Россия вновь стала объектом недоверия, даже ненависти, среди большей части населения и его профессиональных политиков (правда, не во всем мире[39]). Этот репута-

[39] Ни одна из (других) стран БРИКС открыто не осудила Россию за вторжение в Украину, а Индия, Китай, Бразилия и Южно-Африканская Республика не посчитали нужным присоединиться к западным и присоединившимся к Западу странам в бойкоте и изоляции России. Большинство африканских стран предпочли занять нейтральную позицию, Сирия, по понятным причинам, поддерживает Россию, но большинство других арабских государств, похоже, стараются держаться в стороне, как и Израиль. Иран, конечно, не является союзником России, но руководство Ирана и руководство России в настоящее время разделяют общую ненависть к США. Турция является членом НАТО (и кандидатом на членство в ЕС на протяжении десятилетий), но старается держать открытыми линии связи с Москвой.

ционный ущерб будет иметь негативные последствия в течение многих лет.

Техническое и общее экономическое развитие России будет затруднено постоянными (взаимными) эмбарго и бойкотами, а также изоляцией от Запада в других отношениях. Импортозамещение не всегда легко, а иногда и невозможно, а отсутствие доступа к западным платежным системам можно преодолеть, но за определенную цену. Российский капитал в пределах досягаемости западных врагов был «заморожен», а не экспроприирован, но в настоящее время он практически бесполезен для российских владельцев, будь то государственные структуры или частные лица.

Антизападная позиция Путина, настойчивое утверждение России как цивилизации, христианской цивилизации, отличной от морально развращенного и упадочного Запада, сделали Россию более зависимой от Китая, чем раньше: экономически, финансово, политически, включая безопасность и оборону. Нынешние дружественные отношения между Китаем и Россией, скорее всего, перерастут в отношения неравных, Россия окажется в роли младшего партнера, а Казахстан, как ни парадоксально, сблизится с Китаем, чтобы противостоять экономическому, политическому и, возможно, военному давлению России, несмотря на продолжающиеся репрессии Китая по отношению к уйгурскому меньшинству, тюркскому населению, родственному казахскому народу[40].

Можно сказать, что Россия ведет себя как то, что французы называют raté, как тот, кто претендует на принадлежность к «высшим», но не может добиться признания на «равных». Raté испытывает чувство ущемленного права. Raté чувствует себя обделенным и не позволит тем, кто лишил его того, на что, как он чувствует и знает, что имеет право, уйти от наказания. Raté склонен к мстительным действиям. Это, конечно, характеристики человека. Как метафора, они подходят и для описания государства. Руководители государства — люди, а некоторые руководители олицетворяют государство. Они являются — или действуют — как «олицетворение государства». (Король Фран-

[40] Собственное уйгурское меньшинство в Казахстане составляет 275 000 человек: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%B9%D0%B3%D1%83%D1%80%D1%8B

ции Людовик XIV был не единственным таким лидером.) Путин и Россия могут быть связаны таким образом, и поэтому метафора вполне уместна. Россия не получает того уважения и места за «высоким столом», которого она заслуживает.

Она выражает свое недовольство, давая прочувствовать свой вес и пытаясь заставить «других» относиться к ней с тем уважением, которого, по ее мнению, она заслуживает. Очевидный страх Запада перед возможным успехом России в попытке завоевать Украину является явным признаком такого уважения. Сам факт, что Запад приходит на помощь Украине, поставляя ей вооружение на десятки миллиардов долларов, в том числе высокотехнологичное, и помогает Киеву, предоставляя ему доступ к разведданным в режиме реального времени и ракетному наведению через свои спутники и с помощью (других) подарков и кредитных линий, а также помогает Украине в области «связей с общественностью» — все это вписывается в схему Путина, что он, опосредованно, борется против своего основного соперника и «таким образом» *противостоит кому-то своего уровня*. Не с превосходящим, но с равным.

Тот факт, что он знает, что мы знаем, что ему нельзя проиграть, порождает страх Запада перед ним. Президент Путин в начале июля 2022 года заявил: «Все должны знать, что, по большому счету, мы еще ничего всерьез не начинали». Это соответствует идее «самости», которую он, Россия, вынашивает. По этому же поводу Путин добавил: «В то же время мы не отвергаем мирные переговоры. Но те, кто их отвергает, должны знать, что чем дольше это продолжается, тем труднее будет с нами договариваться»[41].

Нет сомнений в том, что он рассчитывал захватить большую часть Украины за несколько недель. Как он мог представить себе, что сможет «вернуть» Украину такими небольшими военными силами (равными по численности украинским), остается для меня загадкой, но сейчас вопрос не в этом. Суть в том, что хотя Путину не удалось этого осуществить (и продемонстрировать таким образом мощь России), это не пошатнуло его позиции. В настоящее время Россия в одиночку способна провести «специальную военную операцию» против объединенного Запада

[41] https://globalnews.ca/news/8975074/ukraine-russia-putin-speech-warning/

и одержать победу на фронте, в то же время готова нести потери (человеческие жертвы, материальные потери и серьезное падение ВВП), которые несет противостояние с Западном. Запад же, с его точки зрения, делает все возможное, чтобы достичь своих целей и сломить Россию, за исключением отправки туда своих военных, на что он *не решается.*

Китай ведет другую игру, если игра — это подходящее выражение. Китай не борется за место среди великих держав мира. Китай — это центр мира, и, в некотором смысле, сам мир. Могут существовать другие могущественные государства, даже очень могущественные, но они, в некотором смысле, являются периферийными. Китай является империей в том смысле, что, в конечном счете, он сам устанавливает собственные правила в отношениях с другими, независимо от того, что другие считают международным или наднациональным правом. Вот почему Китай, США и Россия являются империями: Китай и Россия являются империями, потому что они считают международное право навязанным им сводом правил, или, скорее так: другие *пытаются* их навязать. Они могут придерживаться этих правил из соображений удобства. В конце концов, они не подчиняются им по-настоящему. Обычные государства вынуждены их придерживаться, но *не* империи. С точки зрения России, международный порядок — это средство, с помощью которого, прикрываясь универсализмом, США пытаются править миром и пытаются идеологически обосновать и оправдать свою *доминантность*. США «подчиняются» «международному порядку» до тех пор, пока сами могут устанавливать правила и выступать в роли полицейского, судьи и присяжных. Иначе говоря: *как если бы другая сверхдержава действительно была завоевана.*

Самовосприятие Китая в гораздо меньшей степени является продуктом истории его конкуренции с США. (Россия ведет свое происхождение от Киевской Руси, династия Хань так же стара, как республиканский Рим, династия Чжоу — еще на тысячу лет старше; и если Киев действительно является колыбелью России, то династия Ся начала править «Китаем» уже в 2100 году до нашей эры.) Таким образом, с точки зрения Китая, и США, и Россия — опоздавшие. Китай, в конечном счете, устанавливает собственные правила в отношениях с другими. Он — империя, и может соблюдать международные территориальные границы, не захватывая дополнительные территории, за исключением

возвращения территорий, которые Пекин считает частью Китая (Синьцзян, Тибет, Тайвань). (Есть ли параллель с «возвращением» себе того, что Москва считает «российским»?) Китай просто заставляет периферию, которая по сути является миром за пределами «Китая», подчиняться потребностям Китая. Китай не заботится о внешнем мире и не является экспансионистом и универсалистом в том смысле, в котором являются США (у которых есть что сказать миру, делающих мир безопасным для демократии и все такое). Китай хочет, чтобы остальной мир служил его нуждам, и не хочет и не ждет, что ему будут подражать. Мы все можем стать американцами, но никогда не сможем стать китайцами.

То, что Россию подталкивают к более тесному контакту с Китаем и к зависимости от него, делает Китай более грозным противником США.

Политика непрерывного расширения НАТО с 1991 года и включения стран Центральной и Восточной Европы в ЕС, а также притягивание Украины и Грузии со стороны НАТО и ЕС (хотя Грузия, в отличие от Украины, в 2022 году считается «не готовой» к формальному членству в ЕС) была неразумной. Всеобъемлющее соглашение по безопасности, *включающее и РФ*, так и не было достигнуто, и снова образовались два антагонистических военно-политических блока, частично совпадающих с конкурирующими экономическими и (в последнее время) финансовыми блоками. Европейский союз конкурирует с Евразийским экономическим союзом (или, если угодно: ЕАЭС был создан для конкуренции с ЕС). ЕАЭС был обречен на провал, когда Украина в 2013–2014 годах сделала выбор в пользу договора об ассоциации с ЕС. Договор об ассоциации исключил будущее членство Украины в ЕАЭС и тем самым подорвал надежду Путина на создание ЕАЭС, по аналогии с ЕС. Без Украины ЕАЭС в лучшем случае останется несущественным. В военной сфере НАТО, возглавляемому США, противостоит ОДКБ (Организация коллективной безопасности), возглавляемое РФ. По сути, ОДКБ — это РФ, поскольку Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан мало что добавляют к военному потенциалу России, тем более что президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в июне открыто критиковал Россию за «специальную военную операцию». В июле 2022 года Казахстан объявил о значительном увеличении своих военных расходов, очевидно, для защиты Казахстана от сил РФ, а не от общего врага — ОДКБ. В ответ

на нападение России на Украину Финляндия и Швеция подали заявки на вступление в НАТО, и, несмотря на противодействие Турции предоставлению Швеции членства в НАТО, включение и Швеции, и Финляндии в систему коллективной безопасности стало фактом — Швеция просто не может вернуться к своему нейтралитету.

Особенно недальновидным было поддержанное США приглашение Украины и Грузии вступить в НАТО в 2008 году. Москва, выйдя из своей «осажденной крепости», взяла под контроль Южную Осетию и преподала Грузии урок. Ободренный военной помощью США на сумму около миллиарда долларов президент Михаил Саакашвили попытался восстановить контроль над своей «мятежной провинцией», но столкнулся с быстрой реакцией российских войск (проводивших учения на российской территории вблизи грузинской границы), которые одержали верх над грузинским противником и дали понять, что легко могут пойти дальше и взять под контроль Тбилиси, но не сделали этого.

После зимних Олимпийских игр 2014 года в Сочи, которые были частично испорчены угрозой президента США Барака Обамы, что США (и их соратники) могут не участвовать в них (в ответ на дискриминационную национальную политику Москвы в отношении геев и других сексуальных меньшинств[42]), Россия отомстила киевскому режиму, который после свержения президента Виктора Януковича заявил себя как антироссийский. Теперь Москва объявила о своей поддержке отколовшихся Луганской и Донецкой областей, и аннексировала и взяла под контроль Севастополь и Крым.

Недовольство Донбасса политикой украинских националистов было реальным, но восстание не могло бы продолжаться

[42] Такой бойкот стал бы повторением финансовой и общей пиар-катастрофы Московской летней Олимпиады 1980 года, вызванной фактическим бойкотом Игр со стороны США и их союзников. Было ясно, что Путин — его режим — хотел блистать в Сочи. Угроза бойкота со стороны США и сопутствующая негативная реклама политики Москвы в отношении того, что она называла «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и поведения», а также внимание зарубежных СМИ к непомерным расходам на проведение игр и к фаворитизму и коррупции, сопровождавшим строительство спортивных объектов и окружающей инфраструктуры, должны были сильно раздражать Путина и, возможно, задеть его лично.

(а возможно, даже не было бы начато) без существенной финансовой, военной и иной поддержки местных жителей со стороны Москвы. Москва организовала гражданскую войну на востоке Украины и в последующие годы вела опосредованную войну против киевского режима (руководимого сначала Петром Порошенко, затем Владимиром Зеленским) через «народные республики» Луганска и Донецка. В то время как Порошенко и его преемник Зеленский обращались к Западу — США, Великобритании, ЕС — за военной, экономической и идеологической помощью, Украина оставалась в значительной степени экономически зависимой от России, как от экономического и торгового партнера, а также для денежных переводов украинцев, работающих в России, своим семьям на родину[43]. Денежные переводы миллионов работа-

[43] Политика Порошенко и Зеленского на самом деле были очень схожи. Двумя основными темами предвыборной кампании Зеленского были (а) его обещание бороться с коррупцией и олигархами и (б) обещание заключить мир с Россией, при этом он критиковал своего главного оппонента, действующего президента Порошенко, за то, что тот не смог сделать ни того, ни другого. На самом деле Зеленский боролся только с двумя олигархами. Он лично проследил за тем, чтобы обвинения были предъявлены его предшественнику, который бежал из страны. Порошенко вернулся в Украину в январе 2022 года. Он не был арестован в аэропорту, и киевский суд решил, что он может ожидать суда на свободе (см: https://www.aljazeera.com/news/2022/1/17/ex-leader-poroshenko-returns-to-ukraine-to-face-treason-case).

После 24 февраля 2022 года Порошенко был главным лицом Украины на крупнейших американских телеканалах, умоляя США о помощи против русских. Другим олигархом был Виктор Медведчук, лидер «Украинского выбора», самый откровенно пропутинский политик в украинской политике, выступающий за членство Украины в ЕАЭС и против членства в НАТО. «Украинский выбор» был частью «Оппозиционной платформы — За жизнь», которая заняла второе место на парламентских выборах 2019 года, получив 13 процентов голосов («Слуга народа» Зеленского получил 43 процента). «Оппозиционная платформа» выступила против нападения России в феврале 2022 года. Медведчук бежал и был арестован СБУ в начале апреля 2022 года как пособник Путина (см.: https://www.bbc.com/news/world-europe-61089039).

Что касается обещания Зеленского заключить мир с Россией: очевидно, что Зеленский не смог преодолеть требование украинских националистов не уступать ничего русским, что было бы необходимо для введения в действие (последнего) Минского соглашения. Такая «капитуляция» была бы необходимым, но, возможно, недостаточным

ющих на Западе украинцев (в Португалии до 2008 года, в Польше, в Чехии, в Литве, в других местах), были значительными с начала 2000-х годов. Экономические отношения между Россией и неоккупированной Украиной в различных аспектах ухудшились с 2014 года, но наиболее заметно — с февраля 2022 года.

24 февраля 2022 года у России не было необходимости вторжения в Украину. Не было необходимости добиваться смены режима в Киеве, что, очевидно, было одной из ее целей вначале. Россия немного бы потеряла, если бы Путин не вторгся в Украину. Более важным с общеполитической — макиавеллиевской — точки зрения является то, что Путин не сумел достичь своих первичных целей малой кровью, и из-за собственных просчетов был вынужден пытаться достичь вторичных целей огромной ценой. С точки зрения *реальной политики* его украинская авантюра была в значительной степени неудачной. И поэтому, когда ранее я говорил о том, что западная политика была «неразумной», я ни в коем случае не имел в виду, что украинская авантюра Путина, его попытка вооруженного

условием «для того, чтобы Минск заработал». Зеленскому нужно было удержать националистов, чтобы остаться у власти. Я думаю, что гнев Москвы по поводу окончательного отказа Зеленского согласиться на то, что, казалось бы, было согласовано в Минске между Киевом и Москвой, был недооценен на Западе.

Отметим, что ряд соратников Зеленского сомневались в том, что он сможет одержать победу над националистами на президентских выборах в Украине в 2019 году, поскольку его владение украинским языком на тот момент не было свободным. Во втором туре, в апреле 2019 года, Зеленский получил 73,2% голосов; Порошенко — 24,5%. В декабре 2021 — январе 2022 года уровень поддержки Зеленского упал примерно до 24%, что на два-три процента больше, чем у Порошенко, как показывали несколько опросов. Фактически, политика Зеленского стала похожа на политику Порошенко. Основное отличие, возможно, заключалось в том, что Зеленский работал в направлении концентрации государственной власти в руках президента. Сочувствие к страданиям народа Украины не должно мешать признать, что правление Зеленского до февраля 2022 года было очень разочаровывающим. (См. https://www.wilsoncenter.org/blog-post/just-all-others-end-zelensky-alternative; https://www.kyivpost.com/ukraine-politics-2/poll-reveals-gap-between-zelensky-poroshenko-narrowing.html; https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_next_Ukrainian_presidential_election.)

захвата украинской власти в 2022 году, была следствием этой западной политики.

Россия была и остается самостоятельной державой, не равным США игроком на мировой арене, как того горячо желает путинский режим и многие в России, но слишком большой и слишком «своей», чтобы к ней относились просто как к государству-клиенту или чтобы ею «управляла» из-за рубежа (коалиция) других государств или другая империя. Именно поэтому оказалось трудным интегрировать Россию в западные или доминирующие на Западе структуры, такие как (*преобразованное*) НАТО[44], ЕС, Совет Европы (и его юридическая структура)[45]. Россия слишком велика, чтобы ей можно было «приказывать», «подчинять», или заставлять придерживаться «наших» правил, и слишком важна, чтобы принимать ее как есть. Поэтому в «нашей» (национальной, ЕС, НАТО) политике необходимо учитывать возможные реакции России, которые могут быть вызваны не нашими мотивами, а проистекать из специфического (и, возможно, меняющегося) представления России о том, чем она является, за что выступает и чем должна быть. «Попробуйте посмотреть на это с их точки зрения» — это не призыв забыть о том, что вы сами отстаиваете, что вы сами хотели бы видеть или предпочитаете. По моему мнению такой взгляд необходим, чтобы иметь возможность *правильно учесть непреднамеренные, но таким образом* **предсказуемые** *(возможные) реакции* на наши действия и их **последствия**. Властные организации делают это редко именно потому, что они могущественны. Это означает, что, даже не обращая внимания на возможные (предсказуемые) реакции на свои действия, они все равно добьются своего. Поэтому я считаю некоторых из основных западных политиков «неразумными».

[44] Необходимое *преобразование*, поскольку НАТО структурирована для противостояния и борьбы с общим врагом, то после такой интеграции НАТО нуждался бы в другом общем враге. Иначе он перестал бы быть организацией безопасности.

[45] Москва больше не признает полномочия Международного суда в Гааге судить граждан РФ — это более недавнее развитие событий — по состоянию на 2022 год — и относительно незначительное (см.: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/182/182–20220307-OTH-01-00-EN.pdf). США никогда не признавали этот суд уполномоченным судить своих граждан.

Признание того, что Россия в значительной степени является самостоятельным субъектом на мировой политической арене, также означает, что она не может оправдывать свои действия тем, что они вызваны и навязаны ее оппонентами. Играть в аутсайдера и претендовать на роль одного из полюсов в «многополярном мире» довольно двулично. Это либо бесчестно, либо неверно, либо и то, и другое. Сама по себе эта двуличность не является «запрещенной» (кто должен запрещать такое поведение?), и с макиавеллистской точки зрения ее можно было бы даже похвалить — если бы она была успешной. Но, судя по всему, это не так. У «Запада» не может быть и того, и другого, но и у России тоже.

«Специальная военная операция», попытка России захватить Украину или (насильно) «воссоединить» Украину с Россией, не увенчались успехом. Последствия в некоторых отношениях были извращенными и *трагическими* для России: *вопреки* предполагаемой российской — путинской — цели.

Исход конфликта до сих пор, и в той мере, в какой его можно представить себе как «возможное будущее», не стал полным успехом и для Запада. Выигрыш России сам по себе не означает проигрыш Запада, как и наоборот; в геополитике редко бывают игры с нулевой суммой. Предсказуемое, почти неизбежное сближение РФ с Китаем делает Китай более грозным игроком на мировой арене. Китай, становясь более грозным игроком, скорее всего, будет рассматриваться как угроза мировому порядку, как его воспринимают США, особенно в зоне, которую американцы называют западной частью Тихого океана. Другой эффект заключается в том, что Украина перестала быть промежуточным звеном между Западной Европой и Россией, и больше не может профитировать от обеих сторон, как это было на протяжении тридцати лет. Украина часто сетовала на это положение, но в то же время извлекала из него выгоду, вплоть до 2014 года и даже, хоть и в меньшей степени, после 2014 года. Война 2022 года и сопутствующее ей кандидатство в члены ЕС сделали Украину более зависимой от Запада, от ЕС и НАТО, чем раньше. Война будет стоить США, Великобритании, и особенно некоторым странам-членам ЕС значительных денежных сумм в течение многих лет, возможно, десятилетий. Добавьте к этому немедленные и долгосрочные экономические потери в результате разрушения экономических отношений между Россией и Западом.

Украина, конкурирующая с Молдовой за самый низкий ВВП на душу населения в Европе, будет ожидать помощи, чтобы достигнуть уровня ЕС. (ВВП на душу населения в ЕС самый низкий в Болгарии – 9,9 тыс. евро; ВВП Украины в 2020 году составил 3,87 тыс. евро, что значительно меньше половины ВВП на душу населения Болгарии). Война стоила и будет стоить миллиарды евро (долларов США) на постоянное снабжение украинских вооруженных сил современным оружием и на обучение украинских солдат. Оружие на десятки миллиардов уже было подарено Украине США, Великобританией и другими странами-членами НАТО, еще больше будет предоставлено, в частности, США по ленд-лизу и в подарок. Как основной производитель оружия по стандартам НАТО, американская индустрия вооружений особенно выигрывает от этих поставок, а во всей Европе растут оборонные бюджеты. (Как и оборонный бюджет Казахстана, как уже было сказано.) Ожидается, что восстановление Украины будет оплачиваться за счет подарков и кредитов, в основном от ЕС, а будущий оборонный бюджет самой Украины, ожидаемо останется довольно высоким. Таким образом, если «забота о климате» является дорогостоящим приоритетом во многих западных странах, то постоянный высокий уровень расходов на оборону будет еще больше истощать государственную казну.

Принятие Украины в «члены европейской семьи» президентом Европейского комитета Урсулой фон дер Ляйен, вступление Украины в ЕС в качестве кандидата в члены ЕС обязывает ЕС помочь Украине соответствовать (скорректированным?) критериям вступления. Будущее вступление Украины в ЕС будет иметь ряд последствий, причем не только финансовых. *Сам процесс вступления* покажет свой результат. Польша заявит о своей значимости как ближайший и наиболее важный партнер Украины в ЕС. ЕС уже сейчас трудно приструнить Польшу за несоблюдение принципов государственного права, которые, по мнению ЕС, являются основополагающей частью и сутью ЕС. Поскольку Польша предоставляет (временное) жилье сотням тысяч беженцев из Украины, ЕС будет еще труднее Польшу дисциплинировать. Украинские политические комментаторы уже радостно намекают на будущее значение Украины в ЕС, где она, объединив усилия и численность своего населения с Польшей, будет такой же большой, как Германия, и намного больше, чем Франция. Что касается территории: Украина,

с границами до 2014 года, превосходит Францию (ее европейскую часть), Польша и Украина вместе взятые больше, чем Франция и Германия вместе взятые, и Украина больше не будет «промежуточной страной» и больше не будет «пограничной территорией». Украина будет передовым государством, и можно ожидать, что вопросы безопасности приобретут дополнительный вес в (расширенном) ЕС. Объединение Беларуси и РФ сделает Польшу «граничным государством». Как следствие, восточные страны в ЕС станут гораздо более важными на европейской политической и экономической сцене за счет Франции, Германии и незначительных западноевропейских стран, таких как Нидерланды. По мнению Владимира Зеленского, Дмитрия Кулебы и многих украинских политических комментаторов, лишь несколько европейских стран оказывают Украине достаточную поддержку: Великобритания и Польша. Только Польша является членом ЕС. Остальные европейские государства считаются недостаточно поддерживающими Украину, которая утверждает, что сражается «в защиту европейских ценностей», и действительно, многие европейские государства хвалят ее за это. Некоторые украинские политические комментаторы с удовольствием ожидают, что когда-нибудь Макрон и Шольц получат по заслугам. В будущем Польша и Украина обеспечат Европе адекватное лидерство (и низведут нынешние «крупные европейские державы» до второстепенных, что вполне заслуженно, поясняют эти комментаторы, поскольку они гораздо менее поддерживают Украину, чем США и Великобритания[46].

И канцлер Олаф Шольц, и президент Франции Эммануэль Макрон после 24 февраля 2022 года неоднократно высказывали мысль о необходимости переговоров между Украиной и Россией. Макрон даже предложил, чтобы для достижения мира Москве был предложен почетный выход, предположительно в виде территориальных уступок со стороны Украины. Мир за счет терри-

[46] Многие журналисты, часто в качестве собеседников (бывших) политиков и бизнесменов, специалистов по международным отношениям и военным вопросам, а также коллег-журналистов и модераторов, перешли в интернет. В таких блогах, часто доступных через YouTube, также присутствует русскоязычная аудитория, гораздо более многочисленная, чем на официальных телеканалах, которые в настоящее время все ориентированы на то, чтобы донести до зрителей одно и то же одобренное правительством сообщение на украинском языке.

тории? Что ж, именно этого «следует ожидать от европейских лидеров, которые просто заботятся о своем политическом выживании на следующих выборах», — услышал я слова одного из этих комментаторов. В отличие от президента США Джо Байдена и (бывшего) премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона и других политических лидеров (в демократических странах), которые полностью поддерживают курс украинского президента, хотя время от времени — по крайней мере, в мае, июне и июле 2022 года — США тоже предупреждают, что они должны производить современные системы вооружений (особенно новейшие реактивные системы залпового огня) в большем количестве и с большей скоростью.

Короче говоря, Украина будет требовательным членом семьи и будет «требовать» то, что считает должным, в отличие от того, как вела и продолжает вести себя Польша. В будущем ЕС не просто столкнется с расколом между Севером и Югом, но будет вынужден еще считаться с расколом между Востоком и Западом, и, в результате, Германия окажется в самом сложном и незавидном положении. Германия должна помочь финансировать дефицит южных европейских стран, Испании, Португалии, Италии, Греции. От нее также будут ожидать оказания значительной части финансовой и иной помощи новым и будущим странам-членам в Центральной и Восточной Европе. В то же время претензии Франции и Германии на роль лидера будут (еще больше) подорваны ориентацией новых стран-членов (Эстонии, Латвии, Литвы и Польши) и будущих стран-членов (Молдовы, а главное — Украины) на США, а не на штаб-квартиру ЕС в Брюсселе, и их ориентацией в вопросах внешней политики и обороны на США, и НАТО, т. к. его возглавляют США. Эти новые страны ЕС будут не очень поддерживать возможное стремление других стран ЕС к укреплению *европейского* военного сотрудничества — сотрудничества, которое сделало бы ЕС менее зависимым от американского лидерства. Итак, вступление государств Центральной и Восточной Европы в ЕС окажет влияние на внешнюю политику и политику безопасности ЕС в такой степени, что может (снова) сделать оборонную политику ЕС подчиненной внешней политике и политике безопасности США и Великобритании. Можно ожидать, что и Финляндия в этом отношении будет больше прислушиваться к Вашингтону, чем к Парижу и/или Берлину, или к «ЕС-Брюсселю», если на то пошло.

* * *

POST SCRIPTUM

«Украинцы сражаются за наши ценности» — это клише, повторяемое западными политиками. «Наши ценности» — это ценности, которые «мы в Европе», предположительно, считаем общими. Урсула фон дер Ляйен любит эту фразу, так говорят и многие национальные лидеры в Европе, оправдывая отправку оружия в воюющую страну. Да, мы сражаемся за наши общие европейские ценности, неоднократно повторял Зеленский, и поэтому свободный мир в долгу перед Украиной. Предположительно, эти ценности включают «демократию» и «права человека» и все то хорошее и прекрасное, что мы сегодня ассоциируем с «Европой» и «Западом». На самом деле, украинцы сражаются, потому что на них напали. Вы сопротивляетесь, если не хотите, чтобы вас подчинили силой. В той мере, в какой они борются за «демократию» и «права человека», они делают это с прицелом на будущее, чтобы сохранить перспективу однажды жить в стране, где демократия — единственная игра в городе, а права человека преобладают — при условии, очевидно, что граждане являются настоящими украинцами, говорят по-украински и ведут себя как украинцы.

Возможно, есть своя правда и в том, что «украинцы сражаются за наши ценности». У западных политиков есть общий страх, что если русских не остановить в Украине, то они, ободренные своим успехом, могут попытаться «освободить» русских и в других странах, таких как Казахстан и, что более важно, странах Балтии (Эстонии и Латвии), и таким образом заставить НАТО прийти на помощь своим странам-членам без оговорок, тем самым заставляя все НАТО прийти на помощь своим странам-членам не исключая применение «наземных сил» и все такое. Неспособность НАТО помочь сдержать боевые действия на украинской территории повлечет за собой фактические боевые действия натовских армий против России (и тех немногих союзников, кроме Белоруссии, которых РФ сможет сплотить). Такая полномасштабная конфронтация будет означать новую мировую войну, которая может закончиться ядерным Армагеддоном. Утверждение, что украинцы сражаются за наши ценности, в этом смысле означа-

ет, что до тех пор, пока украинские военные обескровливают российскую армию в Украине, не дают России развернуться на поле боя, не дают ей добиться убедительного военного успеха — с помощью западного вооружения и разведки, при финансовой поддержке и гуманитарной помощи Запада (особенно благодаря приему около пяти миллионов украинских беженцев, в основном женщин и детей, стариков и инвалидов) — остальной «наш мир» может быть в безопасности. Поддержка президента Владимира Зеленского в достижении объявленных им целей войны — вытеснить русских из Луганска и Донецка, с юга Украины, из Крыма и Севастополя, и восстановить границы Украины до 2014 года — сделает возможной длительную войну. Эта война будет стоить еще многих жизней людей из Украины и из России, повлечет за собой дальнейшее разрушение инфраструктуры, школ, промышленности, возможно, целых городов в регионе — если предположить, как все сторонники этой стратегии, что Путин (эта Россия) тоже не прекратит воевать. Возможно, все еще надеясь, что путинский режим будет свергнут, они не рассчитывают на то, что Россия изменит свою стратегию[47].

Нынешние военные цели России тоже довольно ясны: продлить власть России и русских в Донецкой и Луганской областях, приобрести значительные части (как минимум) Запорожской и Херсонской областей и сохранить Севастополь и Крым как неотъемлемые части Российской Федерации.

Уступка части украинской территории, как возможный результат мирных переговоров после перемирия, кажется на сегод-

[47] Западные политики, многие политические и военные комментаторы ставили перед собой цель добиться смены режима в Москве. Они рассчитывали и надеялись, что экономические санкции, закрытие доступа к мировой финансовой системе, ограничение европейскими странами потребления ископаемого топлива из России, а также то, что Россия будет вынуждена тратить человеческие и материальные ресурсы в Украине, побудят сверхбогатых людей в России и некоторых политически влиятельных лиц в Москве «организовать» смену руководства. Полагали, что массовые протесты в России, восстание людей, пострадавших от этой войны, могут привести к смене руководства и выдвинуть на первый план более податливое, более уступчивое, более разумное (и «ориентированное на Запад») руководство. Даже надежда на то, что это будет следствием того, что Запад накажет Россию и поддержит Украину, угасла после первых двух месяцев войны.

няшний день единственной возможностью остановить войну. Но Запад не будет использовать весь свой вес, чтобы вынудить руководство Украины публично признать, что это меньшее из зол. Президент Макрон, выступивший с таким предложением в начале лета 2022 года, получил выговор. Представители украинского руководства дошли до того, что заявили, что люди, которые говорят о том, что Украина, возможно, должна пойти на такую потерю, хуже Чемберлена, абсолютные тупицы, путинисты и предатели. Вся Украина должна быть освобождена, прежде чем сядет за стол переговоров. Роль Запада должна заключаться в том, чтобы позволить Украине достичь своих целей, как минимум, снабжая ее военной техникой (и предоставляя ей разведданные). (И сказать спасибо, и помочь восстановить Украину, предоставляя ей в течение многих лет 5-6 миллиардов долларов помощи ежемесячно.) Россию, как заметил Запад, не «исправить» финансовыми и другими экономическими санкциями. Россию не остановила перспектива тратить еще большую часть своего ВВП на военные нужды, чем она тратит сейчас, чтобы не отстать от стран-членов НАТО, объявивших о дальнейшем серьезном увеличении своих военных расходов.

Макрон потерпел неудачу, возможно, еще и потому, что США и Великобритания, похоже, нацелены на существенное ослабление России в этой прокси-войне, чтобы Россия стала играть гораздо менее заметную роль в мировой политике. Это война, в которой Россия столкнется с тяжелыми последствиями своего *высокомерия*. Это война, которая научит Россию скромности на будущее. Великобритания и США, очевидно, меньше всего заинтересованы в том, чтобы Россия — гораздо более слабая Россия, если они добьются своего — в будущем действовала в тандеме с Китаем. Летом 2022 года Россия определила США (снова) своим главным стратегическим противником. США с середины 2010-х годов указывают на Китай как на главного претендента на доминирование, США с 2010 года явно сосредоточились на Индо-Тихоокеанском регионе как на зоне возможного военного противостояния.

Тем временем, действительно, в человеческом и физическом смысле украинцы несут на себе основную тяжесть войны, и циничное высказывание Путина о том, что в этой прокси-войне «Запад готов защищать Украину до последнего украинца», все меньше становится гиперболой. Жертвами, конечно, становятся

и многие молодые люди из России, в основном *контрактники*, воюющие за серьезные деньги, за защиту родины от «фашистов-украинцев», против скуки, за то, чтобы делать то же, что делают их товарищи, и по другим, часто смешанным мотивам. Они тоже гибнут, они тоже получают ранения, они тоже убивают и калечат, они тоже отягощают свою совесть, причиняя боль себе и близким (или заставляя их гордиться).

В ходе войны российские телеведущие, модераторы и комментаторы стали чрезвычайно надменными, грубыми и расистскими. Сам Путин не чувствует себя виновным, поскольку, очевидно, считает себя инструментом истории, призванным снова сделать Россию великой.

Лейден, 5 августа 2022
Перевод М. Александрова

Леонид Люкс

«Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы»[1] – деятельность Федора Степуна в эмиграции на примере его статей в журналах «Хохланд» и «Новый Град» (1924–1940)[2]

Федор Степун, рожденный в 1884 г. в Москве в семье предпринимателя немецкого происхождения, был одним из важнейших посредников между немецкой и русской культурами[3]. В 1910 г. Степун защитил в Гейдельберге диссертацию у профессора Виль-

[1] Höntzsch F. Fedor Stepun – ein Mittler zwischen Rußland und Europa //Hochland, № 34, Band 2, April-September 1937, P. 190.

[2] Статья была первоначально опубликована в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» 1–2/2019 (печатается с некоторыми изменениями). Расширенная немецкая версия статьи была опубликована в сборнике «Carl Muth und das Hochland (1903–1941)». Ed. Thomas Pittrof. Freiburg i.Br., Wien, Berlin 2018; Сокращенная русская версия в журнале «Социологическое обозрение» 2/2018.

[3] См. Höntzsch. Fedor Stepun; Кантор В. К. Ф. А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф. А. Сочинения. М. 2000, с. 3–33; его же. Федор Степун: хранитель высших смыслов, или сквозь катастрофу XX века // Федор Августович Степун. Изд. Владимира Кантора. М. 2012, с. 5–33; его же. Вступление. Письма Федора Степуна // Федор Степун. Письма. Изд. Владимира Кантора. М. 2013; его же. Fedor Stepun über Deutschland // Forum für osteuropäische Ideen – und Zeitgeschichte, 14, 2010. Heft 1, P. 125–138; его же. Федор Степун: философ, хранимый судьбой // Вторая навигация № 16. 2021, с. 168–182; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin 2001; его же. Russe als Beruf, in: Fedor Stepun: Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924–1936, hrsg. von Christian Hufen. Berlin 2004, P. 269–288; его же. Три мечты – одна безумная надежда // Федор Августович Степун. С. 34–54; Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990; Философ Федор Степун и его вклад в русско-немецкий диалог. Интервью Евгении Штейнберг с Леонидом Люксом // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 1/ 2015, с. 16–24.

гельма Виндельбанда, посвященную творчеству Владимира Соловьева. Степун считал немецкую философию самой глубокой формой современного ему философского мышления и пытался, несмотря на широко распространенный в России в начале XX в. скепсис в отношении Германии, всячески популяризировать немецкую философию на своей родине. В то же время Степун был русским патриотом. В Первой мировой войне он, как офицер русской армии, воевал против Центральных держав. В 1915 г. он был тяжело ранен на фронте в Галиции. После свержения царя во время Февральской революции 1917 г. Степун полностью поддержал новую русскую демократию и служил ей на некоторых ответственных постах, в частности, в военном министерстве Временного правительства.

Степун никоим образом не разделял разочарование демократической системой, охватившее образованную часть русского общества уже через несколько месяцев после свержения царя. Степун считал демократию общественным устройством, как на Западе, так и на Востоке, наилучшим образом гарантирующим человеческое достоинство и идеалы справедливости, истоки которых философ видел в христианстве. Этому убеждению он был верен всю свою жизнь. В сентябре 1922 г. Степун в одном ряду с известными русскими интеллектуалами (Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Питиримом Сорокиным и другими) был выслан из России. Газета «Правда» комментировала высылку ученых следующим образом: «Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве — это политикантствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научным заслугами»[4]. Но и на Западе эмигрантским мыслителям редко уделяли должное внимание. Западную общественность прежде всего интересовали победители внутрироссийской борьбы — большевики, а не проигравшие эмигранты, которые должны были вдали от родины бороться не только за духовное, но и за материальное выживание. Однако и на Западе были люди, пытавшиеся плыть против течения: они были готовы слушать русских мыслите-

[4] См. Кантор В. Федор Степун: хранитель высших смыслов. С. 13–14; Срав. также: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М., 2005; Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

лей-эмигрантов. К их кругу принадлежали и издатели католического журнала «Хохланд», который в 1920–1930-е годы был своего рода форумом русских авторов в эмиграции. Особенно часто на его страницах выступал наряду с Семеном Франком и Федор Степун.

Рассмотрим сначала статьи Степуна в журнале «Хохланд» на тему русской революции и европейского кризиса XX в.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННИКА

Первая статья Степуна в журнале «Хохланд» появилась уже через полтора года после его высылки из России. Это были начальные очерки цикла «Мысли о России», которые параллельно публиковались в Париже в эмигрантском журнале «Современные записки» (до начала 1930-х годов Степун руководил литературной частью этого журнала).

Русский оригинал первой части этого цикла был опубликован в 1923 г., когда международные отношения в Европе и социально-экономическое положение Германии (Степун тогда жил в Берлине) чрезвычайно обострились вследствие Рурского кризиса, т. е. оккупации одного из самых высоко развитых промышленных центров Германии французскими и бельгийскими войсками, в связи с неуплатой Германией военных репараций. Несмотря на это, тогдашний Запад, по сравнению с большевистской Россией и начавшимся в 1917–1918 гг. «русским апокалипсисом» (определение Василия Розанова), олицетворял для Степуна «нормальность» как таковую: «Вся европейская жизнь, при всем ее расстройстве, по-прежнему определяется нормами разума. Последние пять лет русской жизни, однако, соединили в душе в неразрывное целое ощущение безумия и реальности. […] Они превратили […] безумие […] в сущность […] бытия»[5].

Как же это могло случиться? Как могла одна из самых больших империй на Земле столь быстро разрушиться? Русские демократы, по мнению Степуна, несут значительную долю ответственности за это. Как восторженно приветствовали они стремительное разрушение всех структур русского государства, которое они отождествляли с ненавидимой ими монархией!

[5] Stepun F. Das bolschewistische Rußland. Gedanken und Bilder // Hochland, № 21. Band 2, April–September 1924, P. 243–262, 412–425, 522–539, цит. P. 244.

Как услужливо мирились они со вспышками ненависти простых солдат против всего офицерского корпуса! Слишком наивными были их ожидания, что на следующее утро после краха старого режима в России наступят славные времена невиданной ранее социальной справедливости и свободы[6].

Нельзя забывать о том, что эти горькие слова исходили из уст убежденного демократа, который, однако, не отрицал ответственности своей и своих единомышленников за начавшуюся в 1917 г. катастрофу. Тем не менее, Степун до конца всеми доступными средствами пытался защитить строй, установленный в России после Февральской революции. Но когда «первая» русская демократия в октябре 1917 г., через 8 месяцев своего существования, была уничтожена большевиками, Степун не был готов вслед за многими своими боевыми товарищами, присоединиться к антибольшевистской Добровольческой армии: **«Вооруженная борьба против них** [большевиков] **всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело все время не в них, но в той стихии русского безудержа. [...] Историческая задача России [...] в годы 1918—1921 заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с разнузданностью нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки»**[7]**.** Так же думали и некоторые другие русские мыслители-эмигранты, в частности Семен Франк[8].

Степун рассматривал большевизм как неотвратимое зло, что вызывало возмущение многих его товарищей по изгнанию, для которых каждый компромисс с советским режимом был предательством антибольшевистских идеалов. При этом критики Степуна не замечали, что принятие Степуном новой российской реальности было лишь внешним. Признание большевизма из внутреннего убеждения было для него неприемлемо. Степун считал, что в настоящее время с политической точки зрения было бы

[6] Там же. Р. 414—418; см. также: Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967; Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924; Федотов Г. Лицо России. Сборник статей. (1917—1931). Париж, 1931.

[7] Степун Ф. А. Мысли о России // Современные записки. 1923. № 14. С. 397.

[8] Франк С. Биография П. Б. Струве. Париж, 1956. С. 126.

легитимно принять, хотя бы временно, большевистское государство, так как политика — это «искусство возможного». Однако с этической точки зрения, это принятие реальности совершенно неприемлемо, потому что в области нравственности нужно стремиться к невозможному[9].

Степун четко отделял себя от возникшего в 1921 г. в русской эмиграции движения «смена вех» и остро критиковал его в своих статьях, так как эти бывшие радикальные противники большевизма теперь были готовы признать большевиков как победителей в гражданской войне не только внешне, но и «внутренне», из «благодарности» за восстановление территории большей части Российской империи. Тем самым, как полагали ведущие идеологи «сменовеховства», победили, по крайней мере, окольными путями, «белые идеи». Большевики начали свой политический путь как воинствующие противники Российской империи, сторонники ее тотальной дезинтеграции. В итоге же они стали ее восстановителями и спасителями, считали сменовеховцы. Хотя большевистское государство внешне «красное» — интернационалистское и революционное, внутри оно «белое» — патриотическое и национальное, добавляли они. Николай Устрялов, видный представитель «сменовеховского» движения, писал в феврале 1920 г.: «Как это, быть может, ни парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма […] Первое и главное — собирание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится. И если приходится с грустью констатировать крушение политических путей, по которым мы до сих пор шли, то великое утешение наше в том, что заветная наша цель — объединение, возрождение родины, ее мощь в области международной — все-таки осуществляется и фатально осуществится»[10].

Аргументы такого рода Степун не принимал, хотя и сожалел по поводу частичного распада Российской империи после 1917 г.[11]. Несмотря на это, он никоим образом не был готов «внутренне» признать советский режим вследствие его «имперских достижений». Тот факт, что большевики были жестокими разрушителями свободного общества, возникшего в России после

[9] Stepun F. Das bolschewistische Rußland. P. 525.

[10] Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 5–6.

[11] См. Stepun F. Das bolschewistische Rußland. P. 413–414.

свержения царизма, значил для него слишком много. Но Степун не принимал большевиков не только потому, что они разрушили русскую демократию, но и потому, что в его глазах они являлись олицетворением «предельного упрощения». В этой связи Степун цитирует основоположника русской социал-демократии Георгия Плеханова, который в 1917 г. сказал, что Ленин «может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант — невероятный дар упрощения»[12]. Это определение Плеханова, скорее всего, вытекает из определения знаменитого швейцарского историка Якова Буркхардта.

Степуну было ясно, что большевистской системе, как и любому тоталитарному режиму, никоим образом не было достаточно лишь внешней лояльности поданных. Целью большевиков была полная идентификация всех слоев подвластного им населения с идеологическими постулатами режима, т. е. внутреннее принятие существующего состояния. Высылка в 1922 г. ведущих российских мыслителей из своей страны подчеркнула тот факт, что большевистское правительство считало идеологическое перевоспитание этих своевольных личностей не имеющим шансов на успех[13].

Следующие очерки цикла «Мысли о России»[14], опубликованные в журнале «Хохланд» под заглавием «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России»[15] между 1924 и 1926 гг., были посвящены радикальной критике демократических идей, столь распространенной среди образованного класса как в России, так и в эмиграции после 1917 г. Степун не считал молодую и непрочную русскую демократию, которая была не в состоянии защититься от натиска ее врагов-большевиков, важнейшей, чуть ли не единственной причиной русской катастрофы октября 1917 г.

При этом Степун подчеркивал, что среди наиболее непримиримых критиков демократического эксперимента в стране были те, кто в свое время полностью одобрял новый строй, установленный в феврале 1917 г., кто никоим образом не был готов

[12] *Stepun F.* Das bolschewistische Rußland. P. 538.

[13] Там же. P. 527.

[14] Hochland № 22, Band 1, Oktober 1924—März 1925. P. 389—403, 557—571.

[15] Hochland № 23. Band 1, Oktober 1925—März 1926. P. 412—434.

поддержать прогнившее здание российской монархии: «в те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами», писал он[16].

Теперь же многие из них отвернулись от прежних идеалов, устыдились своей прежней якобы наивности: «Багровый гнев, которым пылают их щеки, когда они говорят о пресловутом “феврале”, чаще всего ни что иное, как краска стыда воспоминаний о своем непростительном революционном восторге, сентиментальные, глупые надежды на то, что все помирятся и будут счастливы. […] Они ожидали, что революция сделает людей свободными, и поэтому не могут ей простить, что она как дикий зверь набросилась на своих освободителей»[17].

Описанная Степуном «переоценка ценностей» в лагере бывших российских демократов и либералов на самом деле представляла собой широко распространенное явление. Показательна в этом плане позиция влиятельного публициста и политика Петра Струве. В опубликованной в 1922 г. в эмиграции статье он не нашел никаких качественных различий между демократической фазой русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и ее тоталитарной фазой, начавшейся после большевистского переворота: «Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс […]. Реально, вся революция как народное движение рождалась и родилась из духа большевизма. Большевизм выражает русскую революцию»[18].

Отождествление демократического и тоталитарного этапов русского переворота 1917 г. размывало все различия между ними. Февральская революция стала кульминацией начавшейся, главным образом, в 1825 г. (движение декабристов) борьбы русского общества против гнета всемогущего государства. Она завершила шедший с 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое, основанное на разделении властей и признании основных прав человека общество. Она уничтожила все сословные привилегии, гарантировала полную свободу религии и свободу слова, отменила неравноправие полов и ввела раньше, чем многие

[16] Stepun F. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 417.

[17] Stepun F. Das Problem der Demokratie in Rußland. P. 390, 393.

[18] Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. // Его же: Избранные сочинения. М., 1999. С. 319–330, цит. с. 320–323.

западные страны, избирательное право для женщин. Тот факт, что это торжество свободы было насильственно прервано в октябре 1917 г., был следствием многих ошибок и неиспользованных возможностей неопытной российской демократии, а также проявлением коварства ее врагов-большевиков и близорукости военного командования Германии, которое, поддерживая своих «классовых врагов» большевиков, стремилось положить конец войне на два фронта. Однако этот конец «первой» русской демократии не был предопределен заранее. Были и иные возможности разрешения существовавшего кризиса. Но это уже другой вопрос. Гораздо важнее в этой связи отметить, что большевистский этап русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывался на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный общественный строй в российской истории, просуществовавший столь недолго, был вытеснен самым несвободным[19].

Но вернемся к данному Степуном анализу поражения «первой» русской демократии. Как было сказано, Степун был готов признать значительную долю ответственности российских демократов за начавшуюся в октябре 1917 г. русскую трагедию: «Те русские демократы, которые […] не несут свой позор и свою вину в сердце, естественно, не имеют никакого морального права защищать правое дело демократии в России. […] Необходимо признать, что всему достигнутому и созданному революционной демократией при Временном правительстве почему-то не хватало подлинности и вескости, осознания ответственности, чувства значительности и важности происходящего»[20]. Однако Степун категорически отвергал распространенный тезис

[19] Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве была явно вызвана полученной и так и не преодоленной им травмой: поражением этой революции. С. Л. Франк, близкий друг Струве, сообщает в написанной им биографии Струве, сколь высоки были вначале ожидания Струве, связанные с Февральской революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами» (Франк С. Л. Биография П. В. Струве. С. 111–112). Можно предположить, что несправедливое и излишне строгое суждение Струве о характере Февральской революции явилось следствием завышенных надежд, которые он в свое время с ней связывал.

[20] Stepun F. Das Problem der Demokratie in Russland. P. 399; его же. Die Mission der Demokratie in Russland. P. 418.

о демократах как «единственных, кто виноват во всех ужасах современного состояния России». Тех, кто так рассуждал, он спрашивал «…а где они были, когда демократия совершала свои исторические ошибки?»[21].

Несмотря на свою готовность тщательно исследовать поведение русских демократов, Степун в очерке «Миссия демократии в России» высказывал несколько сомнительный тезис, касающийся поведения Временного правительства во время мятежа Верховного главнокомандующего Русской армии генерала Корнилова в августе 1917 г. Правительство призвало тогда большевиков создать единый фронт против «контрреволюционной опасности». Степун считал это обращение к большевикам «неизбежным»[22].

На самом же деле речь шла о капитальной ошибке русских демократов. Большевики после провалившейся попытки путча 3–5 июля 1917 г. находились в плачевном состоянии. Правительство распустило их вооруженные формирования и частично запретило их прессу. Скрываясь от суда по обвинению в государственной измене (сотрудничество с Германией), Ленин бежал из Петрограда и жил в укрытии на финской территории. Однако почти все ограничения правительства по отношению к большевикам были отменены во время Корниловского мятежа.

Действительно ли борьба против Корнилова требовала мобилизации всех левых сил России, включая таких воинственных антидемократов, как большевики? Провал путча показал, что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно противостоять опасности справа. Тем не менее, страх демократов перед контрреволюцией был настолько велик, что они существенно недооценили свои силы[23]. Не в последнюю очередь поэтому они вновь дали оружие в руки большевиков, разоруженных в июле 1917 г. Это было, явно, самым катастрофическим последствием мятежа Корнилова.

В последней части своего очерка «Миссия демократии в России» Степун рассматривает широко распространенные как на

[21] Stepun F. Die Mission der Demokratie. P. 424.

[22] Там же. P. 422.

[23] Николай Бердяев писал в сентябре 1917 г.: «Старая власть исключительно жила страхом революции: новая власть столь же исключительно живет страхом контрреволюции» (Бердяев Н. Собрание сочинений. Париж 1990, Т. 4, с. 160).

Востоке, так и на Западе стереотипные представления о недостатках демократического общественного порядка как такового. Вот некоторые из его аргументов: «Все утверждения, что демократия по своей сути чужда народу и безбожна, являются совершенно необоснованными. Сущность демократических взглядов основана на утверждении человеческой личности [...] [...Ложно] утверждение, что пафос демократии основан на защите количества и отрицании качества. Демократия, наделяя избирательным правом каждого отдельного гражданина, не отнимает и не убивает в нем ни одного из его личных качеств»[24]. Вывод Степуна гласит: «Я хорошо знаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии как национальную религиозную идею России. Но, может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным»[25].

Наряду с приверженностью демократии, Степун в своих статьях «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России» пишет о повседневной жизни большевистской России, выступая в качестве своего рода предшественника (*avant la lettre)* Джорджа Оруэлла. Согласно Степуну, сущностной чертой большевистского режима было переосмысление многих слов и понятий, которые в дототалитарной или нетоталитарной реальности имели противоположный смысл. Два с половиной десятилетия спустя Джордж Оруэлл назвал этот феномен «новоязом» („*newspeak*“). Степун пишет: «С первых дней [большевистского] господства все начинает разваливаться. Жизнь приобретает странный, призрачный характер. Требование мира проникает в армию в качестве предвестника гражданской войны. За братанием с врагом скрывается подстрекательство к убийству собственных офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью к ее применению [...]. Учредительное собрание созывают, чтобы разогнать его [...]. Без сомнения, что этот “стиль” власть имущих при полном отсутствии свободы слова и систематическом подавлении любого “общественного мнения” глубоко отразился на духовной структуре русской жизни и русском обществе. Из всех зол, причиненных России большевизмом, самым серьезным, без сомнения, является ее моральное разложение»[26].

[24] Stepun F. Die Mission der Demokratie. P. 429–430.

[25] Там же. P. 433.

[26] Stepun F. Das Problem der Demokratie. P. 563–564.

Следующая часть цикла «Мысли о России» появилась в журнале «Хохланд» в 1926–1927 гг. под названием «Метафизический смысл революции и советская литература»[27]. В начале очерка Степун рассматривает «совершенно непереносимый» для него феномен, а именно немецкий «салонный большевизм»: «Без малейшего чувства боли за *свою* Европу, […] они (во мнении, что тем самым льстят нашему русскому национальному чувству) расхваливают поэзию большевистской России с ее пророческим хаосом (в стиле Достоевского) и ее живописно-кровавой зрелищностью (в стиле, не уступающем Шекспиру). […] С наивной, снисходительной улыбкой людей, которые ничего на себе не испытали, они говорят, что революции не делаются в белых перчатках, что дух и кровь всегда связаны друг с другом»[28].

Когда Степун пытался поставить под вопрос это любование русской катастрофой, ему довелось услышать от одного из своих собеседников, что «все [русские] эмигранты за деревьями не видят леса, что европейцы, задыхающиеся от затхлости Западной Европы, могут понять всемирное значение большевистской России лучше, чем сами русские»[29].

Разумеется, Степун не отрицал эпохального значения русской революции; вопреки всему сказанному, он даже отмечал ее позитивные аспекты, которые, однако, в корне отличались от представлений „салонных большевиков“, причем не только в Германии. С точки зрения Степуна, к числу важнейших последствий „русского апокалипсиса“ принадлежал тот факт, что в нем открывался глубокий смысл некоторых явлений: «Общая неопределенность будущего в те дни придавало всему стилю и духу времени суровую серьезность. В свете этой серьезности все привычные давно лишенные смысла вещи вновь обретали свой вечный смысл. Ломоть черного хлеба, который вся Россия берегла как просфору, чтобы ни одной крошки не пропало, вновь для всех означал жизнь, кровом стала квартира, […] очагом – печь, спасавшая от голода и холода. […] Мы ясно знали, кто […] герой, а кто – трус. […] Все поднялось, приобрело

[27] Hochland 24, Band 2, 1926–1927. P. 34–45, 187–198.

[28] Stepun F. Der metaphysische Sinn. P. 35.

[29] Там же.

истинное лицо и истинный смысл. Невероятно быстро в жизни исчезли фиктивные перегородки»[30].

Во второй части очерка Степун рассматривает чрезвычайно интересное с его точки зрения явление, недооцененное, как он полагает, большинством русской эмиграции, а именно — современную ему советскую литературу. Степун подчеркивает, что наиболее талантливые советские писатели, такие как Борис Пильняк, Леонид Леонов или Исаак Бабель, полностью игнорируют господствующую в Советском Союзе идеологию и пишут по своему собственному усмотрению: «Каждым более-менее талантливым словом [...] советская литература неустанно повторяет, что между Россией и большевистским коммунизмом идет борьба не на жизнь а на смерть; что все, что коммунисты пытаются навязать жизни в качестве ее нового смысла, отвергается самой жизнью, превращаясь в нелепость и бессмыслицу. [... Все] это красноречиво свидетельствует, что советская литература — не есть продукт, произведенный в идеологических лабораториях коммунизма, она является его противоположностью, разоблачает его»[31].

Почему же тогда советские литературные чиновники терпят эту литературу, которая практически не учитывает идеологических предпосылок режима? Согласно Степуну, все это имеет очень простое и в то же время глубокое объяснение: «если своих товаров нет, а торговать нужно, то приходится торговать чужими (товарами), которые выдаются за свои»[32].

К этому следует, однако, добавить, что единолично правящая партия, которая полностью контролировала все рычаги власти в государстве, не была готова слишком долго терпеть это литературное или художественное отклонение от своей генеральной линии в сфере идеологии.

Вследствие начавшейся в 1929 г. сталинской двойной революции сверху (коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализации страны) были устранены не только свобода хозяйственной деятельности, но и свобода художественного творчества любого рода. С этого времени не только литература и искусство, но и гуманитарные, социальные, а также

[30] Там же. P. 41–42.

[31] Там же. P. 190, 192.

[32] Там же. P. 194–195.

естественно-научные дисциплины, прежде всего служили достижению одной цели – прославлению Сталина и созданной им системы. Как это ни парадоксально, литературное направление, выдававшее тогдашний режим террора за рай на земле, получило название не «сталинский фикционализм», а «социалистический реализм». Это учрежденное на первом съезде советских писателей в 1934 г. направление в литературе, имевшее свой аналог в искусстве, представляло собой эквивалент генеральной линии партии. Отклонения от нее карались очень строго, вплоть до смерти.

Но вернемся к Степуну. Наряду со многими глубоко впечатляющими положениями, его трактат содержит и пассажи, которые выглядят менее убедительными. Речь идет об огульной критике Степуном русской эмиграции. Он пишет, что многие эмигранты в воспоминаниях с наслаждением предаются прославлению старой России. Это приводит к тому, что они «отрекаются от подлинной России». Аналогично, с точки зрения Степуна, действуют и большевики, которые во имя «мертворожденной мечты о будущем» потеряли из поля зрения «настоящую Россию»[33]. Это общее обвинение, выдвигаемое Степуном в отношении большинства эмигрантов, было, конечно же, неоправданно. В русской эмиграции существовали довольно многочисленные группы и авторы, которые весьма критически относились к прошлому своей страны.

Сотрудничество Степуна с журналом «Хохланд» было на много лет прервано после публикации его статьи «Метафизический смысл революции». Так, биограф Степуна Христиан Хуфен отмечает, что написанный в 1930 г. на немецком языке трактат Степуна «Советофилия», который изначально предназначался для журнала «Хохланд», так и не был напечатан в этом журнале[34]. Лишь после «захвата власти» в Германии нацистами Степун вновь стал регулярно публиковать свои тексты в журнале «Хохланд». До этого публицистическая деятельность Степуна была прежде всего сосредоточена в основанном им в 1931 г. вместе с историком Георгием Федотовым и публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским эмигрантском журнале «Новый Град».

[33] Там же. P. 198.

[34] Hufen C. Fedor Stepun. P. 315–316.

ФЕДОР СТЕПУН И ОСНОВАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ ГРАД»

Несколько слов о характере эпохи, в которой был создан журнал «Новый Град». «Золотые» двадцатые годы, которые принесли в европейский послевоенный миропорядок временную передышку и замедлили торжество левого и правого тоталитаризмов, внезапно закончились в октябре 1929 г. с крахом Нью-Йоркской биржи. Неожиданная победа НСДАП на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. и начавшаяся в 1929–1930 гг. сталинская революция сверху, которой удалось почти полностью экспроприировать советское крестьянство, придали тоталитарной опасности, угрожавшей старому континенту, совершенно новое измерение. Победы Гитлера и Сталина сопровождались беспрецедентным кризисом идентичности во все еще остававшейся свободной западной части европейского континента, который в противостоянии с более агрессивным тоталитаризмом сдавал свои позиции одну за другой. В этой ситуации в Париже начал издаваться русский эмигрантский журнал «Новый Град»[35].

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского религиозно-философского ренессанса начала 20 века, который олицетворял собой сборник «Вехи». Некоторые авторы «Вех» были также и авторами «Нового Града», например, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала имели Георгий Федотов и Федор Степун.

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнала, «Новый Град» однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редак-

[35] Сравни: Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Auerbach, I., Hillgruber, A. Schramm, G. (Hrsg.): Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert. Freiburg, 1985. P. 255–265; Мень Александр. Возвращение к истокам // www.vehi.net/men/fedotov2html; Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967. С. I–XXXIV; Степун Ф. Г. П. Федотов // Сочинения. Москва, 2000. С. 747–761. Hufen C. Op. cit. P. 385–410; „Современные записки“. Париж, 1920–1940. Из архива редакции. Hrsg. v. Korostelov Oleg, Schruba Manfred. Paris, 2011. Band 1. P. 60, 85, 89, 93, 411, 615, 625.

торов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому «новоградцы» объявили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным врагам свободы. Однако они также резко критиковали и европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился «Новый Град».

«Новоградцы» обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мировоззрения, но и защищающую это равнодушие как свое *миросозерцательное кредо*», – пишет Степун. «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная демократия ощущает как защиту *идеи свободы*. Эта терминология не точна», – продолжает Степун. «*Идея свободы* (идея в платоновском, метафизическом смысле слова) в отрыве от истины, не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*»[36].

В своих вышедших после Второй мировой войны заметках к кредо «Нового Града» Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устроение жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы, мы, люди XX века, подошли совсем близко»[37].

Общественный строй «Нового Града» должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это делают традиционные церкви[38].

[36] Степун. Сочинения. С. 356.

[37] Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

[38] Федотов, Георгий: Россия, Европа и мы. Сборник статей. Париж, 1973. С. 135–141.

ГРУППА «НОВЫЙ ГРАД» И КРИЗИС ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, многие западные наблюдатели связывали с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен был заменить царскую монархию.

Авторы «Нового Града» были, в свою очередь, удивлены неспособностью западноевропейских демократий дать отпор своим тоталитарным противникам — это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. «Новоградцы» подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-х годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов — не в последнюю очередь социал-демократов, — которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 г.: «Она (социал-демократия) пала так же бесславно, как монархия Николая II», — писал Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась». «Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели»[39].

Поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в собственную победу».

Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим Центром, — добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органической» эпохи по примеру европейского средневековья: «(Победа) национал-соци-

[39] Степун. Сочинения. С. 482; Степун не учитывает здесь, однако, того факта, что СДПГ была единственной партией в Рейхстаге, которая голосовала 23 марта 1933 против «Закона о полномочиях», при помощи которого нацистское правительство превратило Рейхстаг в марионетку режима.

ализма является … не шагом к новому средневековью, а прыжком в некоторое новое варварство»[40].

Георгий Федотов, в свою очередь, считал крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, вышедшую в том же седьмом номере «Нового Града», в котором была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит». «Вот уже третье предостережение», — пишет Федотов. «Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает унести в пропасть еще уцелевший крайний запад континента. И там Федотов диагностировал слабоволие, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. Нигде нет ни плана конструктивной реформы… Такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»[41].

Год спустя, под впечатлением сокрушительного поражения Веймарской демократии, Степун, в опубликованной в «Новом Граде» статье «Идея России и формы ее раскрытия», размышлял о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии… Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*»[42].

РАЗНОГЛАСИЯ СТЕПУНА С ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ И НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

После прихода Гитлера к власти Степуна, убежденного демократа, публиковали лишь немногие немецкоязычные издания.

[40] Там же. С. 486.

[41] Федотов, Георгий. Тяжба о России (статьи 1933—1936 гг.). Париж, 1982. С. 103, 113.

[42] Степун. Сочинения. С. 501. В журнале «Хохланд», между прочим, не раз обсуждалась программа «Нового Града». См., например, Höntsch, Fred: Fedor Stepun — ein Mittler zwischen Rußland und Europa // Hochland 34. Band 2, April-September 1937. P. 189—200.

Лишь там он имел возможность публично выражать, хотя и между строк, свои политические взгляды. Среди этих исключений был и журнал «Хохланд» — один из последних бастионов «полусвободного слова» в Третьем рейхе. Сотрудничество между журналом и русским философом, прерванное в конце 1920-х годов, было возобновлено. О характере журнала и о его роли в нацистском государстве Степун писал 31 июля 1934 г. в письме главному редактору журнала Фридриху Фуксу: «Вообще я должен сказать, что “Хохланд” сегодня это самый яркий, интересный и значительный журнал. Надеюсь, и в дальнейшем вы удержитесь на том же уровне»[43].

Статьи, которые Степун с 1933 г. публиковал в журнале «Хохланд», были посвящены исключительно русской тематике. Однако нередко они содержали намеки на тогдашние порядки в Германии. Например, в 1933 году в «Хохланд» после многолетнего перерыва была опубликована статья Степуна, посвященная русскому философу-культурологу и поэту Вячеславу Иванову. Иванов, который, как и Степун, после большевистского переворота вынужден был покинуть Россию, принадлежал к ведущим представителям русского религиозно-философского ренессанса начала XX в., в значительной мере определявшим тогдашний интеллектуальный климат страны. Анализируя мировоззрение Иванова, Степун не только указывает на то, как сильно его мировоззрение находилось под влиянием Фридриха Ницше, но и подчеркивает существенные отличия, существующие между обоими мыслителями. Иванов создал символическое видение художника, который «не занимается воспитанием … мира, и не пытается переоценить все ценности […] мира и навязать ему свою собственную жесткую “волю к власти”»[44]. Степун определяет позицию Иванова как «религиозный символизм», а точку зрения Ницше — как «идеалистический символизм». Религиозному символизму свойственна «устремленность к объективной истине, идеалистическому — к субъективной свободе, религиозному — самопреодоление, идеалистическому — самоутверждение»[45]. Не подлежит сомнению, что Степун, критикуя ницшеанскую «Волю к власти» и пропагандируемое ницшеанством сокрушение

[43] Цит. по: Hufen C. Fedor Stepun. P. 447.

[44] Stepun Fedor. Wjatscheslaw Iwanow. Eine Porträtstudie // Hochland 31, Band 1, Oktober 1933—März 1934. S. 351—361. цит. P. 354.

[45] Там же. P. 355.

старых ценностей, имел в виду критику тогдашних немецких порядков. Его намерения становятся еще яснее в пассажах, в которых он анализирует представление Иванова о народе. «Иванов трактует понятие народа не как политическое, а исключительно как религиозное. Народ возникает и созревает не в борьбе за свое место под солнцем, но в борьбе за исполнение долга перед Богом. *Индивидуальность* народа [...] есть единственность и неповторимость его духовной и физической ситуации при выполнении этого долга. Национализм, напротив, это национальный эгоизм и, следовательно, предательство гармонии каждой нации; в перспективе — ее смертельная болезнь»[46].

Также и написанный им в 1937 году некролог поэту и писателю Андрею Белому Степун использует для косвенного сведения счетов с нацистским режимом и его идеологией. В данном случае он имел в виду пропагандируемое нацистскими идеологами вытеснение человеческой индивидуальности коллективом: «Тема своего всезавершающего творения [...] намечалась Белым [...] как катастрофа культуры, катастрофа сознания, смерть личности, прорастание личности коллективным “Я”. [...] Катастрофа индивидуалистической культуры, гибель гуманистической личности [...] и рождение нового коллектива — все это пережито, теоретически осознано и художественно воссоздано Белым с единственной глубиной и силой»[47].

Вопреки своему неприятию нацистской системы и лежащей в ее основе идеологии Степун пытался внешне договориться с ней — аналогично «внешней лояльности» в отношении Советской России, сочетавшейся с «внутренним» отклонением любых компромиссов в отношении новых власть имущих. 11 ноября 1934 г. Степун, с 1926 г. преподававший социологию в Дрезденской высшей технической школе[48], как и многие другие преподаватели немецких вузов, принял присягу Гитлеру. Филолог Виктор Клемперер, который с 1935 г. из-за своего еврейского происхождения был лишен права преподавания в Дрездене, так описывал эту церемонию: «[Она] была холодна, в высшей степе-

[46] Там же. P. 358.

[47] Stepun Fedor. Dem Andenken Andrej Belyjs // Hochland, 34. Band 2, April–September 1937. P. 200–215. цит. P. 214.

[48] Сравни: Hufen Christian. Russe als Beruf // Fedor Stepun: Russische Demokratie als Projekt. Schriften im Exil 1924–1936. Hrsg. v. Christian Hufen. Berlin 2004. P. 269–290. цит. P. 274–278, 287.

ни формальна и длилась не более двух минут. Повторяли хором за ректором, который пробубнил: “Вы клянетесь в вечной верности, я обязан обратить ваше внимание на святость клятвы […] Завершаю трехкратным “Зиг Хайль”. Ректор прокричал “Зиг” — хор прорычал “Хайль”. […] Среди присягавших были Янентцки, Кюн, Степун. […Они] такие же национал-социалисты, как и я»[49].

Новая попытка Степуна прийти к соглашению с тоталитарным режимом, так же, как и первая такая попытка в Советской России, полностью провалилась. Условная лояльность Степуна не устраивала ни большевистский, ни нацистский режимы. Тоталитарные режимы требуют от своих подданных безусловного подчинения, неограниченной идентификации с господствующими идеологическими догмами. Те, кто не готов пойти на это, подвергаются разного рода репрессиям. В случае Степуна эти репрессии, учитывая возможности тоталитарных государств, были относительно мягкими. Большевики не бросили его в тюрьму, а выслали из страны. В Третьем рейхе он, как и другие критики режима, вполне мог бы оказаться в концлагере. Но этого не случилось. Ректор Дрезденской высшей технической школы Вильгельм Йост и гауляйтер Саксонии Мартин Мутшман в июне 1937 г. отдали распоряжение об отстранении Степуна от службы в вузе. Увольнение Степуна объяснялось тем, что профессор якобы распространял неверные представления о большевизме: «Степун видит в большевизме не проявление чужеродного разрушительного господства, навязанного русскому народу еврейством, а ложное направление поиска русской религиозности, явление отчасти и национально-русское». Наряду с этим, распоряжение об увольнении содержало следующий пассаж: «Степун […] не предпринимал никаких серьезных усилий, чтобы изменить в положительную сторону отношение к национал-социализму. Степун в своих лекциях отвергает взгляды национал-социализма, в особенности в отношении всеобъемлющих притязаний нацистской идеи и важности расового вопроса, а также в отношении еврейского вопроса»[50].

Вопреки запрету на профессию, Степун продолжал писать о национал-социализме; он делал это прежде всего в русской эмигрантской прессе. В 1938 г. в журнале «Новый Град» была

[49] Klemperer Viktor. Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin, 1995. P. 163.

[50] Цит. по: Hufen C. Fedor Stepun. P. 494–495.

опубликовала его статья «О свободе», в которой Степун писал: «Неприемлемость фашизма заключается [...] в его ненависти к свободе, как к духовной первоприроде человека, в его абсолютном равнодушии к качественной единственности всякой человеческой личности, в его стремлении превратить людей в кирпичи, в строительный материал государственно-партийного зодчества. Самая страшная ложь фашизма – это идея конформизма, идея стандартизированного индивида, исповедующего государством предписанное миросозерцание и творящего государством задуманную культуру»[51]. Эту радикальную критику национал-социализма Степун подписал своим именем.

Несмотря на запрет на профессию, Степуну удалось опубликовать в журнале «Хохланд» некоторые статьи, содержавшие критические высказывания в адрес режима. В номере, датированном октябрем 1938 – мартом 1939 гг. в статье «Церковь самоубийц» Степун рассматривает роман Достоевского «Бесы», практически предвосхитивший события русской революции 1917 г. или тоталитарные перевороты XX в.[52]. Многие герои романа высказывают, как известно, разного рода утопические проекты спасения России и всего человечества. Некоторые из них Степун анализирует. Прежде всего он рассматривает характерное для некоторых героев романа самодовольство и презрение к так называемому „среднему человеку“, который слишком ленив, чтобы пользоваться своей свободой, и слишком труслив, чтобы защитить ее: «Масса не может быть и потому никогда не бывает субъектом революции, но всегда лишь – объектом воздействия профессиональных революционеров. Покорности масс лучше всего достичь, не просвещая ее учением и наукой, но в то же время возбуждая ее агитацией»[53]. Степун указывает на то, что Достоевский с показной претензией своих героев на роль «сверхчеловеков» квази предвидел появление «сверхчеловека» Ницше. «Сверхчеловек» Ницше также пытался преодолеть человеческое начало в человеке и представлял себя богоподобным существом. Степун напоминает ставшее знаменитым пророчество

[51] Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 548.

[52] Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland 36. Band 1, Oktober 1938–März 1939. P. 472–488; см. об этом: Berdiajew Nikolaj. Psychologie der russischen Gottlosigkeit // Hochland 29. Band 2, April 1932 – September 1932. Band 2. P. 193–204. цит. P. 196.

[53] Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder. P. 473.

Достоевского, который устами одного из своих героев (Шигалева) утверждает, что социализм начинается с провозглашения полной свободы, а приходит к неограниченному деспотизму. Но герои Достоевского были подвержены не только социалистическому, но и националистическому искушению. Один из героев романа (Шатов) формулирует свое вероучение: «Я верую в Россию, я верую в ее православие [...] Я верую, что новое пришествие Христа совершится в России». Степун так комментирует мировоззрение Шатова: Шатов верует в православие и в Тело Христово, хотя еще не верует в Бога, а лишь надеется, что со временем поверит в Него. Но что значит вера в народ-богоносец без веры в Бога?[54].

Без сомнения, Степун, показывая экстремистские искушения героев Достоевского, имел в виду не только Россию. Это было ясно читателям Степуна, которые, конечно же, владели искусством чтения между строк.

Последняя статья, опубликованная Степуном в журнале «Хохланд» во время нацизма, вышла в свет сразу же после начала Второй мировой войны, в номере за 1939–1940 гг. В ней Степун вспоминал свое детство. Текст представлял собой объяснение в любви к России и к ее культуре. В то же время автор решительно осуждал «немецкие добродетели», воплощением которых был его дед («где воля, там и путь») и презрение деда к России. Степун подчеркивал, что без памяти о России и православных праздниках, пережитых им на родине, «он был бы сегодня не в силах с верой в сердце смотреть в будущее»[55]. Факт, что Степун смог опубликовать свое «объяснение в любви» к России в журнале, издававшемся в нацистской Германии, был очевидно связан с тем, что в то время нацистское руководство в связи с пактом Гитлера-Сталина от августа 1939 г. временно прекратило свои пропагандистские нападки на Россию и большевизм. Не в последнюю очередь поэтому Степун в своей статье смог даже упомянуть, что во время Первой мировой войны он как русский офицер сражался против Германии[56].

[54] Там же. P. 487.

[55] Stepun Fedor. Aus meiner Kindheit. Erinnerungen // Hochland 37, Oktober 1939 – September 1940. S. 446–454, цит. P. 454.

[56] Там же.

МЮНХЕНСКИЕ ГОДЫ (ПРИЛОЖЕНИЕ)

Во время страшной бомбардировки Дрездена 13–14 февраля 1945 г. был разрушен дом Степуна вместе с библиотекой. Однако в это время Степун с женой находились в Южной Баварии. О возвращении в Дрезден теперь не могло быть и речи, причем не только потому, что дома больше не было. Не менее весомой причиной было то, что Степун не хотел попасть в руки наступающей Красной Армии: его антибольшевистская позиция была хорошо известна советским властям. Если бы Степун не попал под опеку западных союзников, он, скорее всего, как и многие известные политически активные эмигранты (Лев Карсавин, Петр Савицкий и другие), оказался бы в ГУЛАГе. Несмотря на то, что нацистские власти в 1937 г. принудили Степуна к молчанию, его заслуги посредника между немецкой и русской культурами не были забыты в Германии. Не в последнюю очередь поэтому, в октябре 1946 г. он получил предложение министерства культов Баварии принять должность профессора русской духовной истории Мюнхенского университета. Так Степун, почти через 10 лет после того, как нацистский режим лишил его права преподавания, смог продолжить свою педагогическую деятельность в немецком университете[57].

Степуну снова удалось, как и в свое время в Дрездене, передать студентам свое восхищение русской культурой и в то же время познакомить их с трагедией русской истории, особенно XX в. Один из его студентов, мюнхенский писатель Фридрих Хитцер, вспоминал: «Те, кто знаком лишь с книгами Федора Степуна, в лучшем случае могут догадываться о жизненной силе их автора. Его творчество предполагает огромное духовное богатство […] Но письменный язык был лишь частичным отражением живой речи Степуна. Писатель никогда не мог полностью заменить в нем оратора»[58]. Другой бывший ученик Степуна, Виктор Фишман, добавлял: «В университете Степун обращался […] к молодежи, к будущей новой Германии, которая его

[57] См. Хуфен К. Мюнхенская свобода: эксперт по России Федор Степун в период Холодной войны/ Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2016–2017 под ред. М. Колерова. С. 736–737.

[58] Hitzer Friedrich. Mein Lehrer Fedor Stepun // Russische Spuren in Bayern. Portraits, Geschichte, Erinnerungen. München 1997. P. 165–174, цит. P. 170.

действительно вдохновляла»[59]. Степун в своих письмах не без гордости отмечает положительный отклик своих немецких слушателей: «Своею жизнью и деятельностью здесь я все же очень доволен», — пишет он 16 октября 1948 г. архимандриту Иоанну Шаховскому. «Не думаю, что в каком-нибудь другом месте я мог бы жить духовно столь же живой и питательной жизнью, как живу здесь. Как-никак, я уже с двадцать третьего года в Германии, и если она и не стала мне второй матерью (второй матери быть не может), то все же какой-то весьма близкой родственницей, которая, кажется, довольно искренно полюбила меня […]. Интерес к России здесь, несмотря на отвращение от большевиков, слава Богу, не ослабевает»[60].

В письме коллеге и другу Дмитрию Чижевскому от 9 августа 1951 г. Степун добавляет: «Мне тут живется очень хорошо, если бы не годы, то есть не сознание своей приближающейся старости, то я сказал бы, так хорошо, как мне еще никогда не жилось: аудитория интересна и все еще достаточно многочисленна (около 200 человек). […] Моя автобиография распространяется по нынешним временам достаточно быстро: первый том вышел уже вторым изданием. Печататься можно в любом количестве и в Германии, и в Швейцарии. …все более открываются возможности поездок и в Швейцарию, где я раза 2—3 в год читаю, и в Париж, и в Рим»[61].

Почти эйфорическое настроение Степуна омрачала боязнь новой войны и советской экспансии, направленной на Запад. Не в последнюю очередь по этой причине Степун в первые послевоенные годы собирался переселиться в США, однако не занимался этим вопросом слишком интенсивно.

В отношении «второй» немецкой демократии Степун испытывал определенный скепсис. И в послевоенное время он оставался верен своим взглядам, сформулированным в начале 1930-х годов в журнале «Новый Град». Так, он полагал, что демократия может быть устойчивой только тогда, когда она стремится к «истине», а не воздает дань релятивизму или эклектике. Главную

[59] Fishman Viktor. Fedor Stepun — Drama in vier Akten // Там же. P. 175—182, цит. P. 178.

[60] Федор Степун. Письма. М., 2013. С. 433. См. также Хуфен, Мюнхенская свобода.

[61] Там же. С. 395—396.

причину гибели учрежденной в феврале 1917 г. „первой“ русской демократии, как и причину краха Веймарской Республики, Степун в первую очередь видел в том, что их идеал свободы не был христианским, что они оторвались от христианских корней. Поэтому они оказались беззащитными перед своими идеократически настроенными тоталитарными противниками.

Как и в начале 1930-х годов, в послевоенной Германии Степун продолжал быть сторонником христианской социальной демократии, не приемлющей ни любого рода тоталитаризм, ни либеральный релятивизм. С точки зрения Степуна, современная западноевропейская демократия в недостаточной мере соответствовала этим постулатам. В своей последней статье 1965 г. «Нация и национализм» он пишет: «Нынешняя Европа своих корней не помнит и все более и более пытается цвести срезанными с этих корней цветами: свободой без связи с истиной («Познайте истину, и истина сделает вас свободными»), личностью, отрицающей свое богоподобие (Бог создал человека по образу и подобию Своему), и правом, давно забывшим как правду-истину, так и правду-справедливость…»[62]. Нельзя избавиться от впечатления, что Степун в данном случае слишком несправедлив в отношении тогдашней западноевропейской или же немецкой демократии: определенные уроки из цивилизационной катастрофы 1933–1945 гг. она все же вынесла. Особенно четко это заметно на примере Основного закона ФРГ, на котором основана „вторая“ немецкая демократия; он не имел релятивистский характер, на который столь часто жаловался Степун, и содержал ряд контрольных механизмов, позволявших Боннской республике, в отличие от Веймарской, противостоять своим радикальным врагам. Что касается требуемого Степуном социального характера демократии, то социально-рыночная экономика ФРГ по многим пунктам вполне соответствовала этому постулату.

Однако после 1945 г. немецкая тематика не входила в круг главных интересов Степуна как ученого и публициста. Его внимание прежде всего привлекала новейшая история России, в частности расцвет русской культуры в годы заката Петербургской империи и ее дальнейшая трагическая судьба вследствие большевистской революции. Этим двум эпохам были посвящены его воспоминания «Бывшее и несбывшееся», опубликованные

[62] Степун. Сочинения. С. 942.

в 1947–1950 гг. и дополнительно способствовавшие его популярности в Германии[63]. Нередко воспоминания Степуна сравнивали с мемуарами его великого предшественника Александра Герцена (1812–1870), также написанными в эмиграции.

Но не только прошлое России, но и ее настоящее и будущее постоянно занимали Степуна в мюнхенский период его жизни. В последней части мемуаров философ пишет о главной задаче русской эмиграции: «Хотя мы только то и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали. Бесспорно, старые эмигранты лучше знают историю революции и настоящее положение России, чем иностранцы. Но, зная прекрасно политическую систему большевизма и ее хозяйственное устройство, ее громадные технические достижения и ее непереносимые нравственные ужасы, ее литературу и науку, ее церковь, мы всего этого, по-настоящему, все же не чувствуем; зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас все ясно, а перед глазами мрак»[64].

Вопреки всему, Степун не оставлял попыток разгадать загадку по имени «Россия» или «Советское государство» и предсказать будущее развитие страны. Установление в России после возможного преодоления большевизма либерально-демократической системы западного типа Степун считал наименее вероятным. «(Не) может теперь восторжествовать то, что было разбито, – сказал он в октябре 1964 г. в докладе на конференции русской эмигрантской организации НТС. – А западноевропейская демократия была разбита в лице Временного правительства. И трудно представить, что то, что было разбито, снова восторжествует. А, кроме того, я этого вовсе не желаю»[65].

Суждения Степуна в отношении Временного правительства заметно изменились по сравнению с его прежней позицией межвоенных времен. Тогда он неоднократно говорил не только об

[63] Stepun Fedor. Vergangenes und Unvergängliches. Band 1–3. München, 1947–1950; Сокращенное русское издание мемуаров под названием «Бывшее и несбывшееся» появилось в 1956 г. в Нью-Йорке. См. об этом также: Хуфен Христиан. Степун в Мюнхене. Выступление в Москве 14 мая 2014 г. // Вопросы философии. 10/2105. С. 87–93.

[64] Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 2. С. 429.

[65] Федор Степун. Письма. С. 305–306.

ошибках неопытной и сотрясаемой кризисами русской демократии, но и о ее заслугах. В 1931 г., споря с немецко-русским публицистом Вальдемаром Гурианом, он писал: «Временное правительство потерпело крах. Но не потому, что оно состояло из безвольных простаков, а потому, что оно пыталось без применения массового террора обуздать инстинкты революционной массы»[66].

В докладе от октября 1964 г., который мы упоминали, а также в книге, изданной в 1962 г. под названием «Большевизм и христианское существование», и в ряде других работ Степун выступает как сторонник будущей демократии в России, которая, в отличие от (не всегда справедливо) критикуемой им западной демократии, будет глубоко укоренена в христианстве, будет служить вечным духовным, а не сиюминутным ценностям[67].

Большую озабоченность Степуна вызывало не только политическое, но и территориальное будущее России. Его очень огорчал тот факт, что нерусские эмигранты из бывшей Российской империи все больше отворачивались от своих русских коллег и мыслили прежде всего национальными категориями. В особенности он сожалел по поводу русско-украинской вражды. Об этом он писал, например, в 1956 г. в письме своему коллеге Дмитрию Чижевскому[68], который, несмотря на свое украинское происхождение, безоговорочно принадлежал русской культуре.

Степун не разделял высказанное в 1947 г. мнение Георгия Федотова, что Россия должна избавиться от своего имперского бремени и вместо этого полностью сосредоточиться на построении открытого и справедливого общества[69]. В то же время, Степун не одобрял чрезмерную гегемонию русских в Российской империи и выступал за аутентичную федеративную структуру российской государственности[70]. Но полный отказ от империи, как

[66] Stepun Fedor. Demokratie als Projekt. Schriften vom Exil 1924–1936. Hrsg. v. Christian Hufen. Berlin, 2004. P. 173, 281.

[67] Степун. Письма. С. 306–307; 642–643; Степун. Сочинения. С. 557–564, 757–758, 939–940.

[68] Степун. Письма. С. 406.

[69] Степун. Сочинения. С. 760–761. См. также Федотов Г. Судьба империй / его же. Новый Град. Сборник статей. Нью-Йорк 1952. С. 171–199.

[70] Там же. С. 940.

это понимал Федотов, был для Степуна неприемлем. Парадоксальным образом Степун объединял в себе скептическое отношение к свойственному представителям национальных меньшинств Российской империи мышлению в чисто национальных категориях и критику постнационального мировоззрения, свойственного духу времени, который захватил Западную Европу после 1945 г. Степун полностью отвергал чрезмерный национализм, который оказал катастрофическое влияние на развитие Европы первой половины XX в. Однако он не собирался отказываться от понятия «нация», которому европейская культура была многим обязана. Степун обвинил некоторых западных журналистов в склонности постоянно смешивать понятия «нация» и «национализм»[71].

Однако наибольших успехов в мюнхенский период своей жизни Степун достиг не политическими прогнозами, а трактатами, лекциями и докладами по истории русской культуры. Особое внимание он уделял легендарному «серебряному веку», или религиозно-философскому ренессансу русской культуры, который происходил в России накануне революции 1917 г.[72] Так как Степун сам принадлежал к последним представителям этой блестящей эпохи, он мог рассказывать о ней с особой наглядностью. Многие из ее главных героев в итоге стали его близкими друзьями или ожесточенными противниками.

Чем же привлекает «серебряный век»? В первую очередь, взрывом творческой энергии, новыми, неожиданными тенденциями развития, проявившимися в России в начале XX в. Так, например, традиционный русский спор между западниками и славянофилами и конфликт Восток-Запад как таковой потерял свою былую остроту. Невидимая, но глубоко укоренившаяся в сознании стена, разделявшая культуры Востока и Запада, стала проницаема. Александр Блок в 1908 г. писал о «варварской распре между славянофилами и западниками — распре исключительно русской и для европейца непонятной и неинтересной»[73]. Русская литература, музыка, живопись, философия, получив бесчисленные побудительные импульсы от Запада, начали, в свою очередь,

[71] Там же. С. 941.

[72] См. в особенности об этом: Stepun Fedor. Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjaew, Iwanow, Belyj, Blok. München, 1964.

[73] Блок Александр. Собрание сочинений. Т. 5, М.-Л., 1962. С. 332.

сами вдохновлять Запад. В 1903 г. Томас Манн говорил о «священной русской литературе»[74]. В «серебряный век» произошло не только примирение между Востоком и Западом, но и новое открытие Востока. Православие, которое определяло своеобразие русской культуры и которое русской интеллигенцией XIX в., за редким исключением, расценивалось как ненужный балласт, в «декадентском» Санкт-Петербурге засияло в новом свете. Происходивший религиозно-философский ренессанс показал, что своеобразие православия может гармонично сочетаться с ценностями западной культуры, что обе части христианского мира существенно взаимозависимы.

Тот факт, что «серебряный век» ушел со сцены истории не вследствие внутреннего истощения, а насильственным путем, увеличивал его притягательность в глазах последующих поколений. В высшей степени захватывающая история «серебряного века» не была досказана до конца, его творческий потенциал был реализован лишь частично. Отсюда следовала попытка, которая наблюдается в постсоветской России: подключиться к процессу, внезапно прерванному в 1917 г. Многочисленные представители «серебряного века» и религиозно-философского ренессанса, принудительную высылку которых историк культуры Владимир Вейдле назвал своего рода «изгнанием варягов»[75], теперь посмертно возвращались в Россию.

Степун, умерший за 26 лет до самороспуска СССР, предвидел это развитие. Особенно ясно прогностические способности Степуна видны на примере анализа им произведений Бориса Пастернака. Пастернак, как и Степун, был одним из последних представителей «серебряного века». Не в последнюю очередь поэтому советские чиновники от культуры обливали потоками грязи его критический в отношении революции роман «Доктор Живаго», герой которого представлялся им «существом с другой планеты». Несмотря на посмертное разоблачение Сталина на XX съезде КПСС, лица, формировавшие официальный образ советской культуры и после 1956 г. оставались верны провозглашенным в 1934 г. принципам «социалистического реализма». Упорное нежелание Пастернака следовать этой догме, факт, что

[74] Mann Thomas. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Frankfurt am Main, 1990. Band 8. P. 300.

[75] Вейдле В. Задача России. New York, 1956. С. 81.

он сохранял лояльность определявшей характер его творчества эстетике «серебряного века», вызывали постоянную неприязнь его критиков. Они утверждали, что своим «обывательским» отказом признавать «железные законы» истории, «эгоцентричной» попыткой идти против течения, противостоять притяжению победоносного социалистического коллектива, Пастернак демонстрирует отсталость своей позиции.

Этот «реквием» эстетике «серебряного века» был не нов в послереволюционной истории России. Еще в 1923 г. Максим Горький, позже ставший символом «социалистического реализма», исполнил свой «реквием» людям «серебряного века», говоря, в том числе и о Степуне, назвав их никому не нужными людьми, отжившими свой век. Степун, человек «серебряного века», пишет об этом так: «Отзыв Горького обо мне меня очень обрадовал. Я и сам все сильнее чувствую себя почти последним из “стаи славных” настоящих московско-русских интеллигентов и земли русской “праведников”. Единственное, что в отзыве могло бы огорчить меня, это мысль, что я и мне подобные сейчас никому не нужны. Ибо нужны не цветы, а сапоги»[76].

Однако вернемся к разногласиям советских функционеров от культуры с творчеством и личностью Бориса Пастернака. При оценке вопроса, кто в этом конфликте представлял современную, а кто — устаревшую точку зрения, Степун занял позицию, противоположную критикам Пастернака. Их он обвинил в устаревших, отживших подходах. Так как они мыслили социальными категориями, они были не в состоянии понять метафизическую глубину произведения Пастернака. Своей интерпретацией русской революции не как проявления классовой борьбы, а как трагической мистерии, Пастернак открыл своим читателям возможность понимания таких глубин человеческого существования, которые оставались полностью закрытыми и для обывателей, и для обладавших поверхностным мышлением советских функционеров. Вывод Степуна состоял в том, что нужно быть благодарным Пастернаку за его выступление против банализации духовной жизни, столь широко идущей в России после победы большевизма в 1917 г.[77].

[76] См. Федор Степун. Письма. С. 481; Hitzer F. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 174.

[77] Степун. Сочинения. С. 762–765.

Кому принадлежит будущее России? Об этом пишет Степун в некрологе умершему в 1960 г. Борису Пастернаку: «Пастернак умер спустя пятьдесят лет после смерти Толстого [...] Как Толстой в глазах царской, так и Пастернак в глазах советской власти был врагом народа и его “правомерного” правительства. Как монархия, так и советская диктатура боялась, как бы похороны не осложнились какими-нибудь демонстрациями». Степун пишет, что эти опасения были оправданными. И те, и другие похороны превратились в манифестацию непокорности: «Над могилой говорились свободолюбивые, горячие речи, читались стихи и лились слезы. Всем этим народ возвращал отвергнутого “народной” властью поэта в подлинную глубину народной души, чувствуя в нем, как в свое время чувствовали и в Толстом, неподкупную совесть России»[78].

Проведенное Степуном полное символических совпадений сравнение между двумя похоронами и их последствиями демонстрирует почти пророческую интуицию мыслителя. Как похороны Толстого стали предвестником заката русского самодержавия (царь был свергнут спустя семь лет), так и похороны Пастернака представляли собой своего рода поворотный момент в развитии Советского государства. Через пять лет родилось советское правозащитное движение, открывшее совершенно новую страницу советской истории. Его началом стала демонстрация „инакомыслящих“ в Москве 5 декабря 1965 г., направленная против процесса над критиками режима — писателями Юлием Даниелем и Андреем Синявским. Обоим обвиняемым инкриминировалось то же самое, что в свое время Пастернаку — а именно, публикация критических в отношении советского режима произведений на „капиталистическом“ Западе. С появлением правозащитного движения в СССР вернулся подлинный, свободный от цензуры дискурс, ранее вытравленный из страны большевистской диктатурой. Это относится и к идеям многих русских мыслителей, изгнанных большевиками из страны, которые в 1960-е годы начали в значительной степени вдохновлять зарождавшуюся в стране „альтернативную общественность“.

Среди философов, вернувшихся в постсоветскую эпоху в свою страну, по крайней мере, своими трудами, был и Федор Степун. Когда Степун в 1965 г. умер, такое развитие событий

[78] Там же. С. 927.

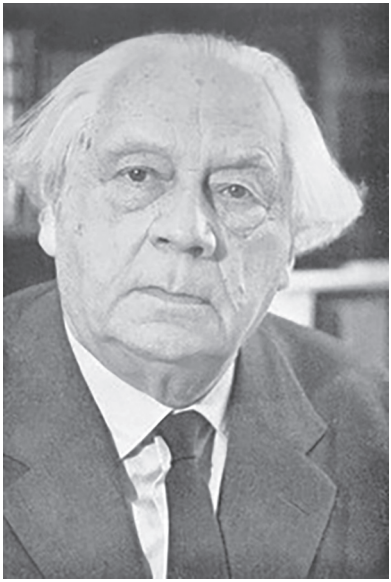
казалось почти немыслимым. Упоминавшийся нами ученик Степуна Фридрих Хитцер в некрологе сравнивал мемуары Степуна с воспоминаниями Александра Герцена. Хитцер писал: «Герцен был маяком новой эпохи. Мемуары же Степуна — оправдание упущений и памятник красоте упадка (т. е. невозвратимого прошлого — Л. Л.)»[79]. Но суд истории редко выносит окончательное решение: мнимый упадок в определенных обстоятельствах может стимулировать возрождение; это и произошло в России вскоре после смерти Степуна[80].

Авторизованный перевод с немецкого
Бориса Хавкина

[79] Hitzer F. Mein Lehrer Fedor Stepun. P. 177.

[80] В дальнейшем Фридрих Хитцер пересмотрел свой тезис. В написанном через 32 года послесловии к некрологу 1965 г. он писал: «Ренессанс, который переживают труды Степуна в новейших исследованиях российских авторов, особенно Владимира Кантора […] позволяет впервые по-новому взглянуть на многое из того, что мне в 60-е годы представлялось безвозвратно ушедшим». — Там же. P. 178.

Фёдор Августович Степун отвечает на вопросы Юрия Иваска



Запись разговора с Юрием Иваском (1960 год) и фрагмента программы памяти Степуна (ведущий Юрий фон Шлиппе (Юрий Мельников). «Радио Свобода», 1960.

ЧАСТЬ 1

Ю. И. Федор Августович, разрешите вас спросить: приблизительно в 1910 году и несколько позднее появились две новых литературных школы — акмеизм и футуризм. Все эти измы, как известно, имеют очень условное значение, это только тенденции. Но все-таки акмеисты были, и футуристы были, эти термины существовали. И вот, как раз в это время, в ту эпоху вы были молодым человеком, вступали в русскую литературу, помните это время и писали, конечно, об этом. А теперь беседа, живая беседа. Может быть, вы расскажите, как вы воспринимали эту эпоху и что было

до этого — до футуризма и акмеизма. Ну, известно, что было, было другое большое течение — символизм. Была еще группа «Знание», где Горький и Бунин в то же время были. И, может быть, главная тема — это акмеизм, и вы расскажите об акмеизме на фоне той эпохи, начав с символизма. Так что, просим, Федор Августович.

Ф. С. Да, я приехал из Германии в Москву в 1910 году. В последнее время в университете мое настроение, по целому ряду личных причин, отвернулось от кантианства со строгой гносеологией и повернулось к, собственно, родичам русского славянофильства. Я много занимался поздним Шеллингом, писал о Шлегеле, читал Новалиса — и это предопределило мою встречу с русскими символистами, которые в 1910 году и дальше, собственно говоря, оформляли свои школы и создавали свои лучшие художественные произведения. Я сразу, почти что по пути, попал в «Башню» Вячеслава Иванова и прожил у него целых десять дней. Об этом подробно сейчас рассказывать не буду, потому что, все-таки, наша с вами тема не беллетристическая, а более, так сказать, критическая. Важно то, что я попал сразу же в линию символизма, что мне не удалось по-настоящему познакомиться с русскими кругами, которые в то время ютились и организовались вокруг Максима Горького. Подробно рассказывать об этом ни к чему, это наиболее известно в русской литературе, но, может быть, как-то не замечалось, что вокруг Горького все люди организовались под именем издательства, которое называлось «Знание». Значит, художники своим центром поставили не категорию «искусство», а поставили категорию «знание». Это довольно характерно. Знание это было совершенно определенно окрашено, это была, в конце концов, социология русской общественной жизни, устремленная к революции. Горького я всегда не очень любил, но никогда и не отрицал. В дальнейшем было ясно, что Горький несколько шизофреник. Он всегда писал двумя руками. Он написал настоящее произведение «Детство» и в то же самое время писал вторичную «Мать». «Детство» — искусство, а «Мать» — халтура, с определенным устроением. Если вы теперь посмотрите, кто вокруг Горького, «Знания»: «Знание» — это социология революции, в конце концов, и еще практический революционный жест. В борьбе против капитализма они уничтожили ассортимент, продавали они сами и потому наживали гораздо больше, чем другие, потому что клали себе, хотя были социа-

листы, в карман все эти деньги, которые должен был получить тот человек, который их продавал в книжных магазинах. Если вы посмотрите, Горький занимался явной социологией — «Буревестник». Куприн, очень талантливый человек, но все-таки, что он в свое время дал: во-первых, «Поединок» — это критика царской армии, потом «Молох» — это критика капиталистического предприятия, и «Яма» — это критика буржуазной аморальности. Шмелев писал тогда «Человек из ресторана», показывая, как город портит, в конце концов, добрых русских людей, ну и так далее. Скиталец был ужасен, понимаете ли. О нем рассказано, что он ругал русскую буржуазию, плевал ей в лицо — буржуазия аплодировала. Он потом шел в ресторан, покупал фунт икры, бросал фунт икры в щи и жрал — «Здорово я им по морде смазал!». Это сейчас рассказала Бунина в своих воспоминаниях. Кстати, почему-то воспоминания хвалят, вот Терапиано написал, что это очень хорошо. А, по-моему, в этих воспоминаниях о Бунине есть все что угодно: есть Скиталец, но нет Бунина. Но это моя такая живая точка зрения на эту вещь.

Ну вот, я попал к символистам. Должен сказать — это вам не очень понравится, дорогой мой приятель, но я символистов определенно предпочитаю и акмеистам, и футуристам. Не потому, что они были очень хорошие поэты, среди символистов были и поэты, конечно, гораздо более слабые, чем некоторые из акмеистов. Но я считаю, что символизм — это не определенная литературная школа, а это есть извечно сущностная основа всякого художественного творчества. В этом смысле Данте символист и Гете символист, и Достоевский символист. Все искусство первоклассное, не по уровню дарования, а по сущностному устремлению, — оно неизбежно символично. Если вы меня спросите, что такое символизм, ну как мне вам сказать, я думаю, что, если уж коснусь религиозного начала, процитирую и священные писания — надо нудиться царствием небесным. Почему надо нудиться царствием небесным? Потому, что царствие небесное творит мир и, все-таки, в мир не входит. Оно нам себя дает тем, что оно уклоняется от нашего жеста, которым мы могли бы его вовлечь, так сказать, в свои собственные человеческие уста или в свои собственные человеческие мысли. Это есть некоторое непостижимое. И сущность всякого большого искусства, которое символично, — чтобы постигнуть непостижимое, чтобы то заикание, в конце концов, которым мы можем только кое-как раскрыть

это непостижимое, влить в более или менее ясные человеческие слова. Но сколько бы мы ни вливали, оно не выходит. И потому прав Тютчев, который говорит: «Мысль изреченная есть ложь». И все-таки она не ложь, если поэт может сказать вместе с Гете «…gab mir ein Gott, zu sagen, wie ich leide» — «…дал мне поведать Бог, как я страдаю». Всякий художник страдает, так сказать, несказуемостью того, что нужно сказать, и требует потому Божьей помощи. На этом вырастает большое искусство. На этом вырастает, значит, искусство русского символизма.

Они были разные очень. Вячеслав Иванов был большой ученый, большой эрудит, был человек античного воспитания и образования. Сорок лет ездил по Европам. Он был, вероятно, самым очаровательным собеседником, которого я в жизни встречал, может быть, за исключением одного Розанова. Но Розанов был в беседе озорник, а Вячеслав Иванов был в беседе мудрец. Может быть даже, беседа была его самая изумительная стихия, что я пережил, когда десять дней гостил у него в «башне». Он имел вид какого-то немецкого профессора, чуточку был похож на Моммзена, говорил очень учено, говорил витиевато, была у него какая-то барочная рессора в речи, на которых когда-то колыхались царские, понимаете ли, кареты. Это было совершенно изумительно. Когда он говорил о немцах, у него была слегка немецкая дикция, о французах — слегка французская, а по-русски была замечательная речь, но где-то оснащенная древнеславянской вязью. Очень особенная, значит, вещь. Ну, он был большой теоретик символизма. И вот тут, собственно говоря, вечная заслуга русского символизма — он первый по-настоящему различил религиозный символизм, где высказывается несказуемое, от идеалистического символизма, где человек вовсе не в подлинных символических образах, а только в импрессионистических пятнах и в аллегорических мифах раскрывает то, что он лично думает. Это еще не исследовано, Юрий Павлович, но я вот сейчас об этом пишу. Этот метод религиозного символизма, он потом перешел к Владимиру Соловьеву, потому что читать Соловьева как не мифотворца, не как символиста, а как логика, то выходит только весьма второстепенный Гегель. И так он совершенно не интересен. Вот в книге Зеньковского о Соловьеве написано, там изъята Вечная Женственность и сущность Мировой души, Мировая душа, и получается так — гегельянец второго разбора. А в книге «О свободе человека» посвящен Бер-

дяевым громадный абзац, где он причисляет себя к религиозным символистам. Если Бердяева не читать как религиозного символиста, а, опять же, как логика, то выйдет абракадабра, дабы не сказать более неприятное слово. Ну вот, так что это была очень большая вещь. Стихи Вячеслава Иванова вначале были слишком парадны, слишком торжественны, я уже сказал о рессорах барочных карет, но еще не знают его последних стихов. Последний дневник, который он писал в Риме, когда уже отказался от всех антично-языческих наследий в своей душе и стал почти что монахом девятого столетия — они изумительны. Я привез с собой, то есть хотел привезти с собой, чтобы прочесть, его последние стихи, которые никто не знает, но, к сожалению, папка моя осталась у меня в квартире. Но это, может быть, можно будет потом дополнить.

Теперь, что сказать о Белом. Белый, по-моему, самый гениальный из всех символистов. Я думаю, и меня будут за это корить, что слово гениальный относится только к нему. Оно не относится ни к Вячеславу Иванову, оно не относится и к Блоку. Но он заплатил за свою гениальность тем, что все его творчество исконно поссорилось с совершенством. У Белого нет ничего совершенного, но есть изумительное. Бердяев пишет, между прочим, в своих книгах, что гениальные люди никогда ничего совершенного создать не могут, что они как парабола, открыты куда-то в вечность, и эта парабола не смыкается, не получается эллинского круга, как символа действительно совершенного творчества. И знаете ли, когда (вы не видали Белого? — Нет, никогда не видел) Белый входил в комнату, то он винтом в нее как-то, значит, входил. Он как-то странно улыбался, он приседал, он говорил, как будто он только что кончил неудачным учеником школу какого-нибудь Далькроза или что-нибудь такое, и считают, что он позер. Это, между прочим, очень многие считают, но это глубоко неверно. Белый не был позером. Белый был настоящий юродивый и танцевал он, скорее, как юродивый на паперти или в трущобах, а не как позер. Он был голый, а не притворялся. Конечно, был он какой-то непонятный, мистик и творец каких-то неудобочитаемых произведений о символизме, изображая их какими-то треугольниками. Но все-таки, я считаю, что роман «Петербург» — одна из самых замечательных вещей, которые были написаны в русском двадцатом веке.

Ну, Господи, Блока я особенно любил. Считаю, что у него есть некоторые иногда безвкусицы, может быть, некоторые кое-какие сентиментальности, может быть, некоторые простоты. Но, по существу вот этого ознаменования непостижимого, пусть оно слишком охвачено эротической сферой, но все-таки его стихи есть настоящая ворожба. Я вполне понимаю, что когда я ездил по провинции, а я объездил всю Россию с лекциями — всю Россию до Коканда, до Сибири, до Кавказа, на севере, в Нижнем Новгороде, всю Волгу обчитал — везде были учительницы, такие очаровательные русские девушки, такие девушки-недоноски, такие недостаточно хорошо освещенные фотографией, какие-то подмалевки подлинного женского бытия, и они все тогда читали «Девушка пела в церковном хоре о всех…» и так далее, и все они молились на Блока. Была в нем какая-то и большая совесть, и большая любовь. А вот Семирядев рассказывает, тоже можно поверить, что в Петербурге на Невском встречались проститутки с большими шляпами и говорили: «Я незнакомка Блока, пойдем со мной». Это совершенно исключительная амплитуда славы: от провинциальной учительницы до проститутки. И все это было все-таки очень подлинное. Вообще, он совсем, совсем настоящий. И совершенно непонятно, столько он писал вещей в пьяном виде и о пьянстве, и оставался всегда чист. Потому что он был по-настоящему символист. Потому что за всей грешной реальностью мира, а кто же эту реальность писал так интенсивно как он: «Я пригвожден к трактирной стойке. Я пьян давно… Вон счастие мое — на тройке…» и так далее, и так далее. И другие вещи, когда он утром возвращается с какой-то девочкой цыганкой: «Утреет. С Богом! По домам! Позвякивают колокольцы» и так далее, и так далее. Но вот видите, дело не в том, что символизм отрицает плоть, отрицает мир, как утверждал Гумилев, противопоставляя акмеизм символизму. Больше плоти, больше грешной плоти, чем у Блока, не найдешь, а все-таки она светится. Не плоть нужно отрицать, а нужно отрицать ее темную замкнутость. А когда сквозь плоть, реально данную, со всем импрессионистским колоритом, со всеми красками, запахами — и тогда, тогда только получается для меня настоящее искусство.

Но я, конечно, говоря коннозаводческим языком, очень сюда неподходящим, я все-таки метафизическая конюшня, и у меня вот есть это — рекордные секунды этой конюшни. От нее отступиться я никак не могу.

Когда появились футуристы — разрешите с них, может быть, начать, а не с акмеистов — то, конечно, они всех поразили. Они тогда сливались, между прочим, и с имажинистами, и с некоторыми другими школами. Вообще, футуризм — слово весьма неточное. Оно более социологично, чем художественно. Потому нельзя в одну группу брать Маяковского, очень большого все-таки версификатора, большого мастера слова — я с удовольствием ощущаю, что его зачислили в словесную академию, но он для меня, так сказать, неувлекательный поэт. Понимаете, я не думаю, что Маяковский был большим поэтом. Но он был главным символом грядущей революции. Я думаю, что в футуризме надо прежде всего обозначать вот это их символическое значение. Искусство всегда было исполнено пророческой силы. Есть статья, сейчас мне вспоминается, Муратова, в которой он доказывал, что картины футуристов и, прежде всего, кубистов, впервые нашли те тупые углы, которые встречаются на картинах, которые потом повторили броневики. Это целое очень интересное исследование. Сейчас мне это мельком пришло, у меня под руками ничего нет, я говорю, так сказать, совершенно не подготовленный, без всяких цитат. Но этого достаточно для нашей беседы, как вы сказали. И я думаю, что все в футуризме было очень серьезно. Но оно было, конечно, серьезно не как искусство, а как в форме искусства данное пророчество о революции. В нем были и демонические силы, которые были, конечно, и в мистике Ленина. Всегда, например, большевизм рассматривают слишком с точки зрения марксистской идеологии, но кроме марксистской идеологии в них была и бакунинская мистика. Это не надо замалчивать, а у Бакунина, все-таки, странная есть фраза, что модель всякого подлинного революционера — это библейский дьявол, который первый задумал освободить человека от того рабства, которое задумал Господь Бог. А как освободить человека от рабства, которое причинил ему Господь Бог, говорится очень ясно: что страсть к разрушению и есть подлинная творческая страсть. И вот эта творческая страсть, она была в футуризме, понимаете ли. Когда Маяковский говорил о визите Шершеневича, у которого были, как у нетопыря, красные уши, и вместо голоса иерихонская труба; и он стоял как бы ожидая общественной пощечины, уши горели, труба гремела — это было изумительно убедительно. И рядом болтался вместе с ними имажинист, значит, настоящий

поэт, невыдержанный Есенин, в котором было очень много очарования, но, конечно, и очень много безвкусицы, и так далее.

Но, говоря о символизме и переходя к акмеизму, я думаю, что если бы меня попросили назвать самого крупного поэта из акмеистов, то я назвал бы не Гумилева, а, может быть, вам покажется странным, Валерия Брюсова. Считать Валерия Брюсова символистом нет никакого основания, потому что как раз за его творчеством не стояло ничего непостижимого, не стояло никакого ни мистического опыта, ни… Он совершенно стопроцентный сдержанный технократ, который любит асфальты, дожди, желтые часы, которые горят в вокзалах; это для него вся мистика, когда горит не солнце и не душа, а желтые часы, понимаете ли. Любил проституток, лихачей и все такое. Не было никакой в нем этики. Мы все это ведь знаем очень хорошо, и я как раз вчера вечером говорил с Жанной Матвеевной, сестрой его жены, Брюсовой. Но, конечно, он все-таки настоящий поэт. Иногда очень безвкусный, но в лучших своих стихах все-таки поэт замечательный.

Теперь, значит, с теорией Гумилева я не согласен. Это уже следует из всего, что я сказал. Полемику против символистов я потому считаю, по существу, неправильной. Можно было критиковать, сказать, чтобы они, так сказать, несколько принизились к земле. Я, вообще, буду всегда защищать «…seid mit der Erde treu, meine Brüder…»[1] — это замечательное слово Ницше, и нет поэта, который не верит земле, но нет земли, над которой не было бы неба, и не было бы самого мира, если бы не было Создателя. Так что, все-таки, земля должна быть охвачена небом, и всякое творчество должно исходить из сознания, что есть Творец. Вот эти задние планы, они для меня совершенно необходимы. Все-таки в Гумилеве — тоже я забыл, к сожалению, свою книжку — утверждение, понимаете ли, что он не будет с душевной нежностью и истерией, кажется, это не совсем так, но это так есть, мы можем потом это проверить, может, наполнение сделать из цитат, я не знаю как, это в другой раз, и это ни к чему, это неверно. Потом он не хочет никакого символа земли, но стихи

[1] Приблизительная цитата из «Так говорил Заратустра», полный текст: „Ich beschwöre Euch, meine Brüder, bleibt der Erde treu, und glaubt denen nicht, welche Euch von überirdischen Hoffnungen reden!» — «Я заклинаю вас, братья мои, сохранять верность земле, и не верить тем, кто говорит вам о неземных надеждах!».

он хочет читать океанам, драконам и чертям. Ну что это за аудитория. Океаны — никакие, они слушать не будут, читать им совсем не нужно. И это все не то. Есть и стихи, весьма, по-моему, неуклюжие. Одним словом, я думаю, что, если бы в нем не было позы, нового стиля, и не было бы полемики (между прочим, слово «акмеизм», этот -изм ведь выдумал Вячеслав Иванов, о чем сообщает Белый, но Белый много тоже сам выдумывал, так что я за это не ручаюсь). Наконец, я, все-таки, считаю, что в «Аполлоне» Гумилев шел в дышле с Городецким. Городецкий — поэт небольшого размера. Значит, это касается самого акмеизма, или адамизма, как говорил Вячеслав Иванов, и самого Гумилева. У него выросла героика в расстрел. Эта, конечно, судьба его вознесла почти над самим собой, и то, над чем он шутил, стало страшной серьезностью. И потому, так сказать, ему надлежит всякое почитание. Что действительно жизнь додумала его теорию и завершила его героизм, геройство, может быть, показное, не без позы, потом настоящим подвигом. Это все дело другое, понимаете ли. Но поэтом я не могу увлечься.

Что касается Ахматовой, то простите меня, я не могу считать, что она действительно, в смысле теории Городецкого, настоящий поэт. Но я, вообще, считаю — где начинается настоящий поэт, там кончается теория. Когда-то обо мне лично, позвольте цитату, один хороший критик, Айхенвальд, написал, критикуя мой роман: «Конечно, это не роман, конечно, это не философия, но где начинается квалификация, там кончается классификация». Я считаю, что это очень верно, где начинается квалификация, там кончается классификация. Мандельштам — ведь вы согласитесь, что в нем тоже очень много символических элементов. А уже в последних стихах Ахматовой, которые напечатаны теперь в «Воздушных путях» — «Поэма без героя» — это, конечно, не акмеизм. Это все-таки, ну да, символизмом овеянный романтизм, в конце концов. Стихи совершенно изумительные. Я их читал десять раз с одинаковым потрясением. И мне не нужно, чтобы их разгадывали, и не нужно, чтобы было там трое мужчин или двое мужчин. Вообще, есть в поэзии все, есть невнятность, которая не требует объяснения, — это должно быть в каждом стихе. Это есть тайна. Но есть внятность, которая просит — разрешите, в чем тут дело. Тогда появляется шарада. И когда шарада, то это никуда не годится, а когда это тайна, то это венец искусства. Вот так я бы, значит ощутил их. Я думаю, что это,

приблизительно, все, что я вам имею сказать, но у нас еще есть время и, если вы хотели бы какие-нибудь дополнительные вопросы — поскольку могу, с удовольствием отвечу.

Ю. И. Я хотел задать следующий вопрос. Гумилев имел, может быть, тоже свою метафизику. Он писал: «Я — Бог», у него были религиозные темы. Но когда, еще будучи совсем молодым человеком, он написал свой манифест в «Аполлоне», кажется, в 1912 году, можно так сформулировать, что Гумилев вступился за розу, которую можно нюхать, которой можно любоваться. Эта его знаменитая фраза, я цитирую по памяти, он говорил, что роза должна быть настоящая, осязаемая роза, а у символистов роза всегда была символом мистической любви. Не только у символистов двадцатого века, конечно, но и в Средние века роза была символом духовным. И он, так сказать, вступился за розу, и в этот момент, в 1912 году, он был, может быть, прав. Реакция следующего поколения — и он очень заострил это. Конечно, молодежь всегда выступает, в общем, против отцов. Он принадлежал к поколению сыновей, против отцов. И в этот момент его можно понять. Так же как можно понять и Кузмина, который тоже примыкал к акмеистам, и который еще до Гумилева написал известную статью, кажется, в 1910 году (1909 — ред.) в «Аполлоне», «О прекрасной ясности». Против невнятицы символистов. И в этот момент они оба были как-то правы. В эпохе. Что нисколько, конечно, не снижает значение символистов, у которых был больший размах, конечно.

Ф.С. В этом я с вами могу согласиться. Потому что всякая история всегда развивается — мы это знаем, так сказать, от Гегеля, а за Гегелем стоит Гераклит — некоторым идеологическим методом. Если сказать, что Гумилев — и вы назвали сейчас имена, в том числе человека, с которым я долгое время общался, когда жил в Петербурге, что они правы, поскольку они протестовали против недостатков символизма. Против символизма не как — я пытался рассказать — некоторых предвечных основ всякого творчества, но против некоторых излишностей или неточностей. Но если, конечно, считать Брюсова акмеистом, то в нем эта точность очень большая. В Белом, конечно, ее гораздо

меньше. Хотя, если вы возьмете стихи Белого «Пепел», которые очень под Некрасова сделаны, там есть очень много тоже и довольно точных. Одним словом, согласимся с вами, что в порядке развития русской литературы, смены школ, в порядке критики всяким следующим поколением недостатков отцов; в понятии, так сказать, движения, внесения, я бы хотел сказать, в недостаточно близкий жизни символизм каких-то еще более конкретных черт — на это я с вами, значит, пойду. Но если вы меня заставите выбирать между розой, которая является символом Вечной Женственности, и даже «в персях жен», говорил, с не очень большим вкусом, Вячеслав Иванов ранней эпохи, — Ильин когда-то возмущался, что он писал: «Меж пальцами Твоих пречистых ног цвела весна…» — это, конечно, «Весна» из Боттичелли, потому что, действительно, боттичеллевская женщина в «Весне» и меж ее пальцами цветут цветы. Он, значит, описывал картину. И вот — весна оказалась меж пальцами женских ног. Если так, то мы с вами, так сказать, безусловно… Как историк литературы, я соглашусь, но, как требовательный историософ, в отношении к искусству я буду защищать, — ну мы с вами сговорились, — вечную категорию. Да и, в конце концов, кто удержался на уровне такого чистого импрессионизма? Ведь и драконы у него тоже не эмпирические. Они ведь — или их нет, или они мифологические, или они в театральном училище. И океаны, которых уже очень много. Так что, я думаю, исторически мы с вами согласимся.

ЧАСТЬ 2

«Радио Свобода»: 10 лет тому назад, 23 февраля 1965 года, в Мюнхене скончался русский мыслитель, писатель и обществовед, профессор Федор Августович Степун. В связи с этой годовщиной мы предлагаем вниманию наших слушателей отрывок из беседы с профессором Степуном, которая была записана в студии «Радио Свобода» летом 1960 года. Вступительное слово Юрия Мельникова. Начнем с конца. В заключение часовой беседы, из которой вы услышите примерно четвертую часть, тогдашний собеседник Степуна обратился к нему с такими словами:

Ю. М. Федор Августович, я думаю, может быть, вы согласитесь с тем, что все-таки сейчас печальное время. Россия не наша, но великое наследие Киевской Руси, Московской

Руси и Петербургской Руси, включая в конце маленький короткий Серебряный век, может как-то возродиться и может как-то, говоря проще, понадобиться. Как вы думаете?

«Р. Св.» На что Степун, ему тогда было 76 лет, со свойственной ему уверенностью много думавшего и много решившего человека, ответил:

Ф. С. Глубоко уверен, что понадобится. Из всего, что вы сказали, с одним только не согласен: Россия наша, потому что я ей принадлежу. Понимаете, я ее никому отдать не могу. И она себя из меня убрать не может.

Ю. М. Вы здесь, а не там.

Ф. С. Нет, но она может быть больше здесь, чем там. Или, я уже давно думаю: она не здесь, не там. Уже очень много, к возмущению некоторых эмигрантских критиков, я, например, писал о России и о русской литературе, что есть только одна литература русская, там и здесь, и есть две агитмакулатуры, эмигрантская и советская, но литература одна, и мы все больше и больше перекликаемся.

Ю. М. С каким радостным волнением услышал бы Степун, доживи он до наших дней, ту же самую мысль о неделимости русской литературы, русской культуры из уст писателя больше, чем вдвое его младшего и, главное, писателя оттуда, из той России, из которой он сам, Степун, был выслан в 1922 году, и в которую он всю долгую еще жизнь за рубежом продолжал пытливо вглядываться, вдумываться, со скорбью, но и с надеждой, и всегда с любящим сердцем. Но, не взирая на свой библейской возраст, скончался он скоропостижно, вернувшись домой с доклада, на 82-м году жизни. Не дожил он до журнала «Континент» и его главного редактора Владимира Максимова. Как не дожил до встречи с другими представителями нового поколения русской культуры в изгнании, и, прежде всего, с Александром Солженицыным, в котором он открыл бы, при полном различии в характерах, много удивительно близких ему умонастроений, хотя и разошёлся бы с ним во многом. Думаю, что не ошибаюсь в этом

предположении: сужу по той позиции, которую Солженицын занимает в развернувшейся большой дискуссии о настоящем и будущем России. И сравниваю его произведения и публицистические выступления с одним из последних трудов Степуна. К сожалению, эта книга еще не переведена с немецкого на русский. Называется она «Большевизм и христианское бытие» (в современном переводе: Ф. Степун «Большевизм и христианская экзистенция» — ред.) и представляет собой попытку своеобразного социологического анализа истоков и значения русской революции. Многих тем и лейтмотивов этой книги касается Степун и в беседе, из которой вы сейчас услышите выдержки. Итак, включаем звукозапись 1960-го года.

Ю. И. Вся эта эпоха предреволюционная. Эпоха, которую иногда называют Серебряным веком, принадлежит прошлому. И вы участвовали. Вы вступили в эту эпоху юношей и затем принимали в ней творческое участие. И вот что осталось от Серебряного века. Столько религий, сколько поэтов, или сколько поэтов, столько и религий. И вот что осталось от этих разноречий, от этих заветов, от этих пророчеств, от Соловьева до Блока, Бердяева. И у вас тоже есть свои заветы. Что от этого осталось? От заветов Серебряного века?

Ф. С. Это вопрос очень сложный, нужно было бы очень подробно о нем говорить. Но я думаю, что вообще в истории никогда ничего не пропадает. Пропадают только эпохальные оформления вечных основ человеческой жизни, человеческой истории. Значит, в символизме останется все то, что было не только эпоха, но было эпохальным оформлением каких-то вечных основ. И в символизме этих вечных основ было гораздо больше, чем во всех одновременных с ним школах. Больше, конечно, чем у «Знания» и Горького, больше, чем у футуристов, там этого вообще не было. Не буду особенно говорить о Хлебникове, там это невнятица. Может быть, есть и мистическое косноязычие, но это очень осторожно. Больше нет. И потом больше, чем в акмеизме, если считать акмеизмом теорию Гумилёва и лучшие технократические стихи Брюсова. Все-таки, Вячеслав Иванов прошел большую школу, отказался от своего

дионисизма, своих менад, а прошел через большое осознание какой-то своей греховности и пришел к каким-то большим первоосновам христианства. Христианство есть для меня самое глубокое, конечно, воплощение о личной трансцендентности. То есть я думаю, что у Блока в очень искаженном виде, но все-таки тоже начала вечности и даже и своеобразные начала христианства, все-таки, есть. Неслучайно он эти свои «Двенадцать» закончил образом Христа. У Белого очень неудачные стихотворения о Христе, и так далее. Все это антропософски изломано у Белого, революционно изломано у Блока, все это было потом у Вячеслава Иванова, мифическим вначале как-то несколько засурмлено, если так можно сказать, но все-таки здесь прозвучала тема о личной трансцендентности. Я думаю, что это самая большая тема, которая в русской истории есть. И если вы меня спросите кто является наследником Серебряного века, то я назову только одно имя — это имя Пастернака, которого я считаю самым определенным символистом. Понимаете, он говорит об очень многих людях, но слово «гениальное» у него отнесено, насколько я знаю, и во всех писаниях встречается только один раз, и оно отнесено к Белому. Он говорит, что задача искусства (это замечательное слово — задача), что задача искусства заключается не в том, как теперь думают, чтобы всегда делать новое, но на новой высоте и новыми методами всегда воспроизводить прежние вечные модели. Для меня это тот путь, который остается. Скажите, вся русская религиозная философия, она же идет. Ведь кроме русской религиозной философии ничего в России нет. Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Федотов — и эти все все-таки соловьевцы. А что же кроме того? Ну, Лосский немножечко, так сказать, выдумывает не очень аккуратно. Ну, Розанов, конечно, совершенно замечательно. И другого пути вообще нет. Я все-таки думаю, что путь России остается таким. И потом, вот заплеванная русская интеллигенция. Но ведь Европа гибнет без интеллигенции. Здесь есть только партии, а над партиями господа профессора, которые ничего не делают и ничего сделать не могут, и которые в порядке политическом импотенты. Они же все ищут какого-то носителя духовно-политического творчества. И русская интеллигенция не была ни партией, ни классом. Она была, в конце концов, именно субъектом духовного оформления жизни. Она поскользнулась, согрешила, упала мордой в кровь, нагадила вокруг себя. Тут я могу быть поч-

ти так же радикален, как Ульянов, который обругал всю Россию ради этой интеллигенции очень грубо, но все-таки это все было, понимаете? И я думаю, что какое-то восстановление этого орденского начала… А знаете, от кого это слово происходит? Я совершенно недавно нашел, что определение интеллигенции как ордена — это в письме у Анненкова, где он говорит что все мы нечто подобное революционному ордену, мы друг друга не знаем, но мы друг друга узнаем с первого взгляда. Мы являемся носителями надежд всех осужденных, и мы представляем величайшую опасность для власть имущих — цитата наизусть, но довольно точно, я ее много раз писал. Так что я думаю, что, в конце концов, в России в будущем, как завещание русской религиозной философии, соловьевство, со всеми его разветвлениями на Бердяева и Булгакова, и Франка, и Трубецких, и как завет символизма, теперь воспроизведены или подняты на новую высоту Пастернаком и многими другими, которые сейчас стоят вот на этом пути. И это есть тот путь, которым она должна идти. Это, конечно, не пророчество в смысле указания того, что будет. Но мы с вами уже говорили: пророк — это тот, который требует и предупреждает. И вот я думаю, что надо предупреждать и надо требовать, чтобы в России в общественно-политической жизни, чем бы она ни была, демократией или своеобразной диктатурой, во всяком случае, должен быть создан субъект — носитель духоведческих и волевых сил, который бы из центра, так сказать, русской жизни, которым я все таки считаю православие, в котором мне особенно дорого, и об этом много писали и католики на меня нападали, что мы исповедуем лицо Христа, а не богословскую систему. Богословская система связана с эпохой и с метафизикой. Она уже становится неприемлемой. И не моралистические законы, когда Христос говорил: «Познайте истину, и истина освободит вас». Он еще не был богословом и уж совсем не был томистом. Но он не был и законником в древне-старом смысле. Истина был Он. То есть исповедание лица, и это исповедание лица переходит из религиозной сферы в сферу культуры. И потому всякое творчество, и научное, и художественное, должно быть какого-то исповедания и трансцендентного лица, лица трансцендентности. Я не говорю, что оно должно быть христианским, но о личной трансцендентности, она должна, так сказать, быть благословением, под которым я творю и под которым я живу.

Ю. И. А еще можно спросить: интеллигенция — ну очень неопределенное понятие. До революции, в 20-м веке, мы 20-й начинаем уже с 90-х годов, все-таки было две группы интеллигенции. Одна была, говоря грубо, от Белинского, от Чернышевского, а другая интеллигенция — вот эта культурная интеллигенция, к которой принадлежали поэты, — была от Владимира Соловьева и от Достоевского. А может быть, все-таки, это была одна и та же интеллигенция? Что вы об этом думаете?

Ф. С. Определенно думаю, что это была одна интеллигенция. Если определять интеллигенцию, то тем, что я называл ее орденом, она уже определена. Орден, который был, так сказать, единством — это в терминологии Владимира Соловьева — был единством креста и меча. Значит, крест отпал в одном лагере — вот этой революционной интеллигенции. Но у них не отпали ни вера, ни образ совершенства, образ истины. У них, кстати, социологические теории Сен-Симона, и потом другие, целый ряд, и потом левые гегельянцы, потом фурьеристы и потом фалангисты, наконец, марксисты. Но ведь все это у них не теории, это абсолютные истины, требующие исповеднического к себе отношения. Значит, это, в конце концов, тоже есть некоторое исповедание религиозного образа совершенства. Значит, интеллигентность состоит в милитантном отношении к истине, жертвенном пафосе служения не классу, а целому народу, понимая народ, опять-таки, как некоторые личные отношения и трансцендентные реальности. Вот сейчас современные социологи оспаривают, но это же ведь была идея и кому-то из Сен-Симона, если хотите, Маркса. (Фраза на франц., невнятно — ред.) провели вот это активное знание, истинно действующее. Это очень правильно, и очень русское начало. У Михайловского сколько раз цитировалось: истина, справедливость, добро — одно и то же. И потом это сказано у Достоевского: русская идея, самая русская идея есть идея осуществления идеи. Мы это творили, на этом и сорвались, понимаете, не в меру поусердствовали. Но я думаю, что это требуется и самим христианством. Отсюда, так сказать, старчество должно быть дополнено. Самая русская идея есть не идея, а самое несчастье в России в том, что, с одной стороны, по стопам Иосифа Волоцкого это дошло через Петра Великого до прокурора Святейшего Синода. Это цезарепапизм, в котором

вначале церковь и государство были два равных сильных меча в руках того же Грозного. Петр Великий потом этот церковный меч несколько, так сказать, подчинил государственному мечу, но он называл себя епископ епископов и обещал русскому народу не только хлеб и все, но и духовные блаженства. В нем это осталось, понимаете? И, наконец, Победоносцев, который все-таки хотел тоже русское государство подчинить церковным началам. Но вот эта тема, одна, она вырождалась в России, она, не дай Бог, чтобы возродилась. А другая тема — это тема Нила Сорского, она ушла в монастырь. В конце концов, она создала очень многое. Она питала и вела всех людей, мы знаем, от Гоголя, через Толстого, Леонтьева, и даже Толстой ведь, в конце концов, поехал в монастырь. Но в том-то и дело, что мистическая тема была жизненно бездейственна в общественном смысле, а общественный синодальный отдел христианства потеряла свои христианские основы. И вот теперь, собственно говоря, надо нам задним числом сращение духоносной темы Нила Сорского и старчества с общественной совестью русской творческой интеллигенции. Таковы мои утопические, скажете вы, может быть, мечты. Но господа, подумайте, за последнее время только утописты делали историю — большевики и фашисты. А все люди, занимавшиеся реальной историей, сидят сейчас и боятся, как бы их не выгнали какой-нибудь струей, не только водяной, но, может быть, и кровавой, понимаете? Ведь доказано, что реальная политика есть химера. И доказано большевиками, что только вера двигает историю. К сожалению, их вера — недобрая вера — испаряется и испаряется…

Витторио Страда

Не надо делать того, что противно твоему внутреннему импульсу[1]

Страна у них что ли такая душеполезная, но профессору Витторио Страда, которому 31 мая этого года исполнилось 85 лет, дать этот возраст можно лишь заглянув в его итальянский паспорт. Некогда он, связавший всю свою жизнь с русской культурой и историей, удостоился злобного карикатурного изображения в одиозном романе писателя-сталиниста Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?», где фигурировал под именем Бенито Спада. Советские товарищи двадцать лет отказывали во въездной визе ему, покинувшему компартию после 1968 года, именовали его ревизионистом и отступником. Но справедливость иногда торжествует. Сейчас он, с его уникальным жизненным опытом справедливо числится патриархом и незыблемым авторитетом мировой русистики.

Перечень его книг и отдельных трудов огромен, знания феноменальны, энергия кажется неисчерпаемой.

Вместе со своей верной подругой и женой, филологом и переводчицей Кларой Янович, родившейся много лет назад на берегу Охотского моря и выросшей на Байкале, господин профессор живет в Венеции, в чудном месте, где под окнами их старинного дома пыхтят речные трамвайчики «вапаретто», гондольеры канцоны поют, голуби клюют с руки, и синева кругом, небесная синева…

– Витторио, я вас знаю почти двадцать лет, еще с той поры, когда мы вместе были членами жюри Букеровской премии. Но лишь недавно мне стало известно то, о чем вы многие годы помалкивали. Что вы имели непосредственное отношение к «делу Пастернака», в результате которого великий поэт был вынужден отказаться от Нобелевской премии. Вам из-за этого не давали визу в СССР?

[1] Интервью Евгения Попова с Витторио Страда. 2014 год.

— Нет, меня перестали пускать десятью годами позже, в 1968 году. Когда у меня в Шереметьево на таможне обнаружили письмо Солженицына, которое он через меня хотел опубликовать в западной прессе. Весьма невинного, кстати, содержания письмо, одно из последних «мирных» писем того периода, когда он, скорее всего, все еще надеялся убедить неразумных большевиков, правивших тогда вашей страной, что их идиотская политика ведет страну к краху. Он там писал, что никому не дает разрешение на публикацию его произведений за рубежом без ведома автора…

А в «деле Пастернака» у кагэбэшников не было никаких доказательств моего участия. Того, что именно я по его поручению передал издателю Джанджакомо Фильтринелли его устное распоряжение печатать роман как можно быстрее и не обращать внимание на телеграмму, написанную им по давлением. Где он просил задержать выход романа…

— Стоп! Как говорится в постсоветских детективах, «с этого момента поподробнее». Как вообще Пастернак узнал о вашем существовании?

— Я приехал в Москву летом 1957 года на Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Незадолго до этого я опубликовал в «левом» журнале *Contemporaneo* статью о его поэзии, неплохую, кстати, извините за нескромность. Пастернак уже тогда жил на даче в Переделкине под явным надзором, но статью в Союзе писателей ему перевели и показали. Мой текст он принял благосклонно, статья ему понравилась. Но меня поразило и растрогало другое — то, что он, совершенно не зная меня, доверился мне и каким-то звериным поэтическим чутьём понял, что я не провокатор и не предам его. В присутствии заведующего итальянским отделом Иностранной комиссии Георгия Самсоновича Брейтбурда и главного редактора *Contemporaneo* Пастернак демонстративно проделал следующее: дал мне на прочтение только что законченную им автобиографию и попросил вернуть рукопись через неделю. Я, наивный молодой человек, вёл себя как в Италии, восприняв это как нечто обыденное и понятия не имея о том, что такое КГБ и «Иностранная комиссия». Я могу ошибаться, но думаю, что у Пастернака уже тогда созрел этот его наивный и одновременно хитроумный план. Ибо он нарочно холодно и сухо, нелюбезно разговаривал с официальным должностным лицом Брейтбурдом, тот обиделся и отказался через

неделю ехать со мной в Переделкино, сославшись на то, что «никакому гению» не позволит так с собой обращаться.

Я и поехал один. Мы проговорили на воздухе почти два часа, пора было возвращаться в Москву, но Пастернак вдруг пригласил меня пройти внутрь дачи и там совершенно неожиданно для меня изложил мне свою просьбу.

— Ещё, ещё какие-нибудь подробности! Как выглядела его комната? Волновался ли Борис Леонидович при этом?

Говорил он совершенно спокойно, не понижая голоса. Помню, что на книжной полке у него стояло прижизненное собрание сочинений Пильняка конца двадцатых, и у меня такое же было в Италии. Меня поразило и то, что он вдруг положил мне руки на плечи, как сыну. Ему в августе 1957 было 67 лет, почти на 20 лет меньше, чем мне сейчас.

— А что же товарищ Фельтринелли? Ведь он коммунист-миллионер, дружил с товарищами Фиделем Кастро, Эрнесто Че Геварой, Хо Ши Мином, контачил с «Красными бригадами», от чего и погиб потом, якобы подорвавшись на собственной взрывчатке во время несостоявшегося теракта. Почему он вдруг решил печатать этот «буржуазный роман»?

— Потому что был личностью и понимал, что имеет дело с гением. Издание «Доктора Живаго» стоило ему членства в партии. Мы лично тогда не были с ним знакомы, и когда я сделал то, о чём меня попросил Борис Леонидович, Джанджакомо внимательно выслушал меня, но ничего конкретного, кроме «спасибо», мне в ответ не сказал. Мы потом сотрудничали, я переводил для его издательства книгу вашего философа Эвальда Ильенкова, которого, как и меня, изобличали в ревизионизме «единственно правильного учения». Думаю, что обвинить меня в истории с Пастернаком кагэбэшники прямо не смогли, но все же вычислили как гонца. Уж больно сурово они со мной обошлись, когда обнаружили это солженицынское письмо. Тут же сняли с рейса меня, Клару, детей, отобрали документы, билеты, всю ночь держали нас в комнате с решетками, запертой на ключ.

Но тогда, в 1968-м, случилось еще одно чудо. Через две недели я получил по НОРМАЛЬНОЙ ПОЧТЕ машинописную копию того изъятого письма, и оно вскоре было опубликовано в газете «Унита», органе Итальянской коммунистической партии. Что касается меня, я понял: надежд на реформы в коммунистическом лагере нет никаких. Однако еще пребывал в иллюзии,

что западные компартии, в особенности итальянская, сумеют что-то сделать. Но в конце концов освободился и от этих благоглупостей. После того, как ВАШИ ввели танки в Чехословакию в том же самом 1968 году. Я до сих пор ломаю голову, кто бы мог послать мне эту копию.

— Замечательная история! Я слушаю с жадностью, ибо все это совпадает с моими нехитрыми, но очень важными для меня мыслями. О том что мир наш не черно-белый, не делится четко на своих и чужих, левых, правых, красных, белых, синих, зеленых, голубых, а обладает всеми бесконечными цветами Божьего спектра. И он действительно полон чудес. Коммунист печатает антисоветское сочинение, неизвестный доброжелатель, возможно, гэбэшник или таможенник, присылает вам изъятый текст, Советский Союз исчезает, мир снова попадает в непонятное, но думаю, что и это не основание для уныния. Куда деваться? Куда попали, там и живем.

— Боюсь, что если бы молодые люди нашей или вашей страны сейчас слушали бы нас, они просто не поняли бы, о чем идет речь. Действительно, какой-то там грозный Союз писателей, КГБ, ЦК, Иностранная комиссия, какие-то Михалков, Кочетов… Даже мои друзья, соратники, ровесники, когда я им рассказывал тогда о том, что происходит в СССР, о том, что в этой действительно великой стране, выигравшей войну, люди часами стоят в очереди за колбасой, туалетной бумагой, и партия учит их, как правильно писать картины, книги, ставить спектакли, снимать кино, и Солженицына выслали из страны только за то, что он писал правду, эти мои слушатели подозревали меня, мягко говоря, в некоторых болезненных преувеличениях…

— А как вообще получилось, что вас, коренного итальянца из довольно обеспеченной буржуазной семьи, вдруг заинтересовала эта дикая «красная» Россия и ее столь далекая от средиземноморской культура? Правда ли, что и в этом Достоевский виноват?

— Да, чтение Достоевского в моем почти детстве и миф русской революции (в начале 40-х годов) создали во мне первый образ России. Я еще сохраняю первый трехтомник итальянского перевода «Братьев Карамазовых», убогое издание военных лет. Когда я впервые читал этот роман Достоевского, наверняка я его не понял, не мог понять, но я чувствовал, что передо мной открывается другой мир, мир таинственный и захватывающий.

И он меня захватил. До сих пор я из него не вышел. Миф русской революции требует отдельного разговора. Я долго был у него в плену, и только изучение истории помогло мне «умом понять», хотя бы частично, ее, вашей революции, подлинную реальность. Остается самая большая загадка: Россия. Скажу, что еще большая загадка — весь мир. Россия — только часть этой загадки. Моя работа, мои книги — скромная попытка разгадать (для себя, по крайней мере) эту двойную загадку. Путь искания — уже какой-то результат, но путь этот бесконечен. Это верно для всякой интеллектуальной работы: последнее слово никем не будет сказано. Но каждое, не претендующее на категоричность слово, если оно серьезно и выстрадано, имеет свое значение.

— Вы знаете о России, ее культуре, изгибах ее истории, советском и русском менталитетах, пожалуй, что и поболее многих наших сограждан по РФ. А как вы думаете, что русским в первую очередь нужно знать об Италии?

— Знать, что итальянцы — добродушные. Хотя и у нас своих мерзавцев хватает. Как везде. Знать, что Франция, Германия, Великобритания прекрасные страны, но там люди более закрытые, общаться с ними не всегда легко, даже если знаешь язык, они не пустят тебя так запросто в свою жизнь. Какое-то у них наличествует подспудное чувство латентного превосходства, что ли, над другими народами? У итальянцев этой спеси, слава богу, нет, и к русским они относятся с неизменной симпатией, несмотря на то, что во время Второй мировой войны мы оказались по разные стороны линии фронта… Помнить, что Италия тоже всегда занимала особое место в русских сердцах еще со времен Гоголя, и, конечно же, знать итальянское искусство, благо музеев у нас множество и они доступны всем. Смотреть итальянское кино, читать Данте, Боккаччо, Петрарку, Пиранделло, Габриэле д'Аннунцио, Пазолини… Русскому хорошо бы иметь понятие и об итальянской философии XX века, где был не только великий Бенедетто Кроче, но и Джованни Джентиле, который хоть и считается теоретиком итальянского фашизма, но написал одну из самых лучших книг о Карле Марксе. Даже Ленин в одной из своих работ ссылается на эту книгу. Или вот блестящий современный философ, Аугусто дель Ноче, который лишь недавно ушел из жизни и чье имя в России совершенно неизвестно. Италия подкупает и своими пейзажами, и крохотными средневековыми

городками, которых у нас великое множество, и нашей кухней, и нашими винами…

— Италия щедрая, прекрасная и разнообразная страна. И все-таки, почему вы, уроженец прагматической Ломбардии, выбрали эту призрачную Венецию с ее каналами, гондолами и вечным неуловимым духом карнавала?

— Да, мой родной город — Милан, и я чувствовал его по-настоящему родным, пока там жила моя мама, которая не так давно умерла в возрасте 108 лет, до конца сохраняя трезвый ум. Сейчас Милан для меня по-прежнему дорог, с ним связано много воспоминаний, но он уже как-то отчужден. Потом была Москва, где я долго жил, и где, фактически, определилась моя судьба. Но я знал более одной Москвы, если можно так выразиться, так как в течение полувека изменился не только облик русской столицы, но и ее душа. Как ни странно, я люблю «старую» Москву конца 50-х — начала 60-х годов, еще традиционную, но уже пробудившуюся к неведомому будущему, и люблю Москву первой половины 90-х, сумбурную и полную надежд. Теперешняя Москва, американизированная и деловая, мне немного чужая, хотя я рад в ней бывать. Потом я долго жил в Турине, прекрасном городе у подножия Альп, работая и вращаясь там в интеллектуальной «левой» среде. От европейских столиц и от заокеанских Вашингтона и Нью-Йорка у меня остались приятные, но мимолетные впечатления. Наконец, Венеция. Не я ее выбрал, а, скорее, она меня. Когда я выиграл государственный конкурс на кафедру русского языка и литературы Венецианского университета, то с семьей переселился в этот «город дожей», и когда позднее Туринский университет предложил мне кафедру, я отказался и решил остаться в Венеции. Я не буду здесь тратить слов, повторяя многочисленные лирические излияния, адресованные прекрасной Венеции. Скажу только, что мне повезло устроиться в особой части города. Мой остров Джудекка расположен вне многолюдных туристических маршрутов, но в то же время с моей террасы Венеция видна во всей ее красе. Венеция для меня — это не тот реальный город, по которому с утра до ночи бродят туристы и скользят гондолы. Моя родина, конечно же, находится в Италии, еще шире — в Европе, на Западе, но одновременно и в том уникальном безмерном индивидуальном пространстве и времени, что изначально дано каждому из нас. Я, конечно же, как и вы, как и все мы, часть человечества,

но считать каждого из нас просто членом человеческого рода — слишком плоско и абстрактно.

— Мне кажется, что ваш жизненный опыт особенно важен сейчас, когда мир, как мы все это чувствуем и видим, понемножечку сходит с ума и в нем все меньше и меньше остается видных людей, авторитет которых бесспорен, а репутация безукоризненна[2]. Вы встречались во время своей долгой жизни с десятками, сотнями, если не тысячами знаменитостей. Так вот, кто, на ваш взгляд, из встреченных вами претендует на статус самой светлой личности второй половины XX века?

— Две самые светлые личности недавнего прошлого — это, конечно же, по моему личному впечатлению, академик Сахаров и папа римский Войтыла, Иоанн Павел II. Мы встретились с ним в Ватикане, и главной неожиданностью для меня было то, что он сам ко мне подошел, перейдя огромную залу после концерта в его честь и каким-то непонятным образом выделив меня из толпы. И обратился ко мне как к доброму знакомому: «Вы профессор Витторио Страда?» Я навсегда запомнил его смеющиеся глаза, эту его неповторимую улыбку, я до сих пор воспринимаю эту встречу как чудо. Сахаров тоже произвел на меня сильнейшее впечатление скорее как человек, нежели общественный деятель, диссидент, ученый. Личный контакт с такими людьми для меня куда больше значит, чем кропотливое изучение их трудов и биографии.

Вы, Женя, называете Льва Толстого, Махатму Ганди или Нельсона Манделу «почти святыми», но настоящие святые в XX веке, без «почти» — это, на мой взгляд, вовсе не они, а люди, совершенно нам не известные, достойно, в муках перенесшие войны, концлагеря, другие мерзости века. Или погибшие на этих войнах, в этих лагерях. Думаю, что можно говорить о каком-то коллективном святом XX века, неизвестном в той же степени, в какой неизвестен Неизвестный Содат, Milite Ignoto, памятник которому можно видеть в Риме. Думаю, что XX век должен почтить память такого же Неизвестного святого, Santo Ignoto, олицетворяющего всех, в этом веке страдавших…

— Витторио, вот вы — один из умнейших людей, встреченных мной в жизни, и я говорю это вам без лести. Так каким же ветром занесло вас в ряды коммунистов и что вы сей-

[2] И что-то не вижу воспроизводства таких людей в наступившем и победно шествующем XXI веке. Может не туда, куда надо, смотрю?

час думаете о коммунизме или «развитом социализме», при котором мы якобы жили до перестройки и о котором многие в моей стране горюют до сих пор?

— Коммунизм — это извращение социализма, и не было у большевиков ненавистнее врагов, чем европейские социалисты. Большевики социализм узурпировали и велели считать себя венцом борьбы за освобождение трудящихся. Им многие в прошлом веке поверили. Я и сам, например, вступил в Итальянскую компартию после XX съезда КПСС, после разоблачения культа личности Сталина. А итальянский фашизм и немецкий национал-социализм были реакцией на коммунизм, на большевистский Октябрьский переворот. У коммунизма была славная традиция, он существовал с середины XIX века, а у Муссолини и Гитлера ничего не было за спиной. Они с нуля создали свое движение, свою идеологию, и одна из самых загадочных историй XX века — зачем Гитлер вдруг решил напасть на Советский Союз вместо того, чтобы с ним сотрудничать и совместно покорить весь мир. Впрочем, что было на сей счет в голове у Сталина, мы тоже никогда не узнаем…

— Я уж и сам не рад, что задал вам этот вопрос. Мир настолько политизирован, что, боюсь, и сейчас в большинстве известных случаев непонятно, что у кого в голове ДЕЙСТВИТЕЛЬНО имеется. Делают одно, говорят другое, подразумевают третье. С прошлым все же как-то чуть-чуть пояснее, документы время от времени появляются…

— …Я все же скажу, с вашего позволения, еще несколько слов о Второй мировой войне, так беспардонно эксплуатируемой кремлевскими идеологами для раздувания ура-патриотизма. Речь, конечно, не идет о подвиге, совершенном русским народом и другими советскими народами совместно с западными союзниками в разгроме нацистской Германии. Сталинград — великий символ этой героической борьбы, и роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» — лучшее выражение этого события. Я считаю, что в этой войне, которую россияне справедливо называют Великой Отечественной, на самом деле сплетены три разные войны: первая была направлена против нацистов и их прихвостней (в том числе итальянских фашистов) в союзе с западными капиталистическими демократиями (ей-ей, странный, если не противоестественный союз, если помнить, что целью коммунистической революции было их уничтожение); вторая была под-

линно «отечественная»: защита родины от захватчиков; третья была революционно-империалистическая, или, если угодно, ленинско-сталинская коммунистическая. Эта последняя возобладала над двумя первыми и принесла новое порабощение народам Восточной Европы, освобожденным от гитлеровского ига. Сталинский коммунизм (и сталинский ГУЛАГ) — незабываемый «подарок», который советские освободители сделали полякам, венграм, чехам и так далее, включая, конечно, прибалтийские страны. Все это объясняет, почему эти народы, сегодня действительно свободные, весьма критически относятся к результатам Второй мировой войны. И в Москве это должны бы, наконец, понять…

— Я проштудировал многие ваши труды и наконец хочу получить информацию из первых уст, хочу услышать непосредственно от вас, автора термина «консервативная эволюция», что это в конечном итоге такое? Уж не чаемый ли многими «третий путь», спасение от мерзостей капитализма и тоталитаризма?

— «Третий путь», по-моему, путь в никуда, и всякий разговор о нем — сплошная пустота, хотя многие еще любят болтать о «конвергенции» и тому подобном. Вы, Женя, пожалуйста, не включайте меня в эту компанию. Я о другом. Думаю, что «консервативная эволюция» — это на сегодняшний день самая перспективная возможность общественно-политического развития новой Европы, особенно важная для вашей посткоммунистической страны. Это такое сочетание эволюционного движения вперед при сохранении критического, но одновременно и положительного отношения к подлинным, а не выдуманным ценностям старого. Такой, можно сказать, ПРАВЫЙ ПРОГРЕССИЗМ[3]. Этот оксюморон адекватен противоречивости современной действительности. Даже персона нового интеллигента сейчас возникает — прогрессивный правый вместо традиционного прогрессивного левого.

А почему это важно именно для России — да потому, что ваша страна — это, несомненно, часть Европы, но одновременно и ее «другое». Россия — особый район Европы, но существующий все-таки внутри европейской цивилизации, а вовсе не вне

[3] Думаю, что следует внимательно отнестись и к этому явлению, и к термину. Витторио дело говорит!

ее, как хотелось бы думать вашим и нашим адептам «особого пути России», мечтающим изолировать ее от всего мира и принудить к тому, чтобы стать закрытой системой, вроде Северной Кореи. Россия — «особое» Европы, но свои особенности имеют и Германия, и Франция, и Польша, и Венгрия. Поэтому неправ и тот, кто утверждает, будто Россия ничем от них не отличается. Отличается, но не кардинально.

— Как же «не кардинально», когда Россия — православная страна? Не избывшая, правда, до конца и своего советского тоталитарного неоязычества.

— Я верующий католик, но я — антиклерикал, и не хочу, чтобы священство диктовало правила общественно-политической и культурной жизни любой страны, в том числе моей и вашей. Кроме того, это примитив — сводить религию к национальным моментам, вроде того, что раз ты итальянец, то непременно должен быть католиком, а если русский, то православным. Человек свободен, и во что ему верить — это его частное дело.

А вот тоталитаризм, возникший на почве левого революционного движения, безрелигиозности и «восстания масс», избыть действительно очень, очень трудно. В России он, увы, имеет для себя благоприятную почву и хорошо прижился с семнадцатого года… Как сорняк… Я не антисоветчик, каковым меня долгие годы изображали. Я не приемлю фашизма, вся моя семья была против фашистов. Но я принадлежу к той группе историков, которые считают, что итальянский фашизм не был тоталитарной системой в отличие от немецкого национал-социализма и «социализма» сталинского. Муссолини принял термин «тоталитаризм» как похвалу, ибо считал, что он полностью соответствует идеологии нашего фашизма. Но ему не удалось создать вожделенное им тоталитарное общество, потому что в Италии даже при фашистах была монархия, церковь, был капитализм, была индустрия, сохранялись какие-то институции, которые хоть и не сопротивлялись фашизму, но существовали достаточно самостоятельно. И такого массового истребления антифашистов, евреев, цыган, как у Гитлера, или кулаков, как у Сталина, в Италии тоже не было. Мне не нравится, что в связи с событиями на Украине у вас все противоборствующие стороны повадились обзывать друг друга фашистами, плохо понимая, что это такое. Универсального фашизма нет. А есть Гитлер, Сталин, Ленин, Республика Сало, ГУЛАГ, венгерские «салашисты», сэр Освальд Мосли, русские

фашисты в Харбине, НКВД. Равно как нет универсальной Европы, а есть Европы. Европа Средиземноморская, Северная, Восточная, Центральная… Я объездил множество стран, два раза жил в России, в Москве нашел жену Клару. Я люблю ваш народ, культуру. Национализм мне чужд и противен. Любой – русский, итальянский, украинский. Но я – итальянец. Здесь моя родина, могилы моих предков, мой язык, поэтому гражданином мира я себя тоже не чувствую. Венеция мне нравится еще и тем, что я создал себе здесь на старости лет какой-то виртуальный, воображаемый мир, в котором и живу, соотносясь с другими мирами, с тем, что происходит в Америке, Китае, Африке, у вас – через книги, через общение с милыми мне людьми, через путешествия.

– Не гневайтесь на меня за бестактность, но вы, дорогой Витторио, и в самом деле дожили, слава богу, до крутых лет. Так вот, есть ли у вас какие-то правила жизни, которыми вы могли бы поделиться с другими? С высоты, так сказать этих лет?

– Если хотите, одного правила я придерживаюсь: не надо делать того, что противно твоему внутреннему импульсу, даже если это тебе выгодно. Конечно, можно ошибиться, но и ошибки, если они чистосердечные, могут иметь положительное значение и становятся частью твоего формирования. Надо к людям относиться с пониманием. И с любовью к некоторым из них, к тем, с которыми, по твоему выбору и по воле судьбы, ты будешь жить свою жизнь. Я избегаю громких слов, таких как счастье, например. Надо делать свое дело, и все. Остальное – суета сует. Иногда это обрекает тебя на одиночество, но это не беда, а только предпосылка к настоящему общению. Я живу так, как будто кто-то другой живет во мне и диктует мое поведение, но отвечаю за все я сам.

Вячеслав Вс. Ива́нов

Ужасно, что даже катастрофы типа украинской все-таки, получается, недостаточно[1]

Дело в том, что я хоть и писатель, но человек, в обшем-то, обыкновенный, получивший свое единственное образование в Московском геологоразведочном институте им. С. Орджоникидзе.

А Вячеслав Всеволодович Ива́нов, которому в августе этого, 2014 года, исполнилось, представьте себе, 85 лет, — человек ученый, является действуюшим и почетным академиком множества академий, профессором российских и зарубежных университетов, директором Института мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ, лауреатом Государственной и Ленинской (была и такая!) премий и прочая, и прочая, и прочая.

Вот отчего я очень доволен и горд, что он, занятый с утра до ночи, милостиво согласился встретиться и побеседовать со мной и с нами. Как это водится на Руси, о самом главном, хотя и неизвестно о чем.

Лингвист, семиотик, антрополог, литературовед, поэт, переводчик.

Запросто знался с гениями века — старшим Капицей, академиком Сахаровым, Борисом Пастернаком, чье имя послужило причиной того, что юного Иванова вышибли в 1958 году из профессуры Московского университета за то, что он, социально близкий советскому истеблишменту сын советского писателя-орденоносца, не предал создателя «Доктора Живаго», которого знал с детства.

*Всемирно известный исследователь индоевропейского праязыка и индоевропейской общности, автор книг «*Очерки

[1] Интервью Евгения Попова с Вяч. Вс. Ивановым. 2014 год.

по истории семиотики в СССР», «Лингвистика третьего тысячелетия», «Наука о человеке: введение в современную антропологию», сотен статей и переводов на русский не только с английского, польского или франиузского, но и с самых экзотических языков планеты, порой давным-давно исчезнувших.

Женатый на дочке литературной диссидентки Раисы Орловой талантливой Светлане Орловой. Без которой он, как народ в известной фразе Андрея Платонова, был бы «неполный».

Депутат перестроечного Верховного Совета последнего в СССР созыва.

Искусный лектор, собирающий огромные аудитории, где публика, в том числе и совсем зеленая молодежь, слушает его, затаив дыхание, прерываясь лишь для аплодисментов и тем самым опровергая вранье о якобы вдруг накатившей на нас бездуховности.

Выдающийся эрудит и исследователь, принадлежащий к крайне ограниченному кругу научной мировой элиты.

Смешно, но этого последнего энциклопедиста нашего времени, высоколобого мыслителя и мудреца, советская-постсоветская литературная тусовка отчего-то повадилась заглазно именовать детским семейным прозвищем Кома, очевидно, подчеркивая, что он такой же, что он — свой, «из них». «Кома Иванов» — это сочетание я услышал лет тридцать с лишним назад от какого-то советского «образованщика», прежде чем писатель Лев Зиновьевич Копелев познакомил нас.

Такой же, да не такой, свой, да не свой. И уж во всяком случае, не «из них», а из других, живущих одновременно и на Земле, и «поверх барьеров».

Не скрою, что мне очень интересен Вячеслав Всеволодович Иванов. Равно как и его отец Всеволод Вячеславович, выдающийся, недооцененный писатель, несостоявшийся «русский Джойс», которого убогие большевики заставили

осудить его же собственную раннюю прозу, включая ненапечатанные романы «У» и «Кремль», увидевшие свет через много лет после его смерти в 1963 году. Но который и при тоталитаризме обладал внутренней свободой.

Вячеслав ИВАНОВ: Что отец безусловно во мне определил — это отношение к науке и широту взгляда на мир. В отце ведь очень много оставалось от юношеского увлечения буддизмом, когда он в молодости занимался йогой, был факиром, бродил по азиатской части России, выступал в цирке. Перед той, Второй мировой войной, примерно от моих шести до девяти-десяти лет я болел тем, что тогда именовалось костным туберкулезом. Мне велели два года неподвижно лежать, и еще два года я ходил на костылях. И все эти четыре года он снабжал меня книгами из своей огромной библиотеки, совершенно не обращая внимания на мой возраст…

Евгений ПОПОВ: Я читал, что он, сибиряк, попавший в столицу благодаря Максиму Горькому, открыл, что и в самой Москве существует множество диалектов. Не от него ли перешла к вам страсть к языкам? Думаю, что все это, включая широту взглядов, унаследованные вами свойства сибирской личности. Я где-то прочитал, что ваша прапрапра… была чуть ли не казашкой.

Вяч. И.: Не «чуть ли», а казашкой. Польский каторжанин, попавший в Сибирь после восстания 1860 года, отбыл свой срок и женился на казахской женщине. Мой отец в детстве знал казахский, писал на этом языке стихи.

Е. П.: А у меня в совсем дальних предках числятся кеты, древний енисейский народ, который вы изучали. Кетов осталось на земле 1498 человек, включая меня, мою сестру, племянницу и сына Василия. Говорят, что мы, кеты, являемся потомками североамериканских индейцев…

Вяч. И.: …Когда мне было лет десять, он принес мне из своей огромной библиотеки две книжки британского астрофизика Джеймса Джинса в русском переводе: «Вселенная вокруг нас» и «Движение миров». Он был совершенно уверен, что я все это

пойму. Сам он, как вы, наверное, знаете, окончил всего четыре класса и все остальные свои знания добыл сам. Занимался, например, высшей математикой, чтобы понять Эйнштейна. Я помню, как он прибежал ко мне в 1936 году с «Литературным Ленинградом», где была публикация стихов Заболоцкого. Он считал, что мне, мальчику, нужно, необходимо знать эти стихи…

Е. П.: Это – 1936-й. А в 1938-м Заболоцкий уже сидит! Сколько сюжетов дал тоталитаризм, не меньше, чем нынешний авторитаризм дает. Цветной, цветной окружаюший нас мир, не черно-белый. Черно-белый он только для идиотов.

Вяч. И.: Был такой поэт и переводчик Николай Стефанович, о котором я узнал от Пастернака.Он писал сценические стихи для театра Вахтангова и дежурил там, когда в театр попала бомба. Стефанович пролежал некоторое время под обломками, остался инвалидом и, скорее всего, немножко сошел с ума. А дело было так. Пастернак время от времени давал мне стихи из того потока, который получал, чтобы я отметил, есть ли что-либо стоящее. Мне стихи Стефановича понравились, о чем я и сказал Пастернаку. И Пастернаку они понравились. Сестра этого Стефановича потом познакомилась с Борисом Леонидовичем и перепечатывала части «Доктора Живаго». То есть, получается, они, благодаря мне, все же вошли хоть и не в близкий, но круг Пастернака. И что я узнаю много лет спустя? Вы помните историю создания «Розы мира» Даниила Андреева, книги, которую он начал писать во владимирской тюрьме? А попал он туда в результате чудовищного доноса, написанного, как позже выяснилось… Стефановичем, который в 1947 году заложил и Даниила, и всю его компанию. И мой друг Давид Самойлов, Дэзик, попал в очень тяжелую историю после конца советской власти, согласившись вести вечер этого Стефановича, хорошего, как он полагал, поэта, переводчика, чьи стихи всем нравились. Самое ужасное, что Стефанович действительно был талантливым поэтом. А то, что он отправил в лагеря множество народу, Самойлову рассказали перед самым началом вечера оставшиеся в живых бывшие лагерники.

Е. П.: Славная у нас история! Одна на всех и у каждого своя. Вот возьмем литературную группу «Серапионовы

братья». Зощенко, Каверин, Федин, Всеволод Иванов. Судьбы всех известны, и я часто думал: ну как же, каким чудом Всеволоду Иванову удалось удержаться? С одной стороны, не погибнуть, как Бабель и Пильняк, а с другой, уж извините за грубость, но нет пока в русском языке более точного глагола — не ссучиться? Я читал, что Сталина настолько восхитила патологическая, зверская жестокость потрясающего, но практически антисоветского раннего рассказа Всеволода Иванова «Дите», что этот Вождь Всея Большевиков при первой их встрече подарил ему в знак приязни две бутылки грузинского вина.

Вяч. И.: В двадцатые годы отец лично знал практически всю головку того времени. Но к политике, интригам среди власть имущих он относился с какой-то брезгливостью. Карл Радек рассказал ему и Пильняку подробности того, как Сталин убил Фрунзе, и Пильняк написал об этом «Повесть о непогашенной луне». Отец предупреждал его, что это добром не кончится, что не надо вмешиваться в ИХ дела. Но Пильняк ему надменно возразил: «ОНИ мне ничего не смогут сделать». Такой уверенности у отца не было. Да, он знаменитость, его знают во всем мире, но ОНИ влюбой момент с ним поступят как хотят.

Сталин хотел написать предисловие к папиному сборнику «Дыхание пустыни», но ему передали слова отца о том, что он не любит предисловий вообще, а в особенности когда их пишут политические деятели. Сталин, конечно же, обиделся, но стерпел. «Всё себе на уме», — дважды высказался он об отце. Что вкладывал он тогда в эти слова? Я понимаю это так, что еще шла борьба с оппозицией и Сталин на свой лад решил, что Всеволод Иванов очень хитрый, выжидает, кто победит, вот почему ему и не нужно сталинского предисловия. И он это оценил, я думаю, как политик и восточный человек, положительно.

Е. П.: Ваш отец был прав. Подальше, подальше нужно от них держаться — от начальства, от политиков, вообще от власть имущих. Ну их всех к бесу!

Вяч. И.: А вообще он был очень осторожен. Первые сто страниц романа «У» дал Фадееву, и тот, прочитав, сказал ему:

«Всеволод, этого печатать нельзя. Я тебя очень прошу никогда и никому больше это не показывать». И отец его послушался. Не возвращался к этому роману вплоть до смерти Сталина и до Двадцатого съезда КПСС. Когда действительно наступило относительное время свободы, получившее название «оттепель».

Е. П.: Почему же именно тогда власть ополчилась на «миролюбивого» Пастернака? Для чего им это нужно было?

Вяч. И.: Я думаю, что, во-первых, более крупного явления в литературе, чем Пастернак, тогда не было, а во-вторых, он единственный, кто решился противопоставить себя всей литературной партийной машине. Это была оборона преуспевающих тогда советских писателей типа Суркова от Пастернака, и это они внушили Суслову и Хрущеву, что Пастернак опасен для государства.

Е. П.: Я тоже так думаю. Всегда — и раньше, и теперь — во всем винят власть, диктаторов, гэбуху, Кремль, а как чего ни коснись, получается, что свои же коллеги — мерзавцы почище всякой Лубянки. Хрущева на абстракционистов науськали! Даниила Андреева не Берия посадил, и Андрею Макаревичу не лично Путин концерты отменял, и наш «Метрополь» не Брежнев разогнал, а литературный критик и падший либерал Феликс Кузнецов со товарищи.

Я вам честно скажу, что чем дальше живу, тем меньше понимаю, как ТОЧНО Художник должен вести себя по отношению к власти. Одно знаю, место писателя — за столом, а художника — перед мольбертом. А не на баррикадах, в концлагере или в эмиграции, откуда ему нет возврата.

Вяч. И.: Правильно. Но одновременно нужно понимать, что Художник не должен бояться ничего, в том числе и диктата собственной натуры. «Осмотрительный» Всеволод Иванов однажды в доме Горького выбил рюмку из рук всесильного гэбэшника Генриха Ягоды и сказал: «Я с тобой, палач, чокаться не стану».

Е. П.: Извините, вы где-то писали, что во время дружбы с Есениным ваш отец очень много пил. Это не было поступком пьяного человека?

Вяч. И.: Отец был нетрезв, конечно. В трезвом виде он был очень молчалив и не очень склонен к общению. Но он обладал взрывчатым характером. Однажды Дзержинский прислал ему огромный пакет с доносами на него, собранными за полгода, и отец на глазах лубянского курьера не читая бросил этот пакет в горящий камин. Он не хотел в этом копаться.

Е. П.: Такой благородный поступок сейчас редко кто может себе позволить… Мне кажется, мир сейчас постепенно погружается в первобытную дикость, что мы наглядно можем лицезреть В или НА Украине. Первобытная дикость — это когда мгновенно слетает лоск цивилизации и человек начинает рычать, вонять, душить и резать себе подобных. Как будто мы живем не среди гаджетов, а среди сплошных гадов из жутких повестей и рассказов вашего отца времен Гражданской войны. Или являемся зрителями, а то и персонажами КРЕАТИВНОГО спектакля-буфф «Кровавая свадьба в Малиновке».

Вяч. И.: Человечество последнее время делает целый ряд самых ужасных глупостей. Я участвовал в разных попытках эту ситуацию переломить, в частности, был позван в 1994-м на одно собрание экспертов ООН, где мы готовили предложения по очередной встрече в верхах, когда в Копенгаген на следующий год должны были приехать Ельцин и Клинтон. Мы писали о том, что сытые страны, включая Россию, должны помочь голодным, неразвитым странам так называемого третьего мира. Никакой «встречи в верхах» не произошло, оба президента не приехали, две главные мировые державы сорвали попытку решения этого вопроса. Люди, которые догадываются, что ужасный конец возможен, в каком-то количестве есть, но нас во всем мире настолько мало, что это все несерьезно, и мы массово никого убедить не сможем.

Е. П.: Многие сейчас толкуют про наступление ЭРЫ ВОДОЛЕЯ и НЬЮ-ЭЙДЖ, когда на смену ЭРЕ РЫБ, ассоциируемой с христианством, приходит новая эпоха, гораздо более «продвинутая», опирающаяся на самые современные научные достижения, и что ждут нас «великие преобразования» духовного, ментального и технологического состояния человеческого социума и отдельного человека. Может, мы действительно

стоим на каком-то неведомом пороге и рецидивы «первобытной дикости» и язычества в мире интернета и наночастиц, торжество шарлатанов, неучей, жуликов и дураков всего лишь сгущение тьмы перед рассветом? Вы ведь наверняка беседовали на эту тему с умнейшими людьми XX столетия.

Вяч. И.: Если все-таки удастся сохраниться всему человечеству, то шанс на «рассвет» есть. Возможно, это утопия, но и Андрею Дмитриевичу Сахарову, и мне казалось, что нужно срочно создавать то, что условно именуется «мировым правительством». Для того, чтобы попытаться организовать весь мир на разумных началах. Для этого, конечно же, нужно иметь некоторое, грубо говоря, вероучение. Мне кажется не очень серьезным, когда отдельные ученые начинают говорить, что наука всегда противоречит религии. Хотя, конечно же, религия в ее старых формах безнадежно, на мой взгляд, устарела. Вы подумайте, во множестве храмов служба до сих пор идет на старославянском языке. Получается, что язык, на котором с людьми говорят о самых серьезных в мире вещах, мало кто понимает. Я не исключаю вероятности гибели человечества, которую потом, может быть, удастся остановить. Но в итоге все-таки если человечество спасется и останется, то оно, конечно же, будет другим. В этом я уверен.

Е. П.: Мне кажется, дело еще и в том, что общество потребления, каковым является и наша Россия, и даже «голодающие» страны, это глобальное общество уже обожралось, извините еще раз за очередное грубое выражение в нашей ученой беседе. В мире уже никто не голодает в прямом смысле этого слова, как во время советского голодомора или как в романе Гамсуна. Чуть что, сразу же неизвестно откуда появляется «гуманитарный конвой». И вот общество от скуки начинает чудить. Отсюда все эти гримасы политкорректности и утверждение в общественном мнении абсурдных истин. Например, то, что борьба с наркоманией или экстремизмом — это нарушение прав человека, а плясать и пукать в церкви — угодно Господу. Мне кажется, это против природы натурального биологического человека.

Вяч. И.: Я думаю, что другого пути, чем освоение космического пространства, у человечества для спасения нет, однако

нынешняя наша цивилизаuия на это не способна. Мы что, счеты между Россией и Украиной будем решать на Луне? Мой знакомый, замечательный английский астрофизик Мартин Риз, носящий титул «астроном Её Величества», считает, что мы настолько близки к тому, чтобы окончательно испортить Землю, что пора, давно пора осваивать и Луну, и Марс.

Е. П.: Совершенно русское мышление у «английского астрофизика», как при древнем экстенсивном земледелии! Одно место испакостили, пространства много, можно двигаться дальше. Так и космос можно превратить в земной ад. Впрочем, вы правы, всерьез об этом думают, пожалуй, лишь единицы. Остальные, в том числе и я, просто живут на Земле и, возможно, катятся к пропасти.

Вяч. И.: Причем с большим ускорением. И вот вопрос для литературы и искусства — как крикнуть об этом, чтобы люди тебя услышали?

Е. П.: Это существенный вопрос, но ведь не раз уж кричали «Волки! Волки!», как в притче Льва Толстого. А русская пословица гласит: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Или пока этого мужика жареный петух в известное место не клюнет, согласно другой поговорке.

Вяч. И.: Да, это ужасно, что даже катастрофы типа украинской все-таки, получается, недостаточно. Многие продолжают жить, как будто ничего не происходит.

Е. П.: А что происходит? У меня такое ощущение, что это взрослые дяди-политики соревнуются, как дети, кто выше на забор написает. Вместо того чтобы возопить: «Да уж не снится ль нам этот кровавый бред? Давайте быстро-быстро отбросим все амбиции и немедленно прекратим это позорище!» Лично мне не важно, кто это начал, мне важно, кто это сумеет закончить...

Вяч. И.: Здесь возникает проблема второго пришествия. Тот, кто попытается заново высказать миру какие-то новые истины, скорей всего, снова будет распят. Вам не попадался роман

Варгаса Льосы «Война конца света», сделанный на документальном материале? Там описано, как на севере Бразилии в конце XIX века появился бродячий проповедник, которого крестьяне сочли новым Христом, а власти уничтожили вместе с его новыми апостолами, записывавшими за ним.

Е. П.: Вы говорили мне, что человек разумный появился на Земле в своем современном виде примерно двести тысяч лет назад. Не важно, кто был автором этого эксперимента — Господь Бог, Высший Разум, космические пришельцы. Важно другое — это конец эксперимента или переход человечества в иное состояние, на другом «ленинском» витке?

Вяч. И.: А что, если наш эксперимент не единственный? Физики и математики убеждают нас, что есть другие миры. А что, если в этих мирах тоже ставятся подобные эксперименты? Вдруг есть еще несколько попыток создать где-либо разумную жизнь? Допустим, у нас на Земле дело плохо идет, а где-то у других наших конкурентов результаты на этой Олимпиаде лучше. Значит, если есть Всемирный Разум, то что ему прикажете сделать? Совсем нас уничтожить или попытаться направить нас на более разумный путь? Так вот, этих попыток НАПРАВИТЬ в истории живой природы уже было на Земле около пяти. Например, многие исследователи связывают вымирание динозавров с падением гигантского метеорита, оставившего на Земле колоссальную вмятину в виде Мексиканского залива. Пять раз на Земле в результате различных катаклизмов вымирала большая часть всего живого, отчего непременно возникает мысль о НАПРАВЛЕННОМ развитии жизни на Земле еще до появления на ней человека. Скажем, если бы не погибли динозавры, люди не могли бы появиться. Такое ощущение, что Кювье с его теорией катастроф был ближе к истине, чем сторонники плавной эволюции. Не хочется говорить ужасные вещи, но одна из возможностей заключается в том, что если Высший Разум примет решение, что надо не полностью нас уничтожить, а направить на другой путь, то им могут быть приняты энергичные меры. Например, допущена атомная война, которая уничтожит большую часть человечества, даст очень большую радиацию, в результате которой появятся мутанты, которые, возможно, будут отчасти гениями, но могут оказаться и полными дегенератами.

Е. П.: И «все опять повторится сначала», как поется в советской песне на слова К. Ваншенкина, музыка Э. Колмановского. Ладно, как в подобных случаях говорил Джеймс Джойс: «Мы не можем сменить родину, давайте сменим тему». Вы свободно владеете всеми европейскими языками, понимаете порядка ста языков самых экзотических, вроде упомянутого кетского, на котором мне не произнести ни слова. Поэтому скажите, что творится с речью человеческой?

В. И.: Во всем мире происходит грандиозное умирание языков. Сейчас их в мире шесть тысяч, но в ближайшее время останется только шестьсот. И каждый из оставшихся языков будет вынужден обслуживать гораздо большее количество людей. Изменения типа заимствований иностранных слов — это пустяки для языка. Один математик, мой хороший знакомый, сделал интересную работу, которая подтверждает старую мысль, высказанную еще великим лингвистом Поливановым. Что, возможно, главным биологическим фактором, который сильно меняет язык, является человеческая лень. Мы, например, ленимся говорить полные слова. Вместо того чтобы сказать нормальным образом Комитет государственной безопасности, мы говорим КГБ. Такой ерундой мы засорили русский язык гораздо больше, чем английскими словами. Число этих сокращений сейчас совершенно фантастическое, и все их запомнить просто невозможно. Это происходит и в других языках, и все это — проявление человеческой лени. Мы ленимся использовать довольно большое языковое наследство, которое получили. Культура, конечно, перегружена. Мы знаем огромное количество слов. Но часто не знаем, что эти слова означают. Многие говорят, что это ужасно, когда исчезают языки, что каждый язык — это оригинальный способ видеть мир, но я с этим не согласен. В Дагестане, например, сорок языков, некоторые в одном ауле на разных языках говорят. Какой здесь смысл? Но вопрос этот тонкий, как понятие демократии. Я считаю, что человечество способно придумать один хороший общий язык для общения, но этим нужно серьезно заниматься…

Е. П.: Есть же уже общий язык, эсперанто?

Вяч. И.: Эсперанто — чисто европейская, во многом дилетантическая выдумка, создатель его не был специалистом. К сожалению, общий язык тоже тема будущего.

Е. П.: Да, интересно. Один из ваших учеников заметил, что все, сказанное вами, сначала кажется невероятным, а потом сбывается. Отнеситесь к этому как к шутке, но у вас есть какие-нибудь прогнозы или вы боитесь их? На сто лет, на десять, на пять, на год?

Вяч. И.: Мой прогноз в принципе таков, что в ближайшее время большой катастрофы не будет. Мне кажется, что в течение ближайших десяти-двадцати лет в разных странах, в том числе и в России, произойдут изменения, которые сделают для человечества возможной попытку еще немножко пожить… ну, примерно, как прежде, привычно развиваясь в том же направлении, что всегда. Но это именно десять-двадцать лет, а к концу XXI века, может быть в начале века будущего, я все-таки жду этих очень больших перемен. Или совсем катастрофических, или — ну, не знаю — упомянутого «второго пришествия». В кавычках, потому что в культуре, религии, философии может появиться нечто такое, что вразумит большое количество запутавшихся людей. Ведь когда Христос появился, никто не думал, что это так серьезно.

Е. П.: «Беспардонное торжество невежества» — это ваша фраза. И где опора, если мир в этом новом невежестве погряз?

Вяч. И.: Понимаете, на самом деле не нужно, чтобы весь мир был просвещенным. Нужно, чтобы некоторое количество людей знали и могли, а другие бы им не мешали. И не нужно бояться испытаний. Если человек все время благополучен, то мало надежды, что из него что-нибудь путное получится.

Хроники Итаки

Андреас Буллер

Чуждость как культурный феномен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная статья была написана до того поворотного момента Новейшей истории, каковым стало 24 февраля 2022 года — начало российско-украинской войны. По этой причине она, однако, не перестала быть актуальной. Нет, скорее, наоборот. Ещё в 2021 году я обратил внимание на опасность таких провокационных понятий как «русофобия», которые, как я предполагал, легко могут быть превращены в средство идеологической войны. Понятие «русофобия» действительно стало агрессивным средством мерзкой войны, которую путинская Россия ведёт против свободного мира.

Кроме того, в своей статье я стремился выяснить причины культурного отчуждения близких друг другу народов, указывая при этом на абсолютный приоритет универсальных общечеловеческих ценностей. Но именно универсальные этические законы и нормы грубо отвергаются российскими политиками, которые выступают в роли защитников т. н. «традиционных ценностей». Я имею здесь в виду прежде всего российского президента и его окружение — самоназванных «экспертов» в области как исторической науки, так и практической философии. Эти псевдоспециалисты не обладают и элементарнейшими знаниями в вышеназванных научных дисциплинах, которые они агрессивно инструментализируют в своих политических целях. Этика и история — две дисциплины, которые нагло используются российскими политиками в безнравственных целях. Значительную поддержку они при этом получают от целого ряда российских учёных, для которых «независимая наука» и «объективное знание» являются ничего не значащими понятиями. Аморальный симбиоз безнравственной науки и невежественной политики разрушил моральные основы российского общества, поставив мир на грань мировой войны. Не последнюю роль в развязывании этой войны сыграло чувство чуждости, которое я попытаюсь описать с помощью метафоры зеркального отражения.

Бросая взгляд в зеркало, человек видит в нём своё «Я», которое, однако, отделилось и обособилось от него, ибо его зер-

кальное «Я» стоит напротив него. В зеркале человек является самому себе отчуждённым — он критически оценивает своё «Я», не отрывая глаз от него и внимательно рассматривая его. Подобный критический взгляд человек бросает только на самого себя. Но именно таким зеркальным отображением нашего «Я» и является феномен чуждость, к которому человек относится довольно критически, не осознавая того, что образ «Чужого» / «Другого» является и его зеркальным образом.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Внимательный читатель, пожалуй, заметил, что не только в российской политической, но и в российской научной среде часто стало употребляться слово «русофобия». Слово, которое я в советское время практически не слышал, стало сегодня в российских научных кругах салонным понятием. Здесь можно было бы провести исторические параллели, вспомнив о слове «антисоветизм». Но речь в данном случае идёт всё-таки о различных понятиях, ибо слово «антисоветизм» базируется не на этнической, а идеологической чужеродности или враждебности. «Антисоветизм» и «антиамериканизм» являются системными, а потому близкими по смыслу понятиями, чего мы о слове «русофобия» сказать не можем.

Как проживший в Германии большую часть своей жизни человек я задаю себе вопрос, существует ли немецкий аналог понятию «русофобия»? Немецкий аналог этому понятию, несомненно, существует, хотя и применяется довольно редко. Речь идёт о понятии «Deutschfeindlichkeit» («германофобия» или «вражда к немцам»), а также выражениях «Deutschenhass» («ненависть к немцам») и «Antigermanismus». Но немецкие специалисты употребляют вышеназванные категории чрезвычайно редко. Мне во всяком случае не удалось найти ни одной актуальной публикации, в которой речь шла бы о вражде к немцам. Да, на тему «Deutschfeindlichkeit» писали нацистские историки, а до них — некоторые националистически ориентированные историки Веймарской республики и Кайзеровской Германии, однако, современные немецкие учёные, в отличие от российских историков и философов, принципиально отказываются употреблять подобные выражения. Почему? Потому что понятие «вражда к немцам» является в высокой степени политизированным понятием.

В Германии оно используется в качестве «инструмента» как политической, так и идеологической борьбы. По этой причине немецкие специалисты обозначают это, а также близкие ему по значению понятия, как «Kampfbegriffe» (Kampf — «борьба» и Begriff — «понятие»), видя в них «инструменты борьбы», которые используются прежде всего в националистических, правоэкстремистских и популистских кругах. Привносить эти понятия в науку означало бы солидаризироваться с сомнительными кругами и их воззрениями.

Упомяну здесь тот факт, что иногда понятие «Deutschfeindlichkeit» применяется в современных политических дискуссиях. Так, например, известная немецкая газета использовала это понятие, обсуждая проблему насилия в немецких школах детей-мигрантов по отношению к немецким школьникам[1]. В целом, однако, подобные выражения не применяются ни немецкими политиками, ни немецкими учёными. Внимательный взгляд в прошлое может нам объяснить — почему? Опыт прошлого демонстрирует наглядно, что потребность в подобных понятиях возникает лишь там и тогда, где и когда государства или общества воспринимали себя находящимися во враждебном и опасном окружении. Однако первопричину страха и враждебности по отношению к «Другому» / «Чужому» необходимо искать, всё-таки, не во внешних, а во внутренних факторах, а точнее, в глубинных человеческих инстинктах. Именно эти инстинкты используются недобросовестными политиками, которые пытаются разжечь вражду к «Другим» / «Чужим». Большое мастерство в этом деле проявили нацисты, которые стремились изобразить всю историю немецкого народа как непрерывную борьбу с окружающими Германию врагами. В основе нацистской идеологии находился образ единого коллективного «Мы», которому, якобы, угрожают «Чужие» / «Другие». Причём, «вражеские» или «чуждые немецкой расе элементы» нацисты обнаружили не только вне своей страны, но и внутри самого немецкого общества. К подобным — «вражеским» — элементам принадлежали немецкие евреи, коммунисты и социал-демократы. Но это было в прошлом столетии.

[1] См.: Mönch, Regina. Das Schweigen der Schulen über Deutschfeindlichkeit (Молчание школ о вражде к немцам). Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 15.10.2010. URL: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/integration/rassismus-das-schweigen-der-schulen-ueber-deutschenfeindlichkeit-11056390.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2

В XXI столетии во враждебном окружении Запада и НАТО почувствовала себя путинская Россия. Запад даже не подозревал, что он кому-то угрожает. Он бы и дальше жил своей спокойной, размеренной и скучной жизнью, если бы на города и сёла Украины не обрушились российские бомбы и ракеты. Самая большая по площади страна в мире, следуя примеру нацистов, стала захватывать соседние территории, угрожая миру ядерным оружием. Символом российской агрессии стал знак Z, внешне напоминающий собой обломок свастики, что не является случайностью. Ведь как аргументы, так и действия российского руководства являются, по сути, «обломками» трагичных времён, которые рано или поздно, я не сомневаюсь, неизбежно приведут и нас к миру. Разгром нацистской Германии подтверждает это наглядно.

Примечательно, что если немецкий фашизм своими врагами считал практически всех своих соседей, обвиняя их во «вражде к немцам», то в переживающей «экономическое чудо» послевоенной Германии разговоры о «вражде к немцам» немедленно прекратились. В условиях экономического подъёма и растущего благосостояния потребности поощрять распространение «фобий», как правило, не возникает. Подобное стремление испытывают только склонные к тоталитаризму и испытывающие кризисные явления общества.

В нашем современном языке «фобия» (от древнегреч. Φόβος — «страх») обозначает не только страх, но и прямую враждебность по отношению к самым различным группам общества — мусульманам, славянам, представителям сексуальных меньшинств. Отсюда идут термины — исламофобия, славянофобия, гомофобия и т. д. Исследованием различных форм «фобий» занялись в своё время в рамках своего многолетнего проекта «Menschenbezogene Gruppenfeindlichkeit» («групповая враждебность») специалисты университета Билефельда[2]. Их исследование является образцовым в том смысле, что оно пытается раскрыть универсальные механизмы проявления враждебности одних групп людей по отношению к другим. Эти универсальные механизмы, без всякого сомнения, действовали и в истории, которая, кроме русофобии, знает, разумеется, и другие формы враждебности одних групп людей по отношению к другим группам. Здесь можно приве-

[2] См. многолетний исследовательский проект университета Билефельд «Gruppenbezogene Menscheinfeindilchkeit». URL: https://pub.uni-bielefeld.de/project/P439

сти пример «немецко-французской вражды», которую немцы, по причине её длительного характера, называли «наследственной» («Erbfeindschaft»). Но что сегодня от неё осталось?

Чувство враждебности к чужому обозначают общим понятием ксенофобия (от греч. ξενοφοβία — «страх перед чужим», от ξένος — «чужой» и φοβία — «страх»). Ксенофобия известна человеку с древнейших времён. Она проявляла и проявляет себя в самых различных формах. В основе ксенофобии, независимо от того, в какой форме она себя проявляет, лежит феномен чуждости. Для того, чтобы понять причины ксенофобии, нам необходимо обратиться к анализу феномена «чуждость».

ЧТО ЕСТЬ ЧУЖДОСТЬ?

В лексиконе по исторической антропологии в статье «Чужой»[3] мы найдём указание на то, что тот, кто является «чужим» для одного человека, не является автоматически «чужим» для другого, ибо чуждость есть продукт субъективного восприятия[4]. С этим утверждением, думаю, согласится большинство специалистов. Да, «Свой» и «Чужой» это, несомненно, зависимые друг от друга понятия, но в то же время и такие категории, которые всегда конституируются из конкретной перспективы, позволяющей воспринимать нам «Другого» как «своего» или «чужого». Отсюда следует вывод, что нет и не может быть *чужого* без *своего*, точно так же, как, например, нет и не может быть левой стороны без правой. «Свой» и «Чужой» являются реляционными категориями, которые не в состоянии существовать независимо друг друга[5], констатирует Даниель Зольбергер. Чуждость, таким образом, есть не внешнее качество, а продукт *моего* восприятия. По этой причине, кстати, *никто никогда не делает самого себя «чужим», а становится таковым в глазах другого.*

В этом элементарном факте лежит ключевая проблема чуждости, которая, по сути, является *чужой* печатью или же *чу-*

[3] Wimmer, Michael. Fremde. In: Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie. Christoph Wulf, Christoph [Hrsg.]: Weinheim/Basel/Beltz 1997. S. 1066–1078.

[4] Ebd. S. 1067.

[5] Sollberger, Daniel. Das Eigene und das Fremde — mehr als eine Begriffsbestimmung. In: Sollberger Daniel / Boehlke, Erik / Kobbé, Ulrich (Hrsg.). Das Eigene und das Fremde. Lengerich, 2017. S. 16.

жим клеймом, избавить от которого человека может только тот, кто это клеймо на него наложил. Несмотря на то, что чуждость является субъективным чувством, она, тем не менее, обладает общими или универсальными чертами, ибо «чуждым» для любого человека в любой ситуации является, как правило, нечто необычное, непонятное, незнакомое, необъяснимое, подозрительное или же опасное и враждебное. По этой причине акт восприятия чужого или чуждого сопровождают, как правило, такие чувства как насторожённость, недоверие, удивление или изумление. В тот момент, когда я сталкиваюсь с «Другим» / «Чужим», окружающий мир теряет в моих глазах свои чёткие очертания и перестаёт быть для меня естественным и понятным. В этом случае я вижу мир как бы через затуманенные очки[6], утверждает Зольбергер. Более того, (по)явление подозрительного чужого лишает меня спокойствия и равновесия. Шеллинг в своё время характеризовал подобное состояние как «подавление разума непостижимым бытием». Поражённый явлением «Чужого» разум находится в «неподвижном, застывшем и, практически, шоковом состоянии»[7], пишет он.

Что интересно, чужое, несмотря на всю свою чуждость и инаковость, всегда должно содержать в себе знакомые нам элементы, а иначе оно осталось бы для нас абсолютно недоступным. Очень хорошо по этому поводу высказался Вильгельм Дильтей, заметивший, что «интерпретация была бы невозможна, если бы «выражения жизни» были нам абсолютно чужды. Но в ней не было бы необходимости и тогда, если бы эти выражения не содержали в себе ничего чуждого» («Die Auslegung wäre unmöglich, wenn die Lebensäußerungen gänzlich fremd wären. Sie wäre unnötig, wenn ihnen nichts fremd wäre»[8]). В феномене чуждости, таким образом, с необходимостью присутствует как знакомое, так и незнакомое. Для того, чтобы поразиться необычному, мы должны иметь представление об «обычном» или, другими словами: наличие инаковости предполагает представление

[6] Sollberger, Daniel. Das Eigene und das Fremde. S. 15.

[7] Schelling, F.W.J. Philosophie der Offenbarung. Sämmtliche Werke. Hg. KFA Schelling. Bd. XIII. Stuttgart: 1856-1861. S. 162. Все переводы цитируемых здесь немецких текстов сделаны автором статьи.

[8] Dilthey W. Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation. Gesammelte Schriften. Stuttgart/Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979, Bd. VII. S. 225.

об одинаковости. Дильтей увидел в чуждости герменевтическую проблему. Встреча с чужим языком немедленно подтверждает его правоту, ибо даже и абсолютно чужой для нас язык всегда содержит в себе нечто для нас знакомое — мы улавливаем в нём знакомые тона, которые имеются и в нашем языке; мы слышим знакомую интонацию; мы узнаём отдельные слова, как, например слово «варвар», которое имеется в различных языках (barbarian, Barbar, Bárbaro, barbare). К понятию «варвар» мы ещё вернёмся, а сейчас замечу, что специфика человеческой чуждости заключается в том, что она базируется прежде всего на культурных, а не биологических различиях, а потому отличается от той чуждости, которую испытывают животные. Также животные в состоянии различать между «своими» и «чужими», но они делают это на основе не культурных, а биологических признаков (запах, внешний вид, поведение и т. д.).

Парадокс, однако, заключается в том, что нам иногда легче объяснить биологические, но не культурные различия, что подтверждают конкретные примеры из истории. Как известно, в период между 90—40 тыс. лет назад находящийся в процессе своего окончательного становления Homo sapiens sapiens вынужден был сосуществовать с Homo neanderthalensis. Между этими гоминидами имелись, как это зафиксировали в своём исследовании специалисты института эволюционной антропологии общества Макса Планка в Лейпциге, генетически зафиксированные связи. Об этих связях свидетельствует тот факт, что у каждой третьей европейской женщины есть унаследованная от неандертальцев мутация в половых гормонах (рецептор прогестерона), которая ведёт к более благоприятному развитию беременности и таким образом значительно редуцирует количество выкидышей[9]. Вышеназванный факт эмпирически подтверждает наличие сексуальных контактов между современным человеком и неандертальцем, которые, несмотря на биологические различия, обладали всё-таки близкими культурами (занимались охотой и изготовляли орудия труда).

А теперь давайте перенесёмся в Западную Германию середины XX столетия, в которой католики и протестанты не имели

[9] Zeberg, Hugo / Kelso, Janet / Pääbo, Svante. The Neandertal Progesterone Receptor. In: Molecular Biology and Evolution, 21 May 2020. URL: https://academic.oup.com/mbe/article/doi/10.1093/molbev/msaa119/5841671

возможности официально вступать в брак, потому что Католическая церковь всячески препятствовала заключению браков между крещёнными католиками и людьми других вероисповеданий, как, например, протестантами, возведя непреодолимую стену между принадлежащими одной и той же религии людьми. Лишь в 1970 году принятый Католической церковью документ о смешанных браках «*Matrimonia mixta*» несколько ослабил этот запрет. Но разве кто-то будет утверждать, что между протестантами и католиками в Германии XX столетия существовали более глубокие различия, чем между Homo sapiens sapiens и Homo neanderthalensis? Это звучит парадоксально, однако, это факт: *биологические различия не смогли воспрепятствовать сексуальному контакту между различными видами гоминидов, а вот католической религии удалось если не остановить, то в том или другом случае воспрепятствовать заключению браков между протестантами и католиками.*

Отсюда следует, что религиозные, а вместе с ними политические и социальные различия в состоянии создать глубокую пропасть между людьми одного культурного круга. Однако, это было бы недальновидным подходом, если бы мы стали осуждать Католическую церковь в консервативности и реакционности, потому что именно Католическая церковь сыграла в человеческой истории новаторскую, если не революционную роль. На этот момент особо указывает антрополог Гарвардского университета Йозеф Хенрих. В своей работе «Самые странные люди в мире. Как Запад стал психологически своеобразным и особенно процветающим»[10] он описывает ключевой эпизод европейской истории, который привёл, как он считает, не только к радикальной трансформации образа «чужого», но и к расцвету европейской цивилизации. Около двух миллионов лет назад, пишет Хенрих, древние охотники и собиратели начали жить в маленьких, основанных на взаимозависимых отношениях эгалитарных группах, которые со временем развились в разветвлённые кланы кровных родственников. Употребляя термин «клан» Хенрих имеет в виду основанные на родовых связях патриархальные общины, которые существовали как у оседлых, так и кочевых народов.

[10] Henrich, Joseph: The Weirdest People in the World. How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous. Farrar Strauss & Giroux, New York 2020.

Характерной особенностью кланов является то, что они чётко разделяют людей на «своих» и «чужих». Клановое поведение характеризуют такие черты, как групповой конформизм, экстремальная лояльность по отношению к своей группе, строгое подчинение групповым законам, беспрекословное следование авторитетам, а также подозрительность и недоверие по отношению к другим. Кланы базируются прежде всего на чётком разделении между «Своим» и «Чужим». Подобные клановые структуры практически до VI столетия н. э. определяли социальную жизнь людей и в Западной Европе, пока Католическая церковь, следуя своей собственной «программе брака и семьи», не стала их систематически разрушать. Католической церкви удалось добиться запрета родственных браков, или инцеста, которые играли исключительно важную роль в сохранении общинной собственности, и добиться таким образом радикальных изменений в традиционных правилах наследства. Эти меры привели к разрушению общинной собственности, место которой заняли семейные хозяйства. Освободив себя от «родственных сетей», а также клановой зависимости и конформизма, европейцы стали выстраивать «сети» новых, более свободных и открытых, социальных связей. На почве этих новых социальных связей в Западной Европе стал усиливаться как товарный, так и культурный обмен, стремительно расти сеть монастырей, а вместе с нею и сеть европейских городов с их рынками, гильдиями ремесленников и университетами. Эти процессы привели не только к рождению более открытого общества, но и к радикальной трансформации образа «чужого», которым теперь являлся не тот, кто находился за пределами родственного клана, а тот, кто не принадлежал «моей» религиозной или социальной группе. Феномен «чуждость» в этом случае никуда не исчез, а принял другие формы, позволив выстроить модель совершенно других, более современных, социальных отношений. Эти процессы были инициированы Католической церковью. История Католической церкви демонстрирует наглядно, что непозволительно описывать действия исторических акторов только в чёрном или же только в белом цвете, лишая их полутонов, ибо такое («чёрно-белое») описание прошлого не в состоянии отразить всю сложность происшедших процессов и событий.

Пример с Католической церковью наглядно подтверждает, что обладающие властью и влиянием структуры в состоя-

нии стратегически определить развитие социальных отношений и таким образом сыграть ключевую роль в радикальной трансформации образа «Своего» в образ «Чужого». Ярким примером подобного влияния властных структур служит инициированная большевиками «классовая борьба», в ходе которой был рождён образ нового «Чужого», которым стал «классовый враг». Вместе с новым образом «Чужого» возник и новый образ «Своего», который символизировал «трудящийся», «рабочий» или «пролетариат». Образы «Своего» и «Чужого», таким образом, постоянно менялись, деформировались и даже переходили друг в друга в зависимости от социальных условий или же экономической и политической ситуации. «Чужие» становились со временем «Своими», и наоборот.

Но вернёмся к концепции Хенриха, который, как мы видели, исходит из того, что процесс разрушения клановых или родовых структур начался в VI веке н. э. Однако, почему Хенрих игнорирует более ранний период человеческой истории, в котором античная городская культура противостояла окружающим её «варварским» племенам и народам? Я беру здесь понятие «варвар» в кавычки, ибо сегодня мало кто сомневается в том, что те же «варварские» племена и народы обладали высокоразвитой и специфической культурой. Мы коротко остановимся на понятии «варвар», ибо в нашем анализе «Чужого» / «Другого» оно играет ключевую роль.

Примечательным моментом, характеризующим такое древнее понятие как «варвар», является тот момент, что это понятие применялось не только с целью констатации различий, но и с целью оценки «Другого» / «Чужого». По этой причине это понятие, без всякого сомнения, является оценочной категорией, причём такой категорией, которая наполнена исключительно негативным содержанием. Хотя, заметим, что в какой-то период слово «варвар» применялось древними римлянами не только в негативном, но и в позитивном значении, обозначая «смелого» и «мужественного» человека. Со временем это понятие, однако, приобрело негативный смысл, став символом «дикого», «грубого», «необразованного», «отсталого» и «нецивилизованного» человека. Обратим внимание также на тот факт, что всеми этими негативными качествами обладает, как правило, только «Чужой», но не «Свой». Мир «варвара» — это, как правило, мир «Другого» / «Чужого».

«БАРБАРИКУМ» КАК МИР ЧУЖОГО/ДРУГОГО

Общепринятым считается мнение, что современное слово «варвар» происходит от древнегреческого слова βάρβαρος (bárbaros). Андреас Унгер, однако, замечает, что уже в Месопотамии в 3 тыс. до н. э. шумеры использовали близкое по звучанию слово «bar», которое употреблялось в значении «чужой» / «враждебный». Древнегреческое bárbaros вначале служило для обозначения людей негреческого происхождения. Однако приблизительно с VI в. до н. э. оно стало не только «указывать» на другое происхождение, но и «оценивать» уровень культурного развития других народов, причём оценивать исключительно с негативных позиций. Именно у древних греков слово bárbaros приобрело своё классическое значение, обозначая «отсталые», «дикие» и «нецивилизованные» народы, в категорию которых первоначально попали также и… древние римляне. Последние переделали греческое «bárbaros» в латинское «barbarus», применив это выражение к тем народам, которые оказались вне границ Римской империи. Регион их проживания древние римляне обозначили как «Barbaricum». Последний охватывал северную, среднюю и южную Европу.

Позже латинское «barbarus», благодаря широкому распространению латыни в средневековой Европе, перешло во многие европейские языки, а также было перенято турками и арабами[11]. Последние стали применять арабское «barbar» по отношению к завоёванным ими североафриканским народам. Но в какой-то момент и сами арабы, как, впрочем, и весь исламский мир, стали восприниматься европейцами как «варвары».

Для германских племён варварами являлись проживающие с ними по соседству славянские народы. Страдающие от набегов кочевников славянские племена, в свою очередь, стали считать варварами своих воинственных степных соседей. С географическими открытиями XV столетия статус варваров в глазах европейцев стали приобретать народы открытых ими новых континентов. Позже это понятие утвердилось и в словаре европейских колонизаторов, которые считали подчинённые им народы «дикими», «отсталыми» и «нецивилизованными», а потому чужды-

[11] Unger, Andreas. Die Anderen. Eine Anthologie der Barbaren. Frankfurt am Main: «NOMADENpress», 2018. S. 23–31.

ми высокоразвитой европейское культуре[12]. Европейцы были убеждены в том, что они несут отсталым народам «прогресс»[13]. Таким образом колонизаторы невольно установили смысловую связь между понятиями «варвар» и «прогресс», противопоставив варварство прогрессу (лат. *pro* – движение вперёд, успех; *gradĭ* – шагать, ступать). Теперь эти слова стали употребляться как антонимы. Вышеприведённая короткая зарисовка истории слова «варвар» демонстрирует нам наглядно, что речь здесь идёт о понятии, которое на протяжении всей человеческой истории, как своего рода «негативный вымпел», переходило из рук одних народов в руки других народов. Но этот «вымпел» выдавался иногда по заслугам, а иногда и нет.

В XX столетии этот «вымпел» заслуженно оказался в руках нацистской Германии, которая, исходя из своей расистской идеологии, уничтожила миллионы человеческих жизней. До сих пор историки не могут дать ответа на вопрос, почему одна из самых развитых европейских стран впала в неописуемое варварство? Этот факт, кстати, является предупреждением и для современного общества, ибо он свидетельствует о том, что технический прогресс, высокоразвитая экономика, культурный взлёт и научный успех не в состоянии освободить человечество от угрозы варваризации общества. Также XXI столетие продолжило варварские традиции ушедших времён. Сегодня мы стали свидетелями, сопровождаемых пытками и грабежами, массовых убийств мирных жителей Украины. Варваризация общества является, как правило, прямым следствием варваризации его политического руководства, ибо если у власти оказываются безнравственные лидеры, то это, как правило, приводит к моральному разложению общества. На этот счёт существует хорошая пословица: рыба гниёт с головы. Угроза варваризации, таким образом, не осталась в прошлом, а она постоянно присутствует и в нашем насто-

[12] Speich Chassé Daniel. Fortschritt und Entwicklung // Dokupädia-Zeitgeschichte.

URL: https://docupedia.de/zg/Fortschritt_und_Entwicklung

[13] См.: Seelmann, Hoo Nam. Rassismus hielt in Ostasien erst mit den Europäern Einzug – dann aber zeigten sich viele als gelehrige Schüler // Neue Zürcher Zeitung vom 24.07.2020. URL: https://www.nzz.ch/feuilleton/rassismus-in-asien-er-hielt-erst-mit-den-europaeern-einzug-ld.1563923?mktcid=smch&mktcval=fbpost_2020-07-24&fbclid=IwAR0TplszsCmLEAw96AXmYL0WhCnoijqo2qGpKZyZdrOyW0qgDCLZOgcK5lc

ящем. Варварство, как правило, обрушивалось на человечество в моменты экономического подъёма или культурного расцвета, сбрасывая его таким образом с достигнутой им высоты. Прогресс и варварство — это две стороны одной медали.

Несколько слов я скажу здесь о теории прогресса, которая, по мнению Р. Козеллека, утвердилась лишь в XVIII столетии[14]. Надо сказать, что эта теория сыграла в истории человечества двойственную роль. С одной стороны, она послужила средством легитимации европейского колониализма, сыграв в этом случае, скорее, негативную роль. С другой стороны, она содействовала распространению идеи «универсального человека», которая присутствовала уже в философии стоицизма, а позже в христианстве. Своё окончательное обоснование эта идея, однако, получила в эпоху Просвещения. Исключительная заслуга Просветителей заключалась в том, что они и в чуждости увидели (про) явление *универсальной* сущности человека. В тот момент, когда чуждость приобрела характер универсального феномена, стала возможной её дефиниция. Попытку наиболее точно дефинировать понятие чуждость предпринял современный швейцарский философ Эмиль Ангерн, который описал суть этого феномена в четырёх признаках.

Первый и, пожалуй, самый формальный аспект чуждости, считает Ангерн, заключается в элементарном факте неизбежности присутствия другого. Именно это — «чужое» — присутствие позволяет отдельному субъекту осознать тот факт, что его мир — это не только «его» мир[15], но и мир «другого». В чуждости, таким образом, (про)являет себя социальная сущность мира[16].

Вторым существенным признаком чуждости является *другое / чужое* происхождение. Ведь чужой — это, как правило, «не здешний», а всегда «пришедший»[17].

Чуждость, однако, проявляет себя не только в другом происхождении, но и в инаковости, которая является **третьим** и са-

[14] Koselleck, Reinhart, Fortschritt, Stuttgart 1975, S. 352.

[15] Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden: zur Dialektik von Selbstsein und Andersheit. In: Fremd im Paradies: Migration und Rassismus. Basel, 1994. S. 32.

[16] Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden. S. 33.

[17] Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden. S. 34.

мым сложным её признаком. Инаковость выражает себя в специфическом стиле жизни, а также в культуре, религии, традициях и обычаях. Ведь «Чужой» принадлежит, как правило, другому миру, а потому является вызовом тому обществу, в котором он присутствует. Его присутствие воспринимается этим обществом как вызов, потому что он представляет собой альтернативу привычному состоянию. Уже одним своим присутствием «Чужой» ставит под вопрос привычное состояние. В этом случае «общество сталкивается не просто с «отклонением», а с «противоположенным проектом» или же с другой «возможностью» самого себя, которая вызывает сомнения в правильности собственной фиксации («Diese ist nicht einfach mit einer Devianz, sondern mit einem Gegenentwurf, mit einer anderen Möglichkeit ihrer selbst konfrontiert, in der eigenen Festgelegtheit in Frage gestellt»[18]), пишет Ангерн. Нечто подобное мы видим и в развитии Украины, которая для России стала «опасной альтернативой», способной «вызвать сомнения в правильности собственной фиксации». Следствием этого стал, осуществлённый под надуманными и смехотворными аргументами «денацификации» и «десатанизации», первобытный варварский удар по свободному народу Украины.

И, наконец, **в последнем**, более радикальном смысле чуждость символизирует свободных людей, которые не чувствуют себя связанными ни принадлежностью, ни идентичностью. К категории подобных — свободных и «ничем не связанных» — людей относятся, например, неоседлые, не-собственники, не имеющие гражданства люди («Repräsentanten der Ungebundenheit»). Часто состояние чуждости проявляет себя в «бездомности»[19], пишет Ангерн. В таком состоянии находились евреи, которые были не просто религиозным меньшинством, но и лишённым территории и государства народом. Евреи были лишены гражданских прав, они были исключены из корпораций и сословных представительств, им было запрещено обучаться определённым профессиям, а также работать в них. Евреи несли на себе стигму, которую имеют все, не поглощённые безусловной идентификацией, меньшинства[20], пишет Ангерн. Они относились к такой категории

[18] Там же.

[19] Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden. S. 34–35.

[20] Angehrn, Emil. Die Angst vor dem Fremden. S. 35.

«Чужих», которая постоянно подвергалась дискриминации и неоднократно становилась жертвой. Однако, далеко не все, относящиеся к категории «Чужих» люди, автоматически становились жертвами в истории. Иногда и «Чужие» перенимали на себя роль преступников, насильников или убийц, инициируя тем самым процесс варваризации общества.

FAZIT

Наше современное общество является обществом культурного разнообразия. Мирное сосуществование культур в таком обществе возможно лишь на базе общих универсальных, но не групповых ценностей. К этим — универсальным — ценностям принадлежит прежде всего Menschenwürde (человеческое достоинство). Видимо, оно не является важным для современной России.

Человеческое достоинство включает в себя право на жизнь и всестороннее развитие личности, а также право быть свободным от любых видов дискриминации. Человеческое достоинство может соблюдаться лишь при наличии основных свобод, как, например, свободы слова, вероисповедания, совести. Эти права и свободы являются универсальными общечеловеческими ценностями, заменить которые никакие групповые ценности, как бы они ни назывались или именовались, не в состоянии.

Так называемые «скрепы» или «глубинные традиции» русского народа так и останутся навечно скрепами и традициями только этого народа. Но эти скрепы не имеют универсального характера. Их главная цель заключается в том, чтобы защищать интересы только «своей» группы людей. Не более того. С такой (групповой или «скрепной») моралью мы, однако, не сможем построить мирное общество будущего, не сможем создать единое и глобальное человечество. Кроме того, в групповую или «скрепную» мораль уже изначально заложена мина замедленного действия, которая и сработала в актуальной российско-украинской войне.

Пришло время поставить акценты не на культурную чуждость, а на культурную близость человека, подтвердив тем самым правоту данного ему имени — Homo sapiens. Помни имя своё, человек!

ЛИТЕРАТУРА

1. Angehrn, Emil. (1994) Die Angst vor dem Fremden: zur Dialektik von Selbstsein und Andersheit. In: Fremd im Paradies : Migration und Rassismus. Basel, S. 27–44.

2. Dilthey W. Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation. Gesammelte.

3. Schriften. Stuttgart/Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1979, Bd. VII. S. 225.

4. Gürsgen, Dirk. Was ist Fortschritt? Anmerkungen zur impliziten Ontologie eines Begriffs // Perspektiven der Philosophie. Bd. 41. Brill: Leiden/Boston, 2015. S. 24-44. (здесь с. 19).

5. Henrich, Joseph: The Weirdest People in the World. How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous. Farrar Strauss & Giroux, New York 2020.

6. Koselleck, Reinhart. Zur historisch-politischen Semantik asymmetrischer Gegenbegriffe (1975), in: Ders.: Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Suhrkamp, Frankfurt am Main. S. 211–259, bes. 218–228 („Hellenen und Barbaren“).

7. Koselleck, Reinhart. Fortschritt. Stuttgart 1975, S. 352.

8. Minkmar, Nils. Die Verkorkstheit der anderen. Der Spiegel vom 21.10.2020. URL: https://www.spiegel.de/politik/ausland/samuel-paty-mord-an-lehrer-erschuettert-frankreich-essay-a-2af-98b4b-7cc4-4f48-87ee-cf2a4ee5ae01

9. Seelmann, Hoo Nam. Rassismus hielt in Ostasien erst mit den Europäern Einzug – dann aber zeigten sich viele als gelehrige Schüler // Neue Zürcher Zeitung vom 24.07.2020.

10. Schelling, F.W.J.. Philosophie der Offenbarung (PO). Sämmtliche Werke, hg. KFA Schelling. Bd. XIII . Stuttgart: 1856–1861.

11. Schmid Noerr Gunzelin. Die Fremdheit des Nachbarn // Frankfurter Rundschau vom 07.06.2016. URL: https://www.fr.de/kultur/fremdheit-nachbarn-11111051.html

12. Daniel Sollberger. Das Eigene und das Fremde – mehr als eine Begriffsbestimmung. In: Sollberger Daniel / Boehlke, Erik / Kobbé, Ulrich (Hrsg.). Das Eigene und das Fremde. Lengerich, 2017. S. 14–21.

13. Speich Chassé Daniel. Fortschritt und Entwicklung // Dokupädia-Zeitgeschichte. URL: https://docupedia.de/zg/Fortschritt_und_Entwicklung.

14. Unger, Andreas. Die Anderen. Eine Anthologie der Barbaren. Frankfurt am Main: «NOMADENpress», 2018.

15. Wimmer, Michael. Fremde. In: Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie. Christoph Wulf, Christoph [Hrsg.]: Weinheim/Basel/Beltz 1997. S. 1066–1078.

16. Zeberg, Hugo / Kelso, Janet / Pääbo, Svante The Neandertal Progesterone Receptor. In: Molecular Biology and Evolution, 21 May 2020. URL: https://academic.oup.com/mbe/article/doi/10.1093/molbev/msaa119/5841671

Марк Харитонов

На темы Сергея Хоружего

В журнале «Вопросы литературы» появилась статья болгарского ученого Дмитриева о Сергее Хоружем, незаурядном мыслителе, религиозном философе, переводчике и интерпретаторе Джойса, которого я довольно близко знал. У меня с ним было многое связано. Позволю себе поделиться частью воспоминаний.

Судя по первому упоминанию об этом человеке в моей дневниковой эссеистике, имя его было уже тогда мне знакомо:

3.6.93. …Вечером в гостях у Хоружего. Переводчик «Улисса», философ и математик, с женой англичанкой Катей. Посидели за немецким баночным пивом под бутерброды, поговорили. Он показался мне умным и симпатичным человеком. Послезавтра летит в Женеву к Жоржу Нива делать доклад о современном состоянии русской философии. По его словам, оно плачевно, нет авторитетов, ориентиров, которые могли бы установить систему ценностей; творческие способности нулевые… Интересно говорил о Джойсе, о постмодернизме — к которому относит и меня; ему, похоже, очень понравился мой роман. В трамвае я стал читать «Улисса» с конца — знаменитый монолог Молли: гениально!

8.1.94. Позвонил Сергею Хоружему. Он работает над телефильмом о философе Карсавине, которого литовцы называют «литовским Платоном». Тот в совершенстве овладел литовским языком и создал литовскую философскую терминологию. Упомянул свою книгу о исихастах, что-то о психологии молчания… Особо обрадовал меня похвалой «Маскам» — еще одно напоминание о том, как разнообразны могут быть вкусы и что не надо принимать слишком всерьез чьего-то отрицания: найдется читатель, настроенный на ту же волну. Договорились о встрече…

21.11.94. …Включив телевизор, неожиданно попал на передачу о философе Карсавине, где сразу оказались помянуты мои «фантики» и замысел романа. Сережа Хоружий давно говорил мне об этой работе. Позвонил ему. Он сказал, что в сценарии было обо мне гораздо больше, и весь сценарий был построен как бы в параллель роману, но режиссер все вычеркнул, едва

оставил это упоминание. Он выпустил книгу о Джойсе, книгу философских работ; вышел также трехтомник Джойса с большими комментариями…

20.5.95. …Расспрашивал Сергея Хоружего о его философских занятиях. Он разрабатывает собственную концепцию синергетической антропологии, которое противопоставляет представлению о сущностях представление об открытом становлении (обожении). Разумеется, уловить что-то я мог лишь приблизительно, но интересно это существование непрекращающейся сильной мысли. Подарил мне трехтомник Джойса со своей большой работой о нем, которую я сразу же с интересом начал читать. Завершающая главка там — сведение счетов с противниками перевода. Я подумал, что немало мог бы написать в этом духе, но стоит ли? Когда-то на меня произвело впечатление нежелание Шнитке обсуждать свои мытарства. С какой стати бы Шнитке поминать какого-то Хренникова?

27.5.95. …Дочитал работу Хоружего о Джойсе: замечательно, умно, своеобразно, литературно талантливо (например, размышления на темы Бахтина).

10.7.95. …Позвонил С. Хоружий… Я спросил, как прошла беседа у римского папы. — Это было интересно скорей в литературном смысле, чем содержательно. — Как так?! — Солировал С. С. Аверинцев и говорил он преимущественно о своем здоровье. — Использовать встречу с римским папой для разговора о своем здоровье?! — Да, он человек интровертный. У него кроме астмы проблемы с железами внутренней секреции и много чего еще. В Вене его держат врачи. Он очень жаловался на тамошнюю жизнь. Это была вторая тема его разговоров у папы и потом, когда мы немного гуляли вместе по Риму. — Чем же ему не нравится Вена? — Мещанский уровень во всем, и эти ужасные феминистки.

Я представил, как действительно могут допекать С. С. феминистки.

А позвонил мне Сергей, собственно, потому, что получил приглашение в Берлин на конференцию и узнал, что я тоже еду. Обсудили разные возможности. Хорошо бы с ним там пообщаться…

6.9.04. Взял посмотреть подаренные мне когда-то книги Хоружего. Его аналитические размышления о «Серебряном веке», о евразийстве, о В. Соловьеве, Флоренском и др. пока-

зались мне убедительными (иногда насмешливыми). Мир Флоренского, который через всю жизнь пронес чувство детского Эдема и признавался, что не любил людей, ни с кем не ощущал близости: Эдемом была для него природа. Мир Розанова. Мир «эллиниста» Вяч. Иванова. Сам Хоружий, правда, без оговорок принимает только исихастов, православных мистиков, Григория Паламу, но это для меня — как, наверно, и для большинства, — недоступно.

11.1.09. Смотрели в театре Фоменко прогон спектакля «Чужой» по «Улиссу» Джойса. Перед отъездом просмотрел комментарий Сергея Хоружего… Рад был встретить его самого, расцеловались. Он сейчас возглавляет какой-то Институт синергетической антропологии… Подарил мне книгу Джойса «Герой Стивен» в своем переводе (там еще «Портрет художника») и со своим комментарием.

12.1.09. Посмотрел подаренную мне книгу Джойса; она издана неизвестным мне до сих пор Фондом культурологических, художественных и философских проектов «Улисс». Тексты найдены в архиве Джойса, это первоначальные варианты его романов, сохранившиеся частично (он рукописи хотел уничтожить). Прочел только комментарий Хоружего. А потом посмотрел в интернете его сайты, составил представление о «синергетической антропологии». Его модель «не предполагает у человека сущности, но описывает его как систему энергий». «Сегодня уже можно извлекать первые выводы. Тенденции оказываются негативными, сценарии — тревожными. Человек не понимает себя, не справляется с собой, и антропологическая ситуация тяготеет к сценариям гибели: так, уход в виртуальную реальность чреват мягкой гибелью типа эвтаназии».

Попробую ему написать.

13.1.09 *(С. Хоружему)*

Дорогой Сергей, рад был нашей позавчерашней встрече. Еще раз спасибо за книгу. Я сразу прочел Ваше послесловие, оценил, как всегда, высокий уровень. Самого Джойса буду читать, когда созрею душевно.

А потом заглянул в Ваши сайты, составил некоторое представление о Ваших нынешних занятиях, о синергетической антропологии, о модели, которая не предполагает у человека сущности, но описывает его как систему энергий. Возника-

ли, конечно, разные вопросы, но это не для беглого разговора. Для моей нынешней работы показалось близким Ваше суждение об уходе в виртуальную реальность, который чреват «мягкой гибелью». Вспомнился рассказ какого-то итальянского фантаста, еще, кажется, 60-х годов: обнаженные красотки зазывают на улице мужчин, бесплатно, а они проходят мимо, спешат к своим виртуальным дивам, которые сулят несравненное наслаждение.

Я с некоторых пор стал грешить верлибрами, позволю себе отдарить Вас одним из последних:

Ангел теряет форму, давно ему не с кем бороться.
Слегка пополнел, облысел, крылья трачены молью.
(Кто-то сказал бы: временем, но его для ангелов нет.)
В кафе «У Иакова» под стеклом показывают перо,
Найденное при раскопках — сохранилось на удивленье.
У игровых автоматов азарт: новинка «Борьба с неизвестным».
До приза никак не добраться. Победа, кажется, близко —
Опять game is over. И приз остается загадкой. Знать бы приемы.
Приходится пробовать снова. Зато выброс адреналина!
(И доход заведению.) В задней комнате полусумрак.
Запыленные переплеты на полках — собранье старинных снов.
Дым сладкого курева в воздухе загустевает, обещая видения.
В этих местах они, говорят, непростые, здесь проходит разлом,
Геологический и духовный, что-то вдруг может открыться.
Ангел принюхивается, вдыхает. Виденья даются каждому
По способностям, по готовности к встрече, к прорыву
За доступный предел.
Но как же сладко растечься!

Верлибр был уже почти оформлен, когда я обнаружил в нем неосознанную перекличку со знаменитыми строками Рильке-Пастернака: «Так ангел Ветхого Завета нашел соперника под стать».

А еще посмотрите, если будет время, сайт Гали: www.galinaedelman.narod.ru живопись и графика. Она, конечно, не Олег Кулик, на таком высокоинтеллектуальном языке не говорит, но Вам, может, будет интересно.

Всего Вам самого доброго.

Ваш Марк Харитонов

16.1.09

Дорогой Марк, порадовался и я, встретив Вас — и затем вновь, получив послание. Каюсь, никак не смог сразу ответить — с Новогодия наводнение какой-то суетной публичности, вот только что вернулся с радио, где битый час вещал про «антропологические измерения будущего». Для меня это отнюдь не типично, надеюсь, уляжется — и почтительно напоминаю, что в добрые старые времена Вы время от времени ко мне появлялись в гости — и мы обнаруживали некую взаимную общность в отстраненно-меланхолическом взгляде на судьбы планеты… Судя по верлибру, взгляд Ваш особенно не изменился — равно и мой — так что не оказали бы Вы с Галей вновь честь визитом?

Мы с женой Аллой были бы очень рады — а тем для обсужденья найдется, верно, не меньше нежели у Блума со Стивеном в Эпизоде 17.

На чем и кланяюсь Вам душевно и дружественно С. Хоружий 27.7.11. Случайно встреченная цитата побудила прочесть стихотворение Баратынского «Последняя смерть».

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.

……

Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

И вот поэт увидел «без покрова / Последнюю судьбу всего живого». Вначале ему открылось торжество разума: «Везде искусств, обилия приметы». Он увидел даже летательные аппараты.

Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещенье!

Однако «прошли века», и взору открылось другое видение:

Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах…

……

И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,

Что-то вроде торжества виртуальной реальности — хотя во времена, когда это писалось, такого понятия не существовало.

И умственной природе уступила
Телесная природа между них.
Их в Эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крылиях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали.

Вдруг сопоставилось с записанным мной когда-то суждением С. Хоружего (12.1.09): «Человек не понимает себя, не справляется с собой. Антропологическая ситуация тяготеет к сценариям гибели».

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали».

Неожиданная перекличка! «Уход в виртуальную реальность чреват мягкой гибелью типа эвтаназии», писал Хоружий. По-иному прочитываются поэтические видения 200-летней давности. Назвать ли их прозрениями? Поэт, опережая позднейшие фантазии (еще не опыт), интуитивно ощущал опасность ухода от реальности, ее подмены.

9.2.16. *Джойс.* Последнее время я все серьезней задерживался мыслью на Джойсе. Что-то есть в нем близкое мне. Он не был ни «публичным интеллектуалом», ни «духовным авторите-

том», не участвовал активно в общественной и публичной жизни, в национальном движении (хотя для родной Ирландии, которую рано покинул, стал важной персоной). «Улисс» писался как раз во время Первой мировой войны (1914–1921), в романе она ничего не значит. Замечателен его ответ на вопрос советской дамы в 1932 г.: «Какое влияние на Вас как на писателя оказала Октябрьская революция, и каково её значение для Вашей литературной работы?» «Милостивые государи, отвечал за него секретарь (кстати, бывший белогвардеец), мистер Джойс просит меня поблагодарить вас за оказанную ему честь, вследствие которой он узнал с интересом, что в России в октябре 1917 г. случилась революция. При ближайшем рассмотрении, однако, он выяснил, что Октябрьская Революция случилась в ноябре указанного года. Из сведений, покуда им собранных, ему трудно оценить важность события». В его жизни, как и в моей, важней всего – творческая работа.

Перечитывая в эти дни свой роман «Увидеть больше», не воспринятый широкой публикой, возможно, из-за сложности, я опять же вспомнил «Улисса»: уж он-то несравненно сложней, почему же сразу был так замечен и отмечен? Из-за начавшихся тут же скандалов (в некоторых странах на роман был даже наложен запрет)? Уже достаточно для интереса публики. Потому ли, что сам Джойс снабдил роман необычными комментариями, «схемами, в которых, (как пишет переводчик С. Хоружий), указал все смысловые нагрузки, уровни смысла каждого эпизода… Автор утверждал, что с каждым эпизодом неким образом связан орган человеческого тела, также определенная наука или искусство, определенный символ и определенный цвет». Комментаторам оставалось только за них ухватиться. Много ли нужно еще? Разве только добавить, что появился он первоначально во Франции, столица которой, Париж, как пишут, «в 20-х годах была литературной столицей мира, и молва о необычном романе разнеслась еще до его выхода в свет».

И в завершение – еще одна благодарность. С подсказки Хоружего заглянул на сайт, обсуждающий проблемы синергетики. Важной для меня оказалась неожиданная подсказка. Синергетика, пишется там в комментарии, уже научилась в простых ситуациях выделять параметры порядка и искать «русла» и учится сейчас работать с джокерами, с механизмами перехода от одних

русел к другим. Готовых универсальных рецептов тут пока нет и их надо искать.

Я как раз в ту пору завершал многолетнюю работу над романом, которому не сразу нашел название: «Джокер, или Заглавие в конце». И, помнится, уже в последний момент поставил эпиграф: «Фактор джокера не позволяет заранее предсказать развитие. *«Самоорганизация систем»*.

Спасибо Сергею Хоружему.

Юрий Корриган

Аркадий бессмертный (Достоевский о душе, пребывающей вне тела)

«Нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт».

«Царевна-лягушка»
[Афанасьев, 1985. т. 2, с. 267]

В мемуарах Карла Густава Юнга, приводится одна история из его детства: как-то раз, еще ребенком, он положил небольшую фигурку и камешек в пенал, который потом спрятал на чердаке[1]. «Во всех сложных ситуациях — рассказывает Юнг, — сделал ли я что-то не то, обидел ли меня кто-то, — я вспоминал про своего аккуратно завернутого и ласково уложенного в пенал человечка. Это была страшная тайна: раскрыть ее, предать — это было попросту невозможно, потому что от нее зависела безопасность моей жизни» [Jung, 1989, p. 21]. Юнг со временем забыл о содержимом припрятанного пенала, но позднее, изучая «камни души» древних народов, он понял, что, переместив свою «душу» в некое потайное место внешнего мира, он, сам того не зная, воспроизвел древний религиозный обряд. «Эпизод с вырезанным человечком — поясняет Юнг — стал кульминацией и завершением» его детства, его «первой, еще бессознательной и ребяческой, попыткой придать некую форму» тому, что он склонен называть своей «тайной» [Jung, 1989, p. 22].

В «Золотой ветви» Джеймс Фрэзер формулирует обоснование этого ритуала, характерного для многих древних народов и традиций. Животворное начало тела, как объясняет Фрэзер, представлялось древнему сознанию в виде «маленького человеч-

[1] Расширенная англоязычная версия этой статьи была опубликована в Corrigan, 2017, с. 104–119.

ка или животного», заключенного внутри этого тела, и человек в минуту опасности мог решиться вынуть «душу из своего тела и спрятать ее где-нибудь в тихом, уютном и безопасном месте». Обнаружив «абсолютно надежное место, — добавляет Фрэзер, человек мог принять решение — оставить там душу навсегда». Преимущество такого решения представлялись ему очевидным: «пока душа, спрятанная в тайнике, находится в безопасности, сам человек остается неуязвимым, практически бессмертным» [Frazer, 2009, p. 153].

Схожая идея лежит у Достоевского в основе романа «Подросток» (1875), главный герой которого Аркадий Долгорукий пытается спрятать сокровенные составляющие своей личности в самых разных местах (в предметах, в идеях, в людях), используя это в качестве метода самообороны или самосохранения. Сюжетная линия взросления Аркадия выстраивается, двигаясь вслед за поэтапной утратой и уничтожением этих тайников — сначала в результате бесцеремонно-агрессивного поведения окружающих, а затем уже вследствие акта самопожертвования, добровольно совершаемого молодым героем.

Рисуя уничтожение тайных пристанищ, необходимых для чувства самосохранения своего героя, Достоевский вносит уникальный вклад в современную европейскую традицию романа о становлении человека как личности, романа воспитания (*bildungsroman*)[2]. В «Подростке», писатель не связывает мо-

[2] «Подросток» одновременно и провоцировал исследователей рассматривать его как роман воспитания, и сопротивлялся такому прочтению. Елена Краснощекова отслеживает в Аркадии приметы перехода «из ранней юности в молодость» [Краснощекова, 2008, с. 440; 435–467]. См. также книгу Е. И. Семенова, который рассматривает воспитание (Bildung) Аркадия как открытие «пути возвращения личности в общество» [Семенов, 1979, 70]. При этом, как указывает Краснощекова, *Bildung* Аркадия происходит в чрезвычайно быстром темпе: все действие романа укладывается в какие-то несколько месяцев, а рассказ ведется буквально год спустя — лишь немного повзрослевшим Аркадием, «воспитание» которого, судя по всему, еще далеко не завершено. Достижение Аркадием определенного соглашения с семьей и обретенное им желание получить образование в университете предполагает достижение некой зрелости, но само по себе не подкрепляет доказательствами вывод Лины Стейнер о том, что Аркадий «полностью избавляется от своей “подпольной” ненависти к себе самому, равно как и от ненависти к другим людям, и становится человеком, обладающим собственной

ральный рост созревающего сознания ни с четким видением юноши своего будущего места в обществе, ни с переходом от беспокойной юности к упорядоченной взрослой жизни, а предлагает альтернативную модель, противоречащую современному европейскому понятию формирования личности — он прослеживает процесс уничтожения внешнего «я» как процесс нравственного пробуждения. Более того, подчеркивая нарастающее сопротивление юноши обезличенному, агрессивному «вихрю» коллектива, все подминающего под себя в окружающем мире, Достоевский создает крайне неординарную теорию образования.

Своим прочтением «Подростка» как кенотического романа воспитания — в котором герой проходит путь некоего «уничтожения» — мы рассчитываем оспорить критическое восприятие произведения как сюжетно непоследовательного и хаотичного. Для многих читателей остается загадкой, зачем, например, Аркадию на каком-то этапе настойчиво декларировать свое намерение «стать Ротшильдом», с тем чтобы затем совсем забыть об этом[3]. Более того, критики едва ли не единодушно потешаются над обращением Достоевского к такому банальному приему, как припрятанный Аркадием «документ», относящийся, очевидно, к арсеналу «пропахшего нафталином сюжета мелодрамы» [Frank, 2002, p. 171][4]. Композиционная несбалансированность отмечается также в интенсивном присутствии Версилова в сюжете или в пространных описаниях азартных игр и личных интриг. Некоторые исследователи объясняют эту видимо хаотичную структуру как изображение разваливающегося общества [Holland, 2013, pp. 101–30; Jackson, 1966, pp. 112–18]. Действительно, трудно не заметить наличие тематически обусловленного формального беспорядка в романе, и все же мы сможем представить доводы в пользу наличия поразительной целостности и слаженности между его разными «сюжетами» (от «идеи» через «документ» к сценам игры и к таинственной роли Версилова), если увидим сюжетную концепцию как непрерывные попытки героя спрятать, защитить и сохранить свою личную «душу».

индивидуальной идентичностью, <…который> теперь может превратиться в настоящего человека действия» [Steiner, 2011, p. 172].

[3] См. например: [Rzhevsky, 1982, pp. 27–42].

[4] Важными исключениями из этого правила являются работы: [Касаткина, 2004, с. 418] и [Семенов, 1979, с. 80–81].

«...БЫВАЮ СОВСЕМ ДРУГОЙ, ВЫШЕ И ГЛУБЖЕ...»

В первой части романа основное внимание уделяется попыткам Аркадия придумать тайники для своего «я», чтобы защитить это «я» либо от агрессии, либо от безразличия или непонимания окружающих. В этом смысле его священная, многократно обсужденная «идея» предстает не как стремление к богатству, как она сформулирована им же самим в начале повествования; не исчерпывается она и теми определениями, к которым Аркадий неоднократно прибегает: «тайное сознание могущества», «уединенное сознание силы», «тайна», «мрак и уединение» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 35, 74, 78, 264]. Каждое из проявлений этой «идеи» является выражением более общего, романтического стремления открыть в себе глубину, стать обладателем таинственной и неразрушимой **души**. Так, беседуя с Крафтом, Аркадий утверждает, что у него есть тайное место, где он может укрыть свое «я» от мира других людей:

> Не лучше ли все порвать, – а?
>
> – А потом куда? – спросил он <...>.
>
> – К себе, к себе! Все порвать и уйти к себе! <...> К себе, к одному себе! Вот в чем вся «моя идея», Крафт! – сказал я восторженно.
>
> Он как-то любопытно посмотрел на меня.
>
> – А у вас есть это место: «к себе»?
>
> – Есть. [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 60.]

Позже Аркадий признает, что его уверенность во владении «этим местом» была-таки преувеличена: «<...> я сказал сейчас Крафту, что у меня есть “свое место” <...> Я гордо сказал это» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 64].

На самом же деле на этом этапе – в начале романа – представления Аркадия о возможности где-то спрятать, скрыть самое важное предстают еще непроверенными и теоретическими. Первая форма выражения идеи героя («Моя идея – это стать Ротшильдом» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 66]), заставляет нас трактовать ее как тягу к определенным тезисам западного капиталистического материализма. Неудивительно, что критики часто спрашивают, что имел в виду Достоевский, когда писал в своих дневниках, что намеревается выстроить весь роман вокруг Аркадия как «носителя и изобретателя *своей идеи*» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 175], – особенно с учетом того, что

идея «стать Ротшильдом» исчезает из основной линии повествования столь же поспешно, как и формулируется в нем. Впрочем, постепенно мы убеждаемся в том, что идея Аркадия «стать Ротшильдом» на самом деле не имеет ничего общего с желанием заполучить реальное богатство. «Разве мне денег тогда надо было? – задается он вопросом далее по ходу романа. – Клянусь, мне надо было лишь идею! Клянусь, что ни одного стула, ни одного дивана не обил бы я себе бархатом» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 388]. В своем «ротшильдовском» обличье «идея» представляет собой скорее искаженное понимание европейских романтических представлений о самости, нечто близкое к тому, что имел в виду Карл Маркс, сформулировавший определение «силы денег» через концепцию личности. «То, что существует для меня благодаря деньгам – писал Маркс в 1844 году, – то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это – я сам, владелец денег. <…> Свойства денег суть мои – их владельца – свойства и сущностные силы» [Marx, 1975, с. 324][5]. В 1880 г. Достоевский в своем дневнике описал «богатство» в схожих терминах – как «усиление личности, механическое и духовное удовлетворение» [Достоевский, 1972–1990, т. 27, с. 49]. Именно так воспринимает богатство Аркадий, когда говорит о своем желании накопить большое состояние: для него это и есть «усиление» собственного «я», «механическое удовлетворение» духа.

Дело здесь не в идее стремления к деньгам как таковым, а в желании защитить свое «я», спрятать его в каком-то укромном месте – где оно будет скрыто от опасных недобрых взглядов других людей. Так, вдохновленный рассказами о нищих, прячущих тысячи рублей зашитыми в свои обноски [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 66], Аркадий, подражая им, формулирует свою мечту о себе как об обладателе исключительно секретного, скрытого богатства: «Если б я был стомиллионный богач, я бы, кажется, находил удовольствие именно ходить в самом стареньком платье и чтоб меня принимали за человека самого мизерного, чуть не просящего на бедность» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 35–6]. Идея о тайном обладании сокровищами проявляется и в том наборе слов и выражений, которыми Аркадий как бы описывает свою идею, говоря при этом исключительно

[5] Е. И. Семенов комментирует этот аспект идеи Аркадия и соотносит его с марксовской концепцией отложенной «сущности» [Семенов, 1979, с. 63-4].

о своем душевном или даже скорее духовном поиске: он называет ее «сокровищем силы», «единственным источником жизни моей, моим светом и моим достоинством, моим оружием и моим утешением». Это неприкосновенное безопасное место находится за границами сознания, но продолжает существовать, «как бы я ни казался смешон и унижен» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 229]. «Идея» также является источником или местопребыванием личного начала и индивидуальности. Как поясняет Аркадий, «когда выскажу кому-нибудь мою идею, то тогда у меня вдруг ничего не останется, так что я стану похож на всех, а может быть, и идею брошу; а потому берег и хранил ее и трепетал болтовни» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 48].

Заметим, что подобное фетишистское искажение романтической концепции глубин человеческой души определенно является порождением именно русской литературы. В словах Аркадия мы слышим неприкрытую отсылку к пушкинскому «Скупому рыцарю» (1830): описанную в этом произведении страсть Барона к накоплению материальных богатств легко рассматривать «в контексте романтической концепции личности» [Evdokimova, 2003, p. 114]. Также можно отметить скрытую аллюзию на гоголевского Поприщина (1834), создающего для себя альтернативную реальность, в которой он предстает «королем Испании», – ради того, чтобы избавиться от унижающей его ничтожности в глазах окружающих. Для Аркадия Ротшильд – это приблизительный эквивалент испанского монарха Поприщина, то есть нерушимое, далекое, величественное и трансцендентное второе внутреннее «я», остающееся невидимым для посторонних. Действительно, «идея» Аркадия впервые появляется в записках Достоевского как желание «сделаться царем острова, которого бы никто не знал, на полюсе или на озере Сред<ней> Африки» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 93]. Ранее и пушкинский Барон, и гоголевский чиновник сыграли роль шаблона для предшественника Аркадия – героя раннего рассказа Достоевского «Господин Прохарчин» (1846), у которого в тюфяке зашита значительная сумма денег, и который мнит себя альтернативной (императорской, наполеоновской) личностью.

Попытавшись проверить, насколько убедительна подобная концепция личности во время встреч с другими людьми, Аркадий вскоре обнаруживает крайнюю непрочность своей системы обороны. Версилову требуется только одно мгновение, чтобы

разгадать загадку, вторгнуться и нарушить тщательно охраняемый тайник:

> — Все секреты твои на твоем честном лице написаны. У него «своя идея» <…>
>
> — Оставим мое честное лицо, — продолжал я рвать, <…> — Ну да, у меня есть «своя идея». То, что вы так выразились, конечно случайность, но я не боюсь признаться: у меня есть «идея». <…> А все-таки вам никогда не открою. <…>
>
> — Не надо, мой друг, я и так знаю сущность твоей идеи; во всяком случае, это:
>
> Я в пустыню удаляюсь…
>
> <…> стать Ротшильдом, или вроде того, и удалиться в свое величие.
>
> <…> Я содрогнулся внутри себя. <…> Он все предугадал. [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 89–90.]

Здесь «честное лицо» героя остается компрометирующим фактором. Не меньше проблем, по мнению Аркадия, доставляет ему проявление того, что он называет «все мерзости мои», которые, как он выражается, «прятались под идею» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 79]. Другими словами, «идея» как изначальная основа «я» оказывается не способна интегрировать другие аспекты, образующие личность — «лицо», например, или «грязь» (порывы, эмоции, желания, или физические, плотские процессы) — и следовательно, «идея» представляет собой всего лишь пробную, экспериментальную отправную точку в постоянном поиске надежного, тщательно скрытого и укрепленного «места» для все того же личностного начала.

Вскоре мы обнаруживаем, что «идея» Аркадия на самом деле представляет собой лишь часть куда более сложного проекта по самосохранению, работу над которым он начал еще в детстве. Уже в ранние годы, во время учебы в пансионе, Аркадий представлял, как избежит побоев и унижений, спрятавшись ночью под одеялом и окунувшись в мир мыслей и фантазий. В одном из эпизодов воспоминаний о детстве Аркадий повествует о том, как однажды обнаружил в ящике своего стола забытый матерью платок. Ребенок с интересом замечает, что этот простой кусок ткани, оказывается, обладает памятью: «Я вынул его и осмотрел даже с некоторым любопытством; кончик платка сохранял еще вполне след бывшего узелка и даже ясно отпечатавшийся кругленький оттиск монетки». Аркадий прячет платок в письменном

столе и достает его редко и исключительно тайком. Для него эта память, заключенная в неожиданно доставшемся ему предмете, становится возможностью побега от приключающихся в его жизни бедствий:

> <…> я завернулся с головой в одеяло и из-под подушки вытянул синенький платочек <….> Я тотчас прижал его к моему лицу и вдруг стал его целовать. «Мама, мама», — шептал я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, как в тисках. Я закрывал глаза и видел ее лицо. <Ламберт> подбегает ко мне и начинает рвать с меня одеяло, но я крепко-крепко держусь за одеяло, в которое укутался с головой. <…> он бьет меня, он больно ударяет меня кулаком в спину, в бок, все больней и больней. [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 273—74.]

Это описание совершенно четко выявляет азы подхода Аркадия к формированию собственной личности: он создает некое непроницаемое «я», которое даже при нападках извне становится только крепче. Основным средством здесь является вера в существование сущности, которая, как выясняется, может быть скрыта и сохранена в самом, на первый взгляд, обыкновенном, невзрачном объекте.

Именно в этом контексте тайный «документ» Аркадия обретает особое значение для выявления проблематики романа. Достоевскому приходится немало потрудиться, чтобы вплести непосредственно в сюжет производимые Аркадием эксперименты по сохранению самого себя в потайных местах: для этого он воплощает мечту героя о тайном «сокровище силы» в том самом письме, которое он носит с собой, — в этом как будто бы случайном объекте (подобно камешку Юнга), но при этом в объекте, придающем реальную власть своему носителю[6]. Аркадий так же поступает с «документом», как поступил бы с воображаемым богатством: он спрятан ото всех и зашит за подкладку кармана. Иными словами, письмо оказывается «внутри» в самом буквальном смысле слова, «документ» — это камешек, наполненный смыслом носителем. «Документ» превращается в своего

[6] Татьяна Касаткина отмечает параллель между «идеей» и «документом», хотя и по несколько иным основаниям. «”Документ” — абсолютный эквивалент “ротшильдовой идеи” — утверждает она. — Свобода человека, достигаемая деньгами, <как и властью, предоставляемой документом>, реализуется отрицательно — как неизбежное, почти автоматическое, порабощение окружающих» [Касаткина, 2004, с. 418].

рода синоним «идеи» Аркадия, позволяя ему тем самым оставаться нездешним и непроницаемым. Как и мечта о богатстве, этот ценный «документ» выступает своего рода катализатором кристаллизации «я» Аркадия, усиливает его существование: благодаря ему сам Аркадий становится более влиятельным, востребованным; благодаря этому зашитому за подкладку письму существование Аркадия становится более полноценным в глазах других людей. Соответственно, приехав в Петербург со своей «идеей» и со своим «документом», он больше не считает необходимым заворачиваться в одеяло, чтобы защититься. Наоборот, он проводит эксперимент и раскрывает незнакомцам самые компрометирующие сведения о себе, представляясь, например, в обществе «незаконным сыном моего бывшего барина» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 50]. Иными словами, рискуя раскрыть практически все, Аркадий подтверждает сам себе, что есть еще что-то – более глубокое, лучше спрятанное и остающееся тайным. Так, он заявляет Васину: «<…> я дрянной мальчишка и вас не стою. Я именно потому сознаюсь, что в иные минуты бываю совсем другой, выше и глубже» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 152].

Однако и «идея» стать Ротшильдом, и история с «документом» в конце концов предстают всего лишь временными пунктами на пути к идеальному месту, где «я» сохранено и защищено, – к тому самому тайнику, который оставался с Аркадием с самого раннего детства. Речь идет о мечте об отождествлении себя с отцом, с Версиловым, который, несмотря на постоянное отсутствие, является организующим началом воображения и внутренней жизни Аркадия:

«Каждая мечта моя, с самого детства, отзывалась <Версиловым>: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. <…> он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 16]. В поисках отца в реальной жизни, Аркадий поначалу опирается на силу «документа» и «идеи», и в то же время он как бы проверяет достоинства отца, его соответствие идеализированным сыновним представлениям о нем. Убеждаясь, наконец, Аркадий оставляет позади выстроенную защиту и позволяет отцу «схватить и победить <…> душу»; «– Мне теперь не нужно мечтать и грезить, мне теперь довольно и вас! Я пойду за вами! – проговорил я, отдаваясь ему всей душой» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 387, 373].

Обнаружив в отце очевидно надежное, привлекательное, таинственное и безопасное внешнее место для своего «я», Аркадий пытается слиться с личностью Версилова, встроиться в нее. Соответственно, он вполне осознанно разрушает и стирает границы между отцом и собой. Принимая решение участвовать в дуэли от имени Версилова, он занимает деньги от его имени, страстно влюбляется в объект желаний отца, изо всех сил старается защитить репутацию и образ Версилова в глазах знакомых, и воспроизводит размышления отца как свои собственные. Аркадий столь же искренне начинает верить в то, что в его жизни появилась надежная точка опоры, верный якорь, способный удержать его во время любого шторма, сделав его самого неуязвимым. С этой уверенностью он очертя голову бросается в «вихрь» социальных отношений и взаимодействий, то есть в тот океан, которого до сих пор он из чувства самосохранения тщательно избегал.

«Я» И ВИХРЬ

Традиционный подход (предлагаемый, например, Константином Мочульским) к изучению духовного пути Аркадия заключается в исследовании романа в контексте всевозможных подходов к понятию соборности. Так, изначальное сопротивление Аркадия «вихрю» коллективной личности трактуется в несомненно отрицательном ключе. Если, по Мочульскому, «личность Версилова <…> соборна», если она «включает в себя всю историю своего рода» и является «жизненным центром» романа, то эксперименты Аркадия по постулированию своей индивидуальной сущности вполне естественно рассматриваются как отрицание соборности, как отказ от нее через нездоровую форму индивидуализма, которая вскрывает «смрадное подполье <…> в душе человека» [Мочульский, 1947, 416, 422]. Вместо «соборности душ», Аркадий, по мнению Мочульского, стремится к «демоническому разъединению и раздроблению» посредством «могущества» и «власти» [Мочульский, 1947, 420].

Однако столь упрощенное прочтение романа в значительной мере ограничивает изучение более интересной концепции индивидуальной личности, разрабатываемой Достоевским. При таком прочтении за рамками анализа остаются разрушительные, демонические составляющие коллективизма как такового, которые, по Достоевскому, способны подавить и уничтожить духовно

неразвитую, неподготовленную личность, лишенную надежной внутренней опоры.

Если мы вспомним образы «вихря» или «круговорота» в «Игроке» (1866), то легко выявить темы разрушающего воздействия окружающего мира на еще формирующуюся личность, столь тщательно описанную в «Подростке». В «Игроке» Достоевский прибегает к метафорам «вихря» и «круговорота» для передачи утраты личностного начала в условиях подавляющей силы других людей и внешних обстоятельств. Герой, «вместо того чтобы обдумать предстоящий шаг, жив<ет> под влиянием <…> вихря, захватившего» его «мимоходом своим крылом» и расправившегося с ним по своей прихоти, похищая у него по ходу дела все «мечты» и «воспоминания», ранее составлявшие основу его личности [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 281, 314]. Воздействие этого «вихря» на личность наиболее образно описывается в «Игроке» через деструктивное, подрывное влияние рулетки. Чтобы передать в образе графини ощущения полной потери контроля над собой в процессе игры в рулетку Достоевский прибегает к образу бесов: «полячки», которые карабкаются на нее, пролезают внутрь нее, парализуют ее волю и по своей прихоти, беспорядочно распоряжаются ее деньгами:

> Полячки <…> ставили каждый с своей стороны, один, например, на красную, а другой тут же на черную. Кончилось тем, что они совсем закружили и сбили бабушку с толку, так что она наконец чуть не со слезами обратилась к старичку круперу с просьбою защитить ее, чтоб он их прогнал. <…> Но к концу дня <…> за стулом ее стояло уже до шести полячков, прежде невиданных и неслыханных. <…> они не только ее уж не слушались, но даже и не замечали, лезли прямо чрез нее к столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 283].

Если в «Игроке» попадание в этот вихрь означает полную капитуляцию личности перед воздействием внешних сил, то бесовские «полячки» оказываются вплетены в ткань сюжета «Подростка» куда более тщательно и реалистично: они предстают в образе самостоятельных персонажей, способных похитить чужую личность и узурпировать ее способность к самостоятельной, осознанной деятельности, а также питающихся ее энергией и силами[7].

[7] О склонности к азартным играм и одержимости бесами в «Игроке» см.: [W. J. Leatherbarrow, 1999, pp. 29–30].

Во второй части романа Аркадий, уже принявший своего отца и открывший для себя мир общественных отношений и связей, позволяет себе отказаться от «идеи» внутренних глубин и погружается, «как щепка», в «водоворот» жизней других людей: «Непомерная жажда этой жизни, *их* жизнь — поясняет он — захватила весь мой дух <…> Мысли же мои как-то вертелись, но я давал им вертеться» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 338, 297]. Вскоре Аркадий обнаруживает, что пребывание внутри этого «вихря» ведет не только к утрате личностного своеобразия («у меня теперь нет *моих* дел»), но и дает возможность бесцеремонному вторжению окружающих в него: «Так как я весь состоял из чужих мыслей, то где мне было взять своих» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 242, 241]. Теперь, когда он нашел защиту в отце, Аркадий размышляет над тем, насколько бесполезными оказались все внутренние структурные элементы его личности, те «хмурости» (идеи, мечты, мысли, воспоминания), которые он так ревностно защищал и от которых впоследствии так легко отказался: «И к чему все эти прежние хмурости, <…> к чему эти старые больные надрывы, мое одинокое и угрюмое детство, мои глупые мечты под одеялом, клятвы, расчеты и даже “идея”? Я все это напредставил и выдумал, а оказывается, что в мире совсем не то; мне вот так радостно и легко» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 164].

Однако, когда становится понятно, что Версилов — это вовсе не надежная спасительная гавань, а всего лишь очередная беспомощная фигура «под влиянием какого-то вихря чувств», Аркадий оказывается потерянным, заблудившись сам, «как туча сухих листьев осенью, после налетевшего вихря»; «На душе моей было очень смутно, а целого не было; <…> Все как-то мелькало без связи и очереди»; «И вот, как в вихре, фигуры Лизы, Анны Андреевны, Стебельков, князя, Афердова, всех, бесследно замелькали в моем больном мозгу. Но мысли становились все бесформеннее и неуловимее» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 263–445, 398, 140, 64]. Именно в этих образах людей, беспорядочно вращающихся в пустоте и вокруг этой пустоты, Достоевский формулирует свое критическое отношение к чисто внешней, социальной концепции личности. В отличие от «свободного единодушия» соборности — понятия, которое Хомяков развивал в среде славянофилов, — или же от множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, описанных

Бахтиным, вихрь вокруг Аркадия предстает безличностной системой, основанной на принципе постоянного разрастающегося ощущения пустоты.

Рисуя в «Подростке» мир социальных взаимоотношений, Достоевский описывает бесов или демонов не как сверхъестественных существ, а как персонажей, которым не хватает личности, которые внутренне пусты и готовы вот-вот рухнуть (и потому голодны и полностью зависимы от других). Ростовщик Стебельков предстает квинтэссенцией безличности: во-первых, у него нет *лица*; черты его лица, сообщает автор, «не способствовали его характерности, но именно как бы придавали ему что-то общее, на всех похожее» и поскольку Стебельков характеризуется «незаконченностью, раскидчивостью и неопределенностью», то, в силу отсутствия у него каких бы то ни было индивидуальных отличительных черт, Аркадий обнаруживает невозможность «сказать о нем что-нибудь точное и определяющее» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 118]. Наделенный неутолимым социальным любопытством и постоянно подталкиваемый ненасытной жаждой к выведыванию чужих тайн, Стебельков сам называет себя «вторым человеком», то есть изначально вторичной, зависимой сущностью [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 182]. Ламберт, точно так же появляющийся словно ниоткуда в момент полного порабощения Аркадия вихрем, предстает перед нами пустой, вечно зависимой, несамостоятельной личностью, у которого «нет идеи», который «от всех зависит» и который попадает «в рабство — как отмечает Аркадий — у первого встречного» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 360, 349, 355].

Несмотря на то, что Аркадий вполне очевидно воспринимает и Стебелькова, и Ламберта как **бесов**, он — отдаваясь произволу затягивающего вихря — неумолимо втягивается во взаимоотношения и даже в солидарность с ними. Накрепко связав себя с князем Сережей (взяв для этого у того деньги) и — пусть и против своего желания — ввергнув князя в состояние исступленного отчаяния, Аркадий становится просто еще одной вариацией на тему Стебелькова. Он с «изумлением» замечает, что князь смотрит на него, Аркадия, тем самым «потерянным, жалким и злобным взглядом» которым он глядит на Стебелькова: князь «стыдился, стало быть, нас обоих и меня равнял с Стебельковым» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 182]. Так становится понятно, что отказ от проекта сохранения тайного внутреннего «я» и по-

гружение в общее, коммунальное, пространство влекут за собой не только неизбежность быть одержимым окружающими, но и собственное превращение в беса — в «незаконченное», «раскидчивое», «неопределенное», во вторичное и зависимое существо. В отчаянии, не в силах «отбиться от этого круговорота» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 297], Аркадий приходит к выводу, что у него самого, почти как у Ламберта и Стебелькова, «душа паука» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 306], то есть природа существа, которое ловит других в свои сети и питается ими. Прекрасно отдавая себе отчет в коварстве и ничтожестве Ламберта, Аркадий в то же время испытывает непреодолимое и необъяснимое желание видеть его [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 327]; в результате Ламберт торжествует победу, «*обладая* наконец мною» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 418]. В свою очередь, князем Сережей, как и графиней в «Игроке», овладевают бесы, жаждущие повелевать его личностью и действовать его руками. Отчаявшегося, стоящего на пороге смерти князя одолевают кошмарные сны «с пауками» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 335]. И для Аркадия, и для Сережи попадание в плен к этому вихрю драматически усиливается, перевоплощаясь в непреодолимую тягу к рулетке, в особенности в настойчивое стремление Аркадия (вспомним графиню из «Игрока») постоянно ставить свои деньги на «zéro». Верность Аркадия именно этой ставке можно расценивать как образ, отражающий подлинную внутреннюю опустошенность в самом центре вихря.

Однако Аркадий, равно как и герой «Игрока», надеется на то, что ему — даже при полной одержимости «вихрем» — все же удастся сохранить тайное изначальное «я». «А разве нельзя — задается он вопросом — только пойти к ним, разузнать от них обо всем и вдруг уйти от них навсегда, пройдя безвредно мимо чудес и чудовищ?» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 338]. «Идея — настойчиво повторяет он про себя, все сильнее увязая в интриге, — «Идея» — потом, идея ждала» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 164]. В кульминационный момент, когда Аркадий, преданный Версиловым, унижен в игровом зале, где и подвергнут тщательному досмотру и обыску «всего до последней складки», он в отчаянии обращается к сохранившимся нетронутыми осколкам своей отброшенной личности и пытается вернуться к тем потайным ее уголкам, которые он когда-то приготовил для себя — к «идее» и к «документу»: «У меня есть “идея”! — подумал было

я вдруг, — да так ли? Не наизусть ли я затвердил? Моя идея — это мрак и уединение, а разве теперь уж возможно уползти назад в прежний мрак? Ах, Боже мой, я ведь не сжег “документ”!» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 267, 264].

Таким образом судьба «документа» в романе оказывается напрямую связанной с жизненной необходимостью личностного «я». Осознавая «с ужасом <…> всю нелепость и всю мерзость <св>оей ночной исповеди Ламберту, <св>оего уговора с ним», Аркадий цепляется за мысли о спрятанном письме как о гарантии собственной души, не подозревая, что вскоре Ламберт отнимет и это: «Но, слава Богу, документ все еще оставался при мне, все так же зашитый в моем боковом кармане; я ощупал его рукой — там! Значит, стоило только сейчас вскочить и убежать» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 420].

РАСКРЫВАЯ КОНВЕРТ

Обрисовав состояние душевного кризиса своего героя, в третьей (и последней) части романа Достоевский описывает его дальнейший путь как поиск более надежного и всеобъемлющего пристанища для души, потерявшей опору, и бессильно барахтающейся в вихре внешних взаимоотношений. После своего падения, Аркадий формулирует для себя новую идею: он прибегает к термину «благообразие». Это понятие представляет собой радикальный переворот бывшей теории: акцент теперь делается на воплощенном, а не скрытом личном принципе. Если мы проследим частотность использования слова «благообразие» в тексте романа, то увидим, что данный термин применяется в отношении преобразований, происходящих с телом (а если быть более точным, то с «лицом») под воздействием «света», или божественного обитающего присутствия. Рассуждая о существующей в русском православии концепции лика, Павел Флоренский поясняет что «высокое духовное восхождение осиявает лицо светоносным ликом», осуществляет «в лице подобие Божие», воплощает «сокровенное достояние … в жизни, в личности, и таким образом <явит> его в лице» [Флоренский, 1996, с. 90—93]. Так, в соответствии с той духовной традицией, в которую, споткнувшись, теперь окунается Аркадий, «основное ядро», «зерно» или «суть» личности — то есть все то, что он так старательно пытался спрятать, — становится неотделимым от выраженного присутствия

подобия Божьего в земном теле человека, в особенности — в его лице, отражающем как личностную индивидуальность конкретного человека, так и духовную жизнь, наполняющую его светом.

Желая более четко сформулировать несколько смутную концепцию проявленной личности, Достоевский вкладывает в уста своих героев ряд рассуждений на тему красоты освещенного лика. Эти эпизоды мы находим в последней части романа, в тот период повествования, когда Аркадий пытается разобраться в новообретенной доктрине «благообразия». Например, Версилов рассказывает Аркадию, что фотографы способны запечатлеть только материальные черты лица, причем только в отдельно взятый момент. А поскольку «главная мысль лица» обычно не предстает перед посторонними взглядами, художнику нужно немало потрудиться, чтобы поймать тот «чрезвычайно редкий» момент, когда мы «похожи на себя». Эти рассуждения Версилова предваряют обращение к теме преображающего воздействия света на материальные характеристики объекта: по его словам, в той фотографии, портрете Сони, который он показывает Аркадию, именно солнце «застало Соню в ее главном мгновении» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 370]. Еще одно подробное исследование преобразующей силы света Достоевский предлагает в тот момент, когда Аркадий обнаруживает, что его тайный «угол» — образ, ранее ассоциировавшийся напрямую с его попытками спрятать себя от мира («Моя идея — угол» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 48], — оказывается залит солнечным светом. Под влиянием Макара Аркадий перестает «злиться до злобы» при попадании луча заходящего солнца в окно его комнаты и начинает радоваться этим лучам, «как бы новый свет проник в мое сердце» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 283, 291]. Таким образом, мы обнаруживаем в романе два абсолютно противоположных и противоречащих друг другу описания потери своего «я»: первое из них — действие извне в форме демонического вихря обязательных социальных взаимодействий, все подминающих под себя; второе же — опыт также пугающий, но при этом и радостно действующий изнутри, связанный с источниками освещения или же, как обнаруживает для себя Аркадий, со смехом.

В этой новой системе мышления, открывшейся Аркадию, синонимом понятию преобразующего света становится «веселье»: именно смех как принцип выявления оказывается способным

выявить подлинную суть человека. Аркадий считает «одним из серьезнейших выводов моих из жизни» свой постулат, что «характер» или даже «целое человека» или «душа» могут наиболее полно раскрыться именно в «веселом» смехе. Он говорит о том, что человека может поставить в тупик неразгадываемая тайна другой личности, однако через смех «вы вдруг узнаете всю его подноготную»: «я <говорю> про характер, про целое человека. <…> если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он смеется. <…> смех есть самая верная проба души» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 285–86]. Наблюдая за Макаром, Аркадий приходит к выводу, что смеяться по-настоящему «весело» означает окунуться с головой и поплыть по течению тех потоков, которые лежат в основе личности и способны трансформировать, преобразовать ее [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 290].

Тем не менее «благообразие», как и романтическое понятие личной души, которое ранее исповедовал Аркадий, оказывается трудно уловить в его реальном применении. Напуганный своей духовной наготой, Аркадий, как мы уже видели, пытается бежать куда угодно, лучше – как можно дальше, чтобы спрятать вне досягаемости других людей самые сокровенные частицы своей личности. Став адептом новой для себя доктрины «благообразия», он задается вопросом о том, как выявлять собственное «я» для окружающих; как испытать кенотическое унижение Христа, не подвергаясь при этом мученическому распятию; как подпитываться силой, обретаемой вследствие обладания душою, без необходимости подвергнуться уничтожению своего «я». В этом смысле раскрывая замысел сюжета, идея Аркадия об открытии себя миру приобретает характерную форму поиска возможности обнародования спрятанного им письма-«документа» так, чтобы не оказаться при этом осмеянным или униженным.

«Благообразие» и самораскрытие фактически сливаются воедино с давно ожидаемым и тщательно обдуманным поступком, а именно с обнародованием «документа». В беспокойных, тревожных снах Аркадия, люди стоят «за дверями» и ждут, когда он выйдет к ним. В одном из самых ярких снов Аркадий совершает этот поступок и раскрывает содержание «документа» – под смех и «нестерпимую насмешку» окружающих [Достоевский,

1972–1990, т. 13, с. 306]. Обнародование «документа» приобретает мистически-религиозное значение: в возвышенные мгновения, решаясь пойти на риск, Аркадий укрепляется в уверенности в том, что благородное и жертвенное раскрытие содержания письма – «несмотря на все искушение» – окажет искупительное воздействие не только на него самого, но и на всех обитателей вихревого коллектива. «Я хотел – объясняет Аркадий, – возвратить документ (Ахмаковой), объяснив все и раз навсегда… <…> я хотел оправдать себя раз навсегда <…> привезти их ко мне, <…> там помирить враждующих женщин, воскресить князя и… и… одним словом, по крайней мере тут, в этой кучке, сегодня же, сделать всех счастливыми» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 428]. Таким образом, мы видим, что Аркадий стремится искупить грехи мира посредством «уничтожения» личности, понимаемой им как тайник, изолированный и спрятанный от других. «Уничтожить это *я*, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172] – так за десятилетие до работы над «Подростком» описывал в дневниках свой идеал сам Достоевский.

Однако самопожертвование, готовность Аркадия раскрыться и отдать свои тайны миру – в конце концов приобретают комедийный оттенок. Выясняется, что документ украден Ламбертом, а за подкладкой сюртука Аркадий бережно носит чистый лист бумаги. Потеря Аркадием «языка», его превращение в «бледное», «бессильное», почти бессознательное существо подчеркивает и даже пародирует боль утраты какой бы то ни было внутренней «идеи» или же внутренней, скрытой души:

> Письмо вынули; старый пакет был тот же самый, а в нем торчала пустая бумажка. <…> Но я стоял уже без языка, бледный… и вдруг в бессилии опустился на стул; право, со мной чуть не случился обморок. [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 439.]

Эта сцена, столь незаметная и как бы будничная в тексте романа, представляется важнейшим моментом долгих, болезненных и мучительных поисков героем своего внутреннего «я», а затем бесчисленных попыток выгнать это «я» из тайных убежищ и пожертвовать им ради спасения других людей. К моменту, который, как предполагалось, должен был стать торжеством жертвенности, овеянным славой, внутреннее начало личности оказалось практически утраченным, а тело предстало перед миром

просто пустым конвертом. Когда в конце романа нам впервые удается увидеть тот самый «документ», он оказывается лежащим перед нами на столе Версилова листком бумаги, лишенным всей своей ценности — отброшенный воодушевляющий принцип взросления Аркадия.

ПОСЛЕ «ВНЕШНЕЙ ДУШИ»

Даже после потери всех разнообразных «тайников» для души, включая и «документ», основополагающий принцип «идеи» Аркадия остается для героя незыблемым вплоть до самого конца романа. Как объясняет Аркадий в эпилоге, год спустя после описанных событий, он вовсе не отбросил ту «идею», которая теперь существует «уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 451]. В самом деле, в основе задачи, стоящей перед Аркадием, лежит стремление найти в личности человека тот духовный стержень, который выходит за рамки мира общественных отношений. Как указывает Николай Семенович, друг и наставник Аркадия в своих критических замечаниях по поводу рукописи героя, «идея» Аркадия, пусть и в совершенно подростковая, сама по себе уже защищает его душу; она особенно ценна тем, что была рождена и выстрадана им самим, а не оказалась обычным заимствованием у окружающих, что так свойственно большинству идей: «<…> молодые люди текущего поколения набрасываются большею частию на идеи не выдуманные, а предварительно данные, и запас их весьма невелик, а часто и опасен. Ваша, например, “идея” уберегла вас, по крайней мере на время, от идей <“прогрессивных” сверстников>, без сомнения не столь оригинальных, как ваша» [Достоевский, 1972—1990, т. 13, с. 452].

Если использовать пример, приведенный Юнгом, то лишиться фигурки и камешка, спрятанных в пенале, означает свести свое «я» лишь к простому эмпирическому и незащищенному телу. Однако такая потеря подразумевает и возможность инициации в ранее неведомые измерения внутреннего пространства. В последнем романе Достоевского, «Братья Карамазовы», открытия братьями «иных миров» начинаются с болезненных, даже мучительных утрат всех имевшихся внешних опор, основ и якорей. Особенно наглядно это происходит с Алешей, оставшимся без Зосимы, носителя и обладателя его «души». А описывая настой-

чивое стремление Дмитрия Карамазова подчеркнуть особую важность его «ладонки» (небольшого мешочка с деньгами, который он носит у сердца) Достоевский напрямую отсылает нас к идее временной души-заместительницы: образ «ладонки» имеет куда больше общего с изначальной идеей Аркадия о «тайном сознании могущества», чем даже сам «документ». Как ладонка Дмитрия, это не «свое», это взятый, заимствованный или украденный источник власти — то есть, ложное ощущение «глубины». Обнародованием и уничтожением «ладонки» Дмитрия завершается период его собственного запоздалого юношества; именно после этой потери начинается внутренний поиск источников подлинного преображения — тема, лишь бегло намеченная в «Подростке», — источников всякого подлинного, открывающего, и «веселого» смеха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, 1985 — *Афанасьев, А. Н.* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. М.: Наука, 1985.

2. Достоевский, 1972—1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.

3. Краснощекова, 2008 — *Краснощекова, Елена.* Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. СПб, Пушкинский фонд, 2008. 480 с.

4. Мочульский, 1947 — *Мочульский, К.* Достоевский: жизнь и творчество. Париж, YMCA, 1947. 561 с.

5. Семенов, 1979 — *Семенов, Е. И.* Роман Достоевского «Подросток» (Проблематика и жанр). Ленинград: Наука, 1979. 165 с.

6. Касаткина, 2004 — *Касаткина, Т. И.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

7. Флоренский, 1996 — *Флоренский, Павел.* Избранные труды по исскуству. М.: «Изобразительное исскуство», 1996. 333 с.

8. Corrigan, 2017 — *Corrigan, Yuri.* Dostoevsky and the Riddle of the Self. Evanston, Il.: Northwestern University Press, 2017. 248 p.

9. Evdokimova, 2003 — *Evdokimova, Svetlana.* “The Anatomy of the Modern Self in *The Little Tragedies*” // *Alexander Pushkin’s Little Tragedies: The Poetics of Brevity*. Edited by

Svetlana Evdokimova, 106-143. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.

10. Frank, 2002 – *Frank, Joseph.* Dostoevsky: The Mantle of the Prophet. 1871-1881. Princeton: Princeton University Press, 2002. 784 p.

11. Frazer, 2009 – *Frazer, James George.* The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Edited by Robert Fraser. Oxford: Oxford University Press, 2009. 858 p.

12. Holland, 2013 – *Holland, Kate.* The Novel in the Age of Disintegration: Dostoevsky and the Problem of Genre in the 1870s. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2013. 251 p.

13. Jackson, 1966 – *Jackson, Robert L.* Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art. New Haven, Conn. And London: Yale University Press, 1966. 274 p.

14. Jung, 1989 – *Jung, C.G.* Memories, Dreams, Reflections. Recorded and edited by Aniela Jaffé. Translated by Richard and Clara Winston. New York: Vintage Books, 1989. 430 p.

15. Leatherbarrow, 1999 – *Leatherbarrow, W. J.* "The Devils in the Context of Dostoevsky's Life and Works." // Dostoevsky's The Devils: A Critical Companion. Edited by W.J. Leatherbarrow, 3–59. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1999.

16. Marx, 1975. *Marx, Karl*, "Economic and Philosophic Manuscripts of 1844." // Collected Works, Volume 3, 228–346. New York: International Publishers, 1975.

17. Rzhevsky, 1982. *Rzhevsky, Nicholas.* "The Adolescent: Structure and Ideology," // Slavic and East European Journal, Vol. 26, No.1 (Spring 1982): 27–42.

18. Steiner, 2011. *Steiner, Lina.* For Humanity's Sake: The Bildungsroman in Russian Culture. Toronto: University of Toronto Press, 2011. 284 p.

REFERENCES

1. Afanas'ev, A. N. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t. [Traditional Russian Folktales: in 3 vols.] Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [*Complete Works: in 30 vols.*] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Krasnoshchekova, Elena. *Roman vospitaniia – Bildungsroman – na russkoi pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoi.* [*The Novel of Education – Bildungsroman – on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoi.*] St. Petersburg: Pushkinskii fond, 2008. (In Russ.)

4. Mochul'skii, K. *Dostoevskii: zhizn' i tvorchestvo.* [*Dostoevsky: Life and Art.*] Paris: YMCA, 1947. 561 p. (In Russ.)

5. Semenov, E. I. *Roman Dostoevskogo "Podrostok" (Problematika i zhanr).* [*Dostoevsky's Novel "The Adolescent" (Problematics and Genre).*] Leningard, Nauka Publ., 1979. 165 p. (In Russ.)

6. Kasatkina, T. I. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova "realisma v vysshem smysle."* [*On the Creative Nature of the Word. The Ontology of the word in F.M. Dostoevsky's Art as the Foundation of "Realism in a Higher Sense"*.] Moscow: IMLI RAN, 2004. 480 p. (In Russ.)

7. Florensky, Pavel. *Izbrannye trudy po isskustvu.* [*Selected Works on Art.*] Moscow: Izobrazitel'noe isskustvo Publ., 1996. 333 p. (In Russ.).

8. Corrigan, Yuri. *Dostoevsky and the Riddle of the Self.* Evanston, Il.: Northwestern University Press, 2017. 248 p.

9. Evdokimova, 2003 – *Evdokimova, Svetlana.* "The Anatomy of the Modern Self in *The Little Tragedies*" in *Alexander Pushkin's Little Tragedies: The Poetics of Brevity.* Edited by Svetlana Evdokimova, 106–143. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.

10. Frank, 2002 – *Frank, Joseph.* Dostoevsky: The Mantle of the Prophet. 1871–1881. Princeton: Princeton University Press, 2002. 784 p.

11. Frazer, 2009 – *Frazer, James George.* The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Edited by Robert Fraser. Oxford: Oxford University Press, 2009. 858 p.

12. Holland, 2013 – *Holland, Kate.* The Novel in the Age of Disintegration: Dostoevsky and the Problem of Genre in the 1870s. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2013. 251 p.

13. Jackson, 1966 – *Jackson, Robert L.* Dostoevsky's Quest for Form: A Study of His Philosophy of Art. New Haven, Conn. And London: Yale University Press, 1966. 274 p.

14. Jung, 1989 – *Jung, C. G.* Memories, Dreams, Reflections. Recorded and edited by Aniela Jaffé. Translated by Richard and Clara Winston. New York: Vintage Books, 1989. 430 p.

15. Leatherbarrow, 1999 – *Leatherbarrow, W. J.* "The Devils in the Context of Dostoevsky's Life and Works." In Dostoevsky's The Devils: A Critical Companion. Edited by W.J. Leatherbarrow, 3-59. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1999.

16. Marx, Karl, "Economic and Philosophic Manuscripts of 1844." In *Collected Works,* Volume 3, 228–346. New York: International Publishers, 1975.

17. Rzhevsky, Nicholas. "*The Adolescent*: Structure and Ideology," *Slavic and East European Journal*, Vol. 26, No. 1 (Spring 1982): 27–42.

18. Steiner, Lina. For Humanity's Sake: The Bildungsroman in Russian Culture. University of Toronto Press, 2011. 284 p.

Елена Глазова

Андрей Белый и Борис Пастернак: символистская проза и большой русский город

Самозабвенно влюбленным в «молодое искусство Скрябина, Блока, Комиссаржевской, Белого — передовое, захватывающее, оригинальное»[1] входил Борис Пастернак в мир литературы, и, как он замечал позднее в автобиографическом очерке «Люди и положения», увлечение символистской прозой было неотъемлемой частью этой страсти: «Я был отравлен новейшей литературой, бредил Андреем Белым, Гамсуном, Пшибышевским» (III: 311). Мы помним также столкновение Пастернака с Максимом Горьким в их переписке 1927 года, когда тот сравнил недостатки Марины Цветаевой с творческими изъянами Белого. Ответ Пастернака Горькому был тверд: «Я люблю Белого и М. Цветаеву и не могу их уступить Вам…» (VIII: 116). Исайя Берлин писал о разговорах с Пастернаком в 1945 году, когда тот уже начал работу над будущим романом, и спустя 11 лет при новых встречах оценка Берлина не изменилась: «художественные вкусы <Пастернака> сформировались еще в ранней молодости, и он навсегда остался верным властителям дум той эпохи»[2]. Отрывки из автобиографических очерков писателя, его писем и воспоминаний друзей показывают, что раннее творчество Белого всегда оставалось для него примером самых оригинальных открытий в искусстве, но при этом, даже когда Пастернак рассыпался Белому в похвалах[3], он оставался удивительно немногословен, избегая

[1] *Пастернак Б. Л.* Охранная грамота. // Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями в одиннадцати томах. М.: Слово, 2003–2005. Том III. С. 210. Далее произведения Пастернака, включая отрывки из «Доктора Живаго», воспоминаний, статей и писем, цитируются по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках, соответственно римскими и арабскими цифрами.

[2] *Берлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах // История свободы. Россия. М.: НЛО, 2001. С. 455.

[3] 12 ноября 1930 года Пастернак писал Белому: «Что вспомнить Вас — значит вспомнить последнее мерило первичности, виденное в жизни» (VIII:465).

объяснений того, как именно влияние Белого отразилось на его собственном творчестве — и особенно на прозе и концептуальном мире «Доктора Живаго».

Сохранившиеся архивные материалы, свидетельствующие об отношениях между Белым и Пастернаком, собраны и внимательно изучены пастернаковедами, и мало кому из них кажется уместным поднимать вопрос о близости предреволюционной прозы Белого, насыщенной символами и отголосками философских идей, к реалистическому и как будто бы упрощенному повествованию в романе Пастернака. В данной статье мы позволим себе не согласиться с этой общепринятой позицией, поставив несколько взаимосвязанных вопросов: (1) опираясь на архивные материалы и критическую литературу, мы наметим, пусть кратко, контекст, необходимый для последующего анализа; (2) сравнивая описание революционной Москвы Пастернаком с Петербургом Белого, мы рассмотрим стиль повествования в главе «Московское становище» и (3) постараемся охарактеризовать более широкую философскую традицию, столь важную для Пастернака в его зарисовке рождения нового идеологического государства.

1. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ БЕЛОГО НА ТВОРЧЕСТВО ПАСТЕРНАКА

Исследователи и мемуаристы единодушны относительно целесообразности разговоров о воздействии Белого исключительно на молодого Пастернака. К этому выводу приходит и Л. Флейшман, подчеркивая, однако, что «п[р]и изучении литературных валентностей Б. Пастернака одно из центральных мест должен, несомненно, занять Андрей Белый»[4]. В этом же контексте литературоведы часто цитируют наблюдения С. Н. Дурылина о том, что первые литературные опыты Пастернака казались «осколк<ами> каких-то ненаписанных симфоний А. Белого»[5]. Крайне интересно утверждение А. В. Лаврова, что значимый Белый для Пастернака— это Белый дореволюционный, и что его творчество после «мусагетского» периода, после «Петербурга» и «Котика Летаева» «Пастернак встретил довольно прохладно <и> правоверным последователем символизма в зрелые годы уже не оста-

[4] *Флейшман Л.* Б. Пастернак и А. Белый // Russia Literary Triquaterly, 1975, № 13, с. 545.

[5] *Дурылин С. Н.* В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991. С. 307.

вался»[6]. Вывод Лаврова подтверждается записями Варлама Шаламова о его встречах с Пастернаком. В их беседе, состоявшейся 2 декабря 1956 года, Пастернак говорил, как обычно, о гениальности Белого[7], но замечал и некоторую ограниченность видения великого символиста, влияние которого он испытал как будто только в начале своего творчества: «Наставленный на что-нибудь одно, он прозорлив, гениален. Наставленный на другое — ничтожен. Хороша, отлична его проза. Дань этой прозе отдал и я в “Детстве Люверс”»[8].

Заметим, однако, что тенденция избегать разговоров о продолжительном влиянии Белого прекратилась почти молниеносно, когда его близкие друзья, а затем и западные критики усомнились в оригинальности прозы романа. Крайне важно письмо П. П. Сувчинскому от 14 августа 1958 года, где Пастернак, сетуя на основные направления литературоведческих подходов к «Живаго» на Западе, говорил о важнейшей роли прозы Белого в своем творчестве: «Отказался ли я от оригинальности по уважительным причинам или, напротив, никогда не обладал ей, не знакомый с западными ее образцами, я, вышедший в прозе из Андрея Белого и прошедший через распад форм в их крайнем выражении» (X: 369). Самооценки Пастернака редко бывают однозначны, и в данном письме он опять же не прямолинеен. С одной стороны, он настаивает, что проза Белого стала для него основополагающей «школой», но, с другой, и это несомненно значимо, подчеркивает не формообразующие тропы влияния, а — распад форм.

Иными словами, вопрос о влиянии Белого на роман Пастернака отнюдь не бессмыслен, но все же в каких областях Пастернак считал находки Белого «прозорливыми» или «гени-

[6] *Лавров А. В.* Андрей Белый и Борис Пастернак: Взгляд через Марбург //Лавров А. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: НЛО, 2007. С. 307.

[7] См. *Лавров А. В.* Андрей Белый и Борис Пастернак. С. 207—310. Лавров дает четкую оценку споров вокруг авторства Пастернака. Так, в некрологе Белому, подписанном Б. Пильняком, Г. Санниковым и Пастернаком, Белый охарактеризован «высоко и патетично» (207). Писатели заявляют: «Мы, авторы этих посмертных строк о Белом, считаем себя его учениками» (310).

[8] *Шаламов Варлам.* Воспоминания. М.: Олимп Астрель, 2001. С. 345.

альными»? И почему, как мы видим из письма Д. М. Лузанову в мае 1944 года, Пастернак подчеркивал, что его цель в будущем романе — дописать и развить «самое отрывистое и гениальное в творчестве позднего Скрябина или Андрея Белого, отдельные озаренья и разобщенные восклицания», но сделать это «без закономерно катящегося развития, обрекавшего их авторов на схематизм и недостаточную содержательность…» (IX: 375). И чуть позднее, в 1945 году, во время уже упомянутых выше встреч с Исайей Берлином, Пастернак признавался, что несмотря на его глубочайшее восхищение Блоком, «Белый был ему ближе — человек, способный к удивительным, неслыханным прозрениям»[9]. Так, при всей отрывочности и неполноте архивных материалов и, даже учитывая уклончивость Пастернака при ответах на прямые вопросы о влиянии Белого, мы можем различить несколько концептуальных линий в романах обоих писателей, объясняющих одновременно и расхождения, и общность художественных целей.

По поводу несомненного различия их подходов к поискам новой прозы гадать не приходится: в этом отношении мнение Пастернака о схематичности прозы Белого и мироощущения Скрябина разъясняет многое. Пастернак, как мы знаем, не был поклонником Фридриха Ницше и знал не понаслышке о влиянии немецкого философа на развитие русского символизма. Не представлял загадки для него и тот факт, что основополагающая концепция «Петербурга», с которой связаны все другие тематические линии, обозначена на первой странице выбором имени Аполлона Аполлоновича: этот важный государственный сановник Санкт-Петербурга самоочевиден как носитель аполлонического начала, осужденного, по мысли Фридриха Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки», на фатальные столкновения с дионисийском хаосом. В мире символистов такие понятия, как дионисийский хаос, небытие, ничто, буря и ветер, становление (генезис), тянущееся к вечному бытию и распадающееся бесследно, а также бесформенная материя — взаимосвязаны, если даже не синонимичны. Фактически те же концепции, основополагающие для Скрябина, были охарактеризованы в 1917 году как дух революции никем иным как Вячеславом Ивановым, еще одним страстным приверженцем дионисийской

[9] *Берлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах. С. 454.

стихии: «Божество, вдохновлявшее Скрябина, прежде всего разоблачается как Разрешитель, Расторжитель, Высвободитель — Дионис-Лисий или Вакх-Элевферий эллинов»[10]. Иначе говоря, то, что Пастернак называл «распадом форм в их крайнем выражении», было крайне важной концептуальной линией для новейших художественных решений художников Серебряного века: в их искусстве проникновение духа смерти и разрушения в любой аспект действительности ощущалось как неизбежное возмездие, знаменующее новый исторический этап. Вспомним здесь и влияние Владимира Соловьева с его убежденностью в том, что «[к]осмический ум в явном противоборстве с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемою этим хаосом мировою душою или природою [...] творит в ней и чрез нее сложное и великолепное тело нашей вселенной»[11]. И в тяжелейшем для страны 1918 году Белый все же не оставлял надежды, что погружение земли во всепоглощающий хаос и небытие пробуждает новое и великое будущее:

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.
...

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий[12].

Эсхатологически настроенные русские символисты, ожидая, а иногда и приветствуя вторжение в мир всеразрушающего хаоса, считали битвы начал, названных Ницше рациональным Аполлоном и всеразрушающим Дионисом необходимой / неотложной частью русской истории.

[10] *Иванов Вяч.* Скрябин и дух революции // Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 192.

[11] *Соловьев В.* Красота в природе //Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 72.

[12] *Белый А.* «Современникам» // Белый А. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург—Москва: Академический проект — Прогресс-Плеяда. Библиотека поэта (Большая серия): 2006. Т. 1. С. 387.

Эта смертоносная оппозиция в «Петербурге» Белого представлена в сатирическом ключе: в романе сталкиваются, с одной стороны, Аполлон Аполлонович, не видящий вокруг себя ничего кроме геометрической прочности имперской державы и своих прямолинейных умозаключений, а, с другой, небытие и сила уничтожения, на каждом дальнейшем новом витке набирающие новых приверженцев и последователей, напоминающих маски из-за внутренней опустошенности. Более того, эта тема, намеченная безошибочно как основной узел всех событий «Петербурга», не была, как замечено выше, ограничена ницшеанством; с необычайной легкостью соединял Белый философские построения Ницше с противопоставлением вечных идей и иллюзорности материального мира у Платона, и, будучи воспитан на философии Владимира Соловьева, не мог забыть его описаний всеуничтожающей силы «первобытного хаоса»: «Хаос, т. е. отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного»[13].

В первой же главе «Петербурга» нити и отголоски этих тем переплетаются воедино, когда Аполлон Аполлонович в своей четырехугольной черной карете едет по геометрически расчерченному Петербургу и замечает полное ненависти лицо человека со свертком, в котором таится еще не прозвучавший взрыв:

> …Аполлон Аполлонович, пролетая по Невскому, пролетает за миллиардами верст от людской многоножки, попирающей тот же самый проспект: обеспокоенный, Аполлон Аполлонович вплотную придвинулся к стеклам кареты […].
>
> […] В ту же четверть секунды сенатор увидел в глазах незнакомца — ту самую бескрайность хаоса, из которой исконно сенаторский дом дозирает туманная, многотрубная даль, и Васильевский Остров. […]
>
> Там, в роях грязноватого дыма, откинувшись к стенке кареты, в глазах видел [Аполлон Аполлонович] то же все: рои грязноватого дыма; сердце забилось; и ширилось, ширилось, ширилось; в груди родилось ощущенье растущего, багрового шара, готового разорваться и раскидаться на части[14].

[13] *Соловьев В.* Поэзия Ф. И. Тютчева //Философия искусства и литературная критика. С. 475.

[14] *Белый А.* Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М.: Наука, 1981. С. 25–26. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Для творчества Пастернака подобный схематизм и броская, яркая отточенность тем и концепций противоестественны. Как известно любителям Пастернака, не только Юрий, герой романа, «всю жизнь мечтал он об оригинальности сглаженной и приглушенной, внешне неузнаваемой и скрытой под покровом общеупотребительной и привычной формы» (IV: 438); сам Пастернак в работе над романом неоднократно повторял друзьям и собеседникам, что оригинальность прозы, к которой он стремился, должна быть «стушеванной и скрытой под видом простой и привычной формы, сдержанной и непритязательной»[15]. Иными словами, Пастернак хотел, чтобы символичность повествования, как и символическая подоплека жизненных событий, были почти незаметными и как бы оттесненными реалистической напряженностью происходящего[16].

Заметим также, что, зная не понаслышке то горе разрушения, которое революция внесла в русскую жизнь, Пастернак не мог приветствовать силы дионисийского хаоса как воистину творческую силу или историческую необходимость[17]. В романе он резко критикует любую романтизацию разрушения, подчеркивая, что русские символисты не предвидели, да и не могли предвидеть, всю глубину несчастий, о приближении которых они пророчествовали. Так, возвращаясь с войны, Юрий Живаго осознает, что хаос революции «в том понимании, какое придавала ей учащаяся молодежь девятьсот пятого года, поклонявшаяся Блоку» — это Россия, к которой нет возврата. Стране готовится совсем другое испытание — хаос, появляющийся не в произведениях Блока, Белого или даже Соловьева, а рожденный каждодневными братоубийствами: «Таким новым была революция, не

[15] *Гладков А.* Встречи с Пастернаком. Paris: YMCA Press, 1973. С. 111.

[16] В работе над «Слепой красавицей» Пастернак искал еще более радикальных решений в этом направлении. См. письмо Сувчинскому (11 сентября, 1959 года): «Я это хочу написать с меньшей примесью философии и религиозного символизма, чем Д<октор> Ж<иваго>, но и, если этого добьюсь, еще более безусловно» (X: 527).

[17] В письме Н. С. Родионову (27 марта 1950) Пастернак противопоставляет творчество Толстого влиянию Ницше на символистов: «На меня большое влияние в детстве (лет 12—13-ти) оказали люди и течения, казалось бы, с миром Льва Николаевича несовместимые, символисты и даже та доля или тот налет эгоцентризма, чтобы не сказать ницшеанства, которые отличали Скрябина…» (IX: 603).

по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта, нынешняя, из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция» (IV: 160).

И поэтому Юрий содрогается с отвращением, услышав, как его сосед по купе, юноша-радикал Погоревших «невозмутимым тоном оракула предсказывал гибельные потрясения на ближайшее время» и поучал доктора, что «разрушения — закономерная и предварительная часть более широкого созидательного плана» (IV: 163). И если для Белого уверенность в исторической закономерности хаоса и пустоты, наступающих на великий город, усиливали сатирическую атмосферу «Петербурга», то для Пастернака — надвигающиеся пустота и хаос не оставляют места для иронии или насмешек. Даже Николай Николаевич Веденяпин[18], любимый дядя Юры, со всем его философским восприятием хода истории и необходимости краха всей системы, кажется человеком мало что понимающим в революционной России осенней порой 1917-го года:

> Его удивило спокойствие Николая Николаевича, хладнокровно шутливый тон, которым он говорил на политические темы. Его умение держать себя превышало нынешние русские возможности. В этой черте сказывался человек приезжий. Черта эта бросалась в глаза, казалась старомодною и вызывала неловкость. (IV: 176)

Позднее в Юрятине, Юрий уже с нескрываемым пренебрежением отрекается от великих поклонников и проводников хаоса и сумятицы, видя в них не пророчествующих носителей всемирной катастрофы, а просто бездельников, начисто лишенных навыков или талантов: «А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды — это их самоцель. Ничему другому они не учились» (IV: 296).

Вместе с тем, нельзя пройти мимо общности замыслов «Петербурга» и «Доктора Живаго» — картин большого города, где каждый аспект жизни его обитателей разрушается надвигающейся катастрофой. Для Белого, при всей взрывчатой интенсивности

[18] См. Лавров. Еще раз о Веденяпине в «Докторе Живаго» // Андрей Белый. С. 323–332. Лавров дает историю обсуждений в критической литературе возможных линий сходства между Веденяпиным и Андреем Белым.

романа, бедствия, ожидающие Петербург — в будущем, и эта отдаленность во времени объясняет не только сатирическую настроенность повествования, но местами некую безжалостную фривольность авторского тона. Для Пастернака, стремившегося прежде всего зафиксировать историческую эпоху, когда «чудовищная махина будущего» подминает под себя «перемогающийся в несчастиях русский город» (IV: 182), тон повествования исключает безжалостность. И если для Белого набор и направленность образов четко обозначены и спроектированы как столкновение не просто «отцов и детей», но и как битва между умственными построениями ограниченных и самовлюбленных высокопоставленных чиновников «державного Петербурга» и пустотой или «небытием», порождаемыми нищетой окружающих островов, то в прозе Пастернака, как он того и желал, довольно непросто распознать символику образов и какие-либо четкие схематические соотношения.

Интересен здесь тот факт, что, говоря о дореволюционных романах Белого, Пастернак отказывался видеть в них описания Петербурга. Голосом Петербурга, по утверждению Пастернака, был Блок, а Андрея Белого Пастернак воспринимал в первую очередь как художника Москвы, причем Москвы очень определенного исторического периода, когда хаос, охватывавший город, был порожден волнениями дореволюционной России, а еще точнее — московским вариантом *fin de siècle*:

> История любви к зимней русской столице, долгий молчаливый роман Блока с большим и таинственным городом — это не просто существенный момент его биографии. […] Необычное рождалось, росло, развивалось, поскольку жизнь превышала привычное. Неправдоподобие возникало вдогонку действительно пережитому. Таковы же элементы сверхъестественного и мифологического (или космического) в молодой прозе Белого, в его «Симфониях», «Серебряном голубе», «Петербурге» и даже «Котике Летаеве». *Эти элементы были необходимы для изображения действительного хаоса Москвы, какой мы видели ее тогда, в годы раннего детства моего поколения.* (X: 555; курсив мой.)

К такому неожиданному выводу[19] мы можем прибавить и утверждение, найденное среди записей уже покойного Юрия

[19] Как замечает Лавров, Пастернак был также знаком не только с не опубликованным при жизни Белого романом «Москва», но и с его инсценировкой. С. 325, сн. 8.

Живаго, о том, что в современном искусстве «[ж]ивой, живо сложившийся и естественно отвечающий духу нынешнего дня язык — язык урбанизма» (IV: 486). И мы помним, что на самой последней странице романа Пастернак подчеркивает, что для его персонажей, оставшихся в живых, Москва — не просто место событий, но и главная героиня «длинной повести, к концу которой они подошли с тетрадью в руках в этот вечер» (IV: 514).

Так, при всех кажущихся противоречиях и некоторой разбросанности высказываний Пастернака о Белом, можно восстановить последовательную логику этих отношений — соотношений художественных целей прозы обоих писателей. Пастернак разделял с Белым (и развивал не без его влияния) не только тему города как неотъемлемую суть современного искусства, но и искал новые формы, чтобы выразить уже в совсем ином ключе фантасмагорию впечатлений и силы разливающегося хаоса, угрожающего городским обитателям. Важен здесь и тот факт, что Пастернак, разъясняя цели современного русского искусства, подчеркивает — как в романе, так и в своих воспоминаниях и письмах — что изображенная им Москва — это мир, переживающий наиболее радикальные исторические изменения, а не просто город времен его детства, уже описанный Белым. И, следуя за Белым, но, в отличие от него, избегая броскости и схематизма символистического повествования, Пастернак ищет новый подход к прозе, которая, рассказывая о недалеком прошлом, оказавшемся неизбывным горем для страны и ее народа, могла бы в своей необычности стать рядом с лучшими образцами русского искусства. По мысли писателя, сам масштаб народной трагедии — этот «дымящийся в ночном зареве далекий большой город» — требовал от художника не просто творческого накала, а поиска новых художественных средств, поражающих читателя:

> Писать о нем надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы.
>
> Писать о нем затверженно и привычно, писать не ошеломляюще, писать бледнее, чем изображали Петербург Гоголь и Достоевский — не только бессмысленно и бесцельно, писать так — низко и бессовестно. (3: 345)

Учитывая далее, что понятия хаоса, разрухи и пустоты, заполняющие пространство, центральны как для «Петербурга», так и для прозы «Доктора Живаго», мы остановимся на нескольких

эпизодах описания Пастернаком революционного города в его главе «Московское становище». Несмотря на то, что эта тема выходит за пределы формата короткой статьи, наша цель — начать разговор о том, как, пройдя «школу» прозы Андрея Белого, Пастернак преломляет уроки русского символизма в совсем необычном ракурсе, одновременно фиксируя и затушевывая рождение новых форм.

2. «МОСКОВСКОЕ СТАНОВИЩЕ»: НОВАЯ ПРОЗА И НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Необычно само название главы о революционной Москве. Согласно его этимологии, «становище» — это прежде всего временное поселение, привал, стоянка для перелетных птиц, поселок в далекой провинции. Но ощущение временности привала оказывается вполне уместным и для Москвы 1917—1919 годов, откуда, не вынеся болезней, голода, холода и навалившихся бед, семья доктора Живаго решает уехать на Урал, поскольку «продержаться в промежутке» в их родном городе становится невозможно (IV: 208). Начинает подходить этой Москве и понятие глухой провинции, и из разговоров между Юрой и прозектором больницы мы узнаем, что даже старожилы теряются на улицах города:

> Бывало, я с завязанными глазами мог по этому району пройти. […] А стали заборы валить, и с открытыми глазами ничего не узнаю, как в чужом городе. Зато какие уголки обнажились!
>
> Ампирные домики в кустарнике, круглые садовые столы, полусгнившие скамейки. (IV: 186)

Время как бы идет вспять, и мифологические и сказочные пространства непроходимых лесов, где водятся колдуны, колдуньи и орудуют разбойники, размещаются в самом центре города.

> На днях прохожу мимо такого пустырька, на пересечении трех переулков. Смотрю, столетняя старуха клюкой землю ковыряет. «Бог в помощь, — говорю, — бабушка. Червей копаешь, рыболовствуешь?» Разумеется, в шутку. А она пресерьезнейше: «Никак нет, батюшка, — шампиньоны». И, правда, стало в городе, как в лесу. Пахнет прелым листом, грибами.
>
> — […] И говорят, грабят на углу. […] Оберут, разденут, и фюить, ищи ветра в поле. (IV: 186)

Но при всем реалистическом обосновании названия, есть у слова «становище» и немаловажная связь с философским понятием «становление» — понятием, имеющим первостепенное значение как для идеалистической классической философии, так и для ее дальнейшего развития, поскольку противопоставлено оно вечному самотождественному «бытию». Д. Никулин дает краткое и очень четкое определение роли этих понятий в философии:

> Установления этого различия — у истоков греческой, а значит, и европейской философской мысли. Что такое становление? Становление — это движение к бытию [...], поэтому у него нет собственной сущности, оно пусто и ничтожно. Кроме того, оно никогда еще не есть, но только собирается быть, тянется к бытию. [...]. Но никогда не достигая бытия, становление вместе с тем не может прекратиться, — весь бег, поток его, существуя только мнимо, «как если бы», питается неиссякаемой силой и единством бытия. Становление, будучи ничем (из действительного сущего), всегда возникает и исчезает, — строго говоря, его даже невозможно и определить как изменчивое, ибо оно постоянно меняется и ускользает[20].

В романе, и особенно в главе, посвященной революционной Москве, противопоставление — «становление» = «бытие» — несет огромную смысловую нагрузку. Подспудно намеченный некой необычностью названия, контраст этих философских понятий создает дополнительный и крайне важный пласт, когда описание русского города отражает не просто определенный исторический период или философскую категорию, а целую цепь взаимосвязанных процессов, объясняющих всю безвыходность происходящего в пространстве, медленно рассыпающемся в небытие. И здесь трудно говорить просто о влиянии прозы Белого, с такой легкостью развивавшего в ней философские категории, поскольку Пастернак несомненно осознает, что и он, подобно Белому, обращается к многогранной философской традиции, развивающей или отрицающей мысли о том, что становление — это область видимых материальных вещей, изменяющихся и находящихся в не-

[20] *Никулин Д. В.* Бытие и становление. Знание о бытии и истине // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. Учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е издание. М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 187.

прерывном движении, одновременно распадающихся и все же стремящихся удержаться в бытии.

Для молодого Пастернака эти понятия были важной частью его философских штудий, и в его дневниковых записях, посвященных идеалистической философии, можно найти следующее описание:

> Материя в противоположность идеям отрицательно пассивное начало, безгранично неопределенное, формируемое. Идеи всегда равны себе. Материя -- никогда. Она называется *he*teron (другое). Материя, причина причастности небытию — само небытие. Т. е., материя по Платону не субстанция, а отвлечённый признак являемости и изменчивости всех вещей, как особый принцип. […] Бросив отвлеченное, Платон отождествил материю с безграничным хаосом, с пустотой, сущей рядом с Богом. Отсюда дуализм последующей философии[21].

Вспомним также, что, раздраженный интерпретациями своего роман, Пастернак писал своим западным друзьям о двух пластах своего повествования, стараясь, несмотря на свою изоляцию в России, успеть что-то объяснить хотя бы в письмах о своих художественных намерениях:

> По замыслу, задаче и исполнению это было реалистическое произведение. Потому что в нем была точная реальность определенного периода, — русская реальность последних пятидесяти лет. Когда эта работа была выполнена, осталось еще одно, что надо было также охарактеризовать и описать. Что именно? Реальность как таковую, реальность как явление или философскую категорию — самый факт бытия какой-то действительности.
>
> […] представить реальность такой, как я всегда ее видел и переживал; как вдохновенное зрелище невоплощенного […] (X: 489–90)

Но почему возникла эта необходимость объяснять присутствие философского пласта — «реальности как явления или философской категории»? В ответ на этот вопрос отметим различие

[21] *Fleishman L., Harder H.-B., Dorzweiler S., Pasternak B. L.* Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные конспекты и заметки Бориса Пастернака. 2 vols. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. Т. 1. С. 489–490.

между философскими ассоциациями в прозе Белого и Пастернака. У Белого философский пласт материального мира как порога в изменчивое и хаотичное пространство обозначен так настойчиво и четко, что трудно выбрать только один наглядный пример — философские отголоски всюду, начиная с презрительных описаний интеллектуальных построений Аполлона Аполлоновича. Например, не без ехидства оповещает Белый читателя, что даже идеальность мыслей и постоянство привычек, рассеивающееся при любом пристальном взгляде его героя — путь в бездну небытия:

> Аполлон Аполлонович видел всегда два пространства: одно — материальное (стенки комнат и стенки кареты), другое же — не то, чтоб духовное (материальное также) […].
>
> Бывало Аполлон Аполлонович перед сном закроет глаза и вновь их откроет […] И все разлетится. […]
>
> Иногда (не всегда) перед самой последней минутой дневного сознания Аполлон Аполлонович, отходящий ко сну, замечал, что все нити, все звезды, образуя клокочущий крутень, сроили из себя коридор, убегающий в неизмеримость и (что самое удивительное) чувствовал он, что коридор тот — начинается от его головы, т. е. он, коридор, — бесконечное продолжение самой головы […] при раскрытии темени это нечто могло и свободно, и просто пробегать коридор до места свержения в бездну, которое обнажалось там, вдали коридора (137—138).

По контрасту с Белым Пастернак делает все возможное, чтобы любой символический подтекст описания был почти полностью подчинен реалистическим сценам русской жизни и как бы завуалирован ими. Именно поэтому, подчеркивая всю важность «школы» прозы Белого, Пастернак не мог не знать, что как художник, он шел в символизме прозы в резко противоположном направлении. Его Юрий «с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидать и передумать» (IV: 66). Несомненно, что понятие «скрытых гнезд», где спрятаны наиболее сильные впечатления и влияния — не пустой принцип и для автора романа[22].

[22] См. выше воспоминания Гладкова о словах Пастернака про стремления к прозе, где оригинальность должна быть «стушеванной

Например, возвращение Юрия с фронта в город его детства — это несомненно фантасмагория, но при этом мы вряд ли замечаем, как все материальные явления, окружающие героя, расползаются, стирая кажущуюся четкость событий. Так, засыпая и пробуждаясь в поезде, Юрий слышит, как ночные тени разносят весть о разрастающейся революции, «еле ворочая сонными отяжелевшими листьями, как заплетающимися шепелявыми языками» (IV: 160). Спит ли Юрий и видит ли сон, верить ли читателю «вероятному конечному величию» революции (IV: 160), о котором шепчут не деревья, а только их тени — неизвестно. Но в первом же предложении «Московского становища» Пастернак привлекает внимание читателей к путанице в сознании Юрия о течении времени или любого временного измерения, хотя уход от точной хронологии опять же незаметен; мы видим только замешательство героя: «В дороге, казалось, что идет только поезд, а время стоит, и что все еще пока полдень» (IV: 165).

Но почти сразу диапазон колебания времени расширяется, и мы теряемся не только в хронологических рамках одного дня: мы видим, как прошлое и будущее России сливаются воедино, переплетаясь, опять же кратковременно, не радостью узнавания, а непрекращающимися людскими бедствиями. Не замечаем мы и того факта, что, как только Юрий ступает на перрон Смоленского вокзала, реальность приезда заменяется целой цепью событиях, которые, как следует из текста, произойдут только в будущем и будут храниться в памяти всех участников событий долгие годы. И хотя мы как бы забегаем во времени вперед, мы ощущаем при этом, что хронология пошла вспять из-за голода, грязи и пустоты на рыночных прилавках в последующие годы:

> Может быть, так оно и было, а может быть, на тогдашние впечатления доктора наслоился опыт позднейших лет, но потом в воспоминаниях ему казалось, что уже и тогда на рынке сбивались в кучу только по привычке, а толпиться на нем не было причины, потому что навесы на пустых ларях были спущены и даже не прихвачены замками, и торговать на загаженной площади, с которой уже не сметали нечистот и отбросов, было *нечем*. (IV: 165)

Так, не отдавая себе отчета, как это произошло, мы входим в мир кажущегося, причем «ничто» на будущих рыночных при-

и скрытой под видом простой и привычной формы». Сн. 16.

лавках оказывается способным организовать вокруг себя целое пространство, одновременно реальное и эфемерное.

Более того, когда, ступая на платформу, Юрий уже как бы поглощен воспоминаниями о предстоящем — об истощенных людях на Смоленском рынке будущего, и эти несчастные пришельцы представляют собой не строителей прекрасного «завтра», а уничтожаемый старый режим, и стараются они продавать, опять же абсолютно тщетно, вещи, корнями уходящие в еще более глубокое прошлое. И если Белый в «Петербурге» сообщает, что население города — «толпы зыбких теней» с островов, которые «вкрадчиво […] проникают в телесное обиталище ваше; проникают отсюда они в закоулки души» (28), Пастернак нигде не подчеркивает, что перед Юрой возникают уходящие призраки и страшные тени будущего, хотя слово «казалось» мелькает на каждом шагу. Так реальность возвращения домой стирается миром «невоплощенного», кажущегося и зыблемого, но картины движения временного маятника между прошлым и настоящим настолько сильны, что запоминаются не призраки и тени, «жавшиеся на тротуаре», а образы страдающих людей, уничтожаемых безжалостным ходом истории:

> И ему казалось, что уже и тогда он видел жавшихся на тротуаре худых, прилично одетых старух и стариков, стоявших немой укоризною мимоидущим, и безмолвно предлагавших на продажу что-нибудь такое, чего никто не брал и что никому не было нужно: искусственные цветы, круглые спиртовые кипятильники для кофе со стеклянной крышкой и свистком, вечерние туалеты из черного газа, мундиры упраздненных ведомств. (IV: 165)

Но не только «старорежимные» люди как бы вспоминаются Юрию. Встречаем мы и «публику попроще», хотя и они, торгуя «вещами более насущными», не могут остановить их разрушение: материальные продукты постоянно дробятся и распадаются, становясь «быстро черствевшими горбушками черного пайкового хлеба, грязными, подмокшими огрызками сахара и перерезанными пополам через всю обертку пакетиками махорки в пол-осьмушки», и даже такой продукт, как хлеб, не может хранить свежесть и сразу черствеет, превращаясь на конечном этапе в отброс и при этом вливаясь в быстро дорожающее и уже беспредельно делимое и расходящееся повсюду ничто: «И по всему рынку шел

в оборот какой-то неведомый хлам, который рос в цене по мере того, как обходил все руки» (IV: 166).

Более того, не только временной маятник расшатан этим особым, все дробящим, вихрем на Смоленском рынке. Само пространство, переполненное настоящими и будущими посетителями, долго не позволяет Юре, едущем на извозчике, протиснуться сквозь «несметное множество народа» в то время, как кажущийся полдень рассекается закатом, и заходящее солнце физически «бьет» Юрия в спину, отблескивая в пыли, поднятой копытами лошадей (IV: 166). Не рассеивается чувство препятствия, даже когда у Юрия и его извозчика получается продолжить путь: они двигаются вперед в мир, напоминающий, опять же отдаленно, бронзовые ворота новых и неизведанных пространств, но ноги лошадей заплетаются в старых газетах и плакатах, которые, валяясь в пыли и уводя в уже забытое прошлое, продолжают затруднять дорогу, двигаясь в этом вихре-маятнике пространства и времени в противоположных направлениях:

> Сзади садилось солнце и било им в спину. Перед ними громыхал ломовик на подскакивавшей порожней подводе. Он подымал столбы пыли, горевшей бронзою в лучах заката.
>
> Наконец им удалось объехать ломового, преграждавшего им дорогу. Они поехали быстрее. Доктора поразили валявшиеся всюду на мостовых и тротуарах вороха старых газет и афиш, сорванных с домов и заборов. Ветер тащил их в одну сторону, а копыта, колеса и ноги встречных едущих и идущих — в другую. (IV: 166)

Подобно музыкальной увертюре, начало главы анонсирует (пусть завуалированно и подспудно) будущее содержание времени и пространства «Московского становища», где все старания героев, несмотря на их мужество и выносливость, будут сходить на нет. Как учил Тимей в диалоге Платона о сути становления: оно «возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле» (28a)[23]. Здесь искусство прозы объясняет столь трудно постигаемый исторический ход событий 1917 года, когда, вопреки выдающимся талантам участников и очевидцев событий, их неимоверным усилиям и жертвам, возрождение России оказалось

[23] Платон. Тимей // Платон. Избранное. М.: ИПЦ Маска, 2018. Далее цитаты из Платона из этого издания даны в скобках по принятой в случае Платона индексацией.

только мечтой, промелькнувшей многообещающе и обманчиво. И поскольку на каждой странице описываются события, призванные одновременно внушать надежду, подчеркивать реальность происходящего и в то же время уничтожать, ставить под сомнение, обесцвечивать или отвергать, мы следим за повествованием, но не всегда уверены, почему то или иное событие выходит на первый план, предлагается нашему вниманию как явное и важное, но почти сразу же меркнет или отрицается.

Сравнивая роль слова «кажется» в прозе обоих писателей, можно заметить у Белого подчеркнуто нереальный «феномен» петербургской толпы, который, несмотря на свою «обычность», тем не менее обещает грядущие бури:

«В зеленоватом освещении петербургского утра, в спасительном “кажется” пред сенатором Аблеуховым циркулировал и обычный феномен: явление атмосферы — поток людской; тут люди немели; потоки их, набегая волнообразным прибоем, — гремели, рычали; обычное ухо же не воспринимало нисколько, что прибой тот людской есть прибой громовой» (24). И если Белый выводит эфемерность видимого на первый план, то Пастернак подчеркивает его реальность, но при этом вносит в репрезентацию событий еле заметную странность. В результате, при всей четкости нарисованной картины, невозможно полностью отрешиться от какой-то мелкой неясности, столь раздражавшей многих читателей Пастернака. Непонятно, например, почему при радостной встрече Тони и Юры, в тексте появляется стилистически неподходящий глагол «глазели», когда подчеркивается, что прохожие, обходя супругов, «оглядывали их с ног до головы и долго глазели на отъезжающего извозчика и на широко растворенное парадное, ожидая, что будет дальше» (IV: 167).

В мире, где в одно и то же самое время все как бы реально и как бы нет, неясно, встречаем ли мы здесь обитателей уже почти подземного царства, жаждущих почувствовать теплоту семейной встречи, и стоит ли верить дворнику Маркелу, похожему одновременно на кривляющегося Федора Павловича Карамазова и сурового Харона, охраняющего царство мрачного Аида. Но Маркел, злобно разгоняющий «глазеющих», уже бежит навстречу «молодым господам» и приветствует Юру, который уже не господин, в «родимое запечье», сообщая: «покамест ты там богатырствовал, и мы, видишь, не зевали. Такой кабак и бедлант развели, что чертям, брат, тошно, не разбери-бери — что!» (IV: 167).

Веря в реальность встречи, мы как бы не замечаем этих быстро промелькнувших образов ада и даже почти не обращаем внимания на пугающую характеристику Маркела из уст Тони: «Чистейший балаган один. При других все дурачком, дурачком, а сам втайне на всякий случай ножик точит. Да вот не решил еще, на кого, казанская сирота» (IV: 168). И, сбитые с толку, поскольку Юрий не соглашается со столь мрачным описанием их бывшего, но по-прежнему служащего у них дворника, мы послушно сосредотачиваемся на утке с клювом, подарке охотника Погоревших, торчащей из Юриной корзины, только смутно припоминая, что в царстве Аида умершие слетаются на запах крови и что Одиссей, спустившись в подземное царство, должен был принести в жертву животное и дать умершим выпить его кровь, чтобы узнать свое будущее.

Но некому сказать или услышать в «Московском становище» веское пророческое слово. Все тускнеет и идет невпопад, даже когда утка зажарена и голодные друзья приглашены на пиршество:

> Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения. Они были гораздо ярче в его воспоминаниях. По-видимому, он раньше их переоценивал. […] как быстро все полиняли, как без сожаления расстались с самостоятельной мыслью, которой ни у кого, видно, не бывало! (IV: 173)

Так, свидание, обещающее радостное и щедрое событие, разочаровывает и раздражает, и не спасает его даже бутылка спирта, принесенная Мишей Гордоном:

> Антонина Александровна не выпускала бутылки из рук и по мере надобности разводила спирт небольшими порциями, по вдохновению, то слишком крепко, то слишком слабо. При этом оказалось, что неровный хмель от меняющегося раствора многим тяжелее сильного и определенного. Это тоже сердило. (IV: 173–174)

Крайне значителен в описании этого неудавшегося роскошного торжества и та настойчивость, с которой подчеркивается, что никому не удастся изолироваться от процессов «бесследно тонущего» города. Нереальность и исчезновение, усиленные в повествовании неким налетом странности добавляемых дета-

лей, убеждают читателя, что пустота города поглотит любые исключения и, забывая о всех возможных философских ассоциациях «пустоты» и «ничто», мы все же верим спорным словам писателя, что именно эта невозможность исключений из всеобщей обреченности и есть самое грустное:

> *Всего же грустнее было*, что вечеринка их представляла отступление от условий времени. […] За окном лежала немая, темная и голодная Москва.
>
> Лавки ее были пусты, а о таких вещах, как дичь и водка, и думать позабыли.
>
> И вот *оказалось*, что только жизнь, *похожая на жизнь окружающих и среди нее бесследно тонущая*, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые к*ажутся* единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка. *Это огорчало больше всего*. (IV: 174)

Из-за большой концентрации впечатлений, гнездящихся близко друг к другу, и ассоциаций, быстро предложенных и так же быстро подавленных, мы также упускаем из виду, что еще до встречи с друзьями, дом Громыко не может охранить своих обитателей от пространственной и временной эфемерности происходящего. Например, мы проходим мимо той несуразности, что Тоня и Александр Александрович как будто предложили низ дома новым и уже поселившимся в нем жильцам, хотя, по рассказам Тони, ясно, что их предложение пока еще не принято:

> Мы с папой думали, думали, и часть низа отдали Сельскохозяйственной академии. А то зимой самим не отопить. Да и верх слишком поместительный.
>
> Предлагаем им. *Пока не берут. У них тут кабинеты ученые, гербарии, коллекции семян.* Не развели бы крыс. Все-таки — зерно. Но пока содержат комнаты в опрятности. (IV: 168)

И мы почти не замечаем, что, хотя Юрий едет домой, сопровождаемый закатным солнцем, его мальчик еще не проснулся после дневного сна. Более того, ожидая зова Тони подняться к просыпающемуся мальчику, Юрий узнает их новую семейную комнату только при свете полной луны, появившейся «между колонками церковной колокольни», когда «комната озарилась как-то по-другому» (IV: 171—172). Интересен здесь и тот факт,

что комната раньше служила «семейным архивом» Анны, явно уже бесследно выпотрошенным, — то есть помещением, где собирались полузабытые воспоминания прошлого. Анна, как мы узнаем, «сваливала в нее поломанные столы и стулья, ненужное канцелярское старье», но было у комнаты еще одно предназначение: ее открывали во время каникул, чтобы дети могли там играть, и им «разрешали беситься», находить одежду для маскарадов и играть в «разбойников» (IV: 171–172). Так, то, что когда-то собирало все брошенное и ненужное для жизни, превращается в основную семейную комнату; становление и небытие тянутся к бытию, но не могут обрести постоянство. При этом, мрачная тема бесов, разбойников, масок, характерная для Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Белого, Блока, на мгновение ощущается в тексте, но опять лишь в виде слабых отголосков знакомых тревожных образов, которые вводятся попутно, но остаются без прочно закрепленных ассоциаций. И в то же время даже долгожданная встреча с сыном Сашенькой окружена воспоминаниями, тон которых, при всей теплоте, крайне неоднозначен и противоречив. Исполненный любви Юрий отмечает, что его первое понимание будущего характера мальчика составилось в родильной палате, когда он распознал его крик «с каким-то впадающим в бас, умышленным, угрюмым недружелюбием» (IV: 172–173). Следует также отметить, что через внешность мальчика опять же возвращается прошлое или скорее его подобие, поскольку Сашенька оказывается вылитой покойной матерью Юрия, «разительная ее копия, похожая на нее больше всех сохранившихся после нее изображений» (IV: 172). Более того, мальчик так напуган при появлении незнакомого человека, что бьет его по лицу. Сколько Юрий ни пытается развеять опасения Тони, встреча с мальчиком вносит еще одну нечетко-тревожную ноту, и Юрий покидает комнату, не в силах побороть мрачное предчувствие.

Эти образы — только вступление в главу, где, при описании постоянных пропаж имущества героев, все же выявляется новый метод торговли. Некая «баба-морильщица», отдаленно напоминающая своей сноровкой старуху-процентщицу Алену Ивановну, уже не несет смерть крысам и тараканам, но становится единственным процветающим персонажем в городе: «У этой все поставлено на коммерческую ногу. Дома и срубы скупает на топливо. Серьезная поставщица» (IV: 186). В описании этого нового

способа прибыльной торговли есть и явная нота иронии, поскольку дома дорожают только при их разрушении, и мы опять же слышим вопрос Сократа в диалоге «Кратил» о процессах вечно меняющегося становления, которое всегда оказывается «ничем»: «Но разве может быть чем-то то, что никогда не задерживается в одном состоянии?» (439e). Прибавим к этому и новую работу Юры, когда за письменном столом в больнице тот занят «общей статистической отчетностью» постоянных потерь, болезней и при этом — идеологического здоровья трудящихся:

> Смертность, рост заболеваемости, имущественное положение служащих, высота их гражданской сознательности и степень участия в выборах, неудовлетворимая нужда в топливе, продовольствии, медикаментах, все интересовало центральное статистическое управление, на все требовался ответ (IV: 183).

В очерке «Люди и положения» Пастернак подчеркивает, что в описании послереволюционного запустения нельзя обойтись без четкого вывода, сделанного Белым, который опять же выделяет крайне значимую роль «ничто»:

> Это разгар времени, когда, по остроумному замечанию Белого, торжество материализма упразднило на свете материю. Нечего есть, не во что одеваться. Кругом ничего осязаемого, одни идеи. (III: 344)

В «Московском становище» эти слова Белого в несколько измененной форме появляются без какой-либо прямой или косвенной ссылки на автора «Петербурга», и комментарий, принадлежащий Белому, став частью текста, помогает Пастернаку сформулировать и представить без оговорок и неясностей одну из центральных тем романа: описание процесса, при котором мир идей и правительственных планов — укрепление новой идеологии — отрешается от реальности и быстро теряет какую-либо связь с человечностью. Приказы не просто обездушиваются, но, основанные на пустоте, становятся проводниками разрушения: «Но в дни торжества материализма материя превратилась в понятие, пищу и дрова заменил продовольственный и топливный вопрос» (IV: 182).

В других частях романа, где подспудно развиваются новые философские позиции и образы, тема пустоты и небытия, на которых покоится новая власть, звучит значительно более зловеще. Так, Юрий, прошедший через плен в «Лесном братстве»

и вернувшись в Юрятин, знает, что «ничто», лежащее в основе бесконечных партийных решений, не просто бессмысленность. Обездушенные и потерявшие связь с действительностью приказы наводят ужас, поскольку их язык угрожает все новыми волнами массового уничтожения, вводимыми в мир «бредовой» фантасмагорией тиранического воображения:

> Какое завидное ослепление! – думал доктор. О каком хлебе речь, когда его давно нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены смыслом предшествующих декретов? Какие крестьяне, какие деревни, когда их больше не существует? Какое забвение своих собственных предначертаний и мероприятий, давно не оставивших в жизни камня на камне! Кем надо быть, чтобы с таким неостывающим горячешным жаром бредить из года в год на несуществующие, давно прекратившиеся темы, и ничего не знать, ничего кругом не видеть! (IV: 378-379)

Узнаем мы здесь и слепоту петербургского сановника Аполлона Аполлоновича, и его сосредоточенность на указах, им же создаваемых. Безразличие к населению страны, которое мнится ему ничтожным, делает из него тирана и палача:

> Всякий раз вдохновение овладевало душою сенатора, как стрелою линию Невского разрезал его лакированный куб: там, за окнами, виднелась домовая нумерация; и шла циркуляция; там, оттуда – в ясные дни издалека-далека, сверкали слепительно: золотая игла, облака, луч багровый заката; там, оттуда, в туманные дни, – ничего, никого. […]
>
> Аполлон Аполлонович не хотел думать далее: непокойные острова – раздавить, раздавить! Приковать их к земле железом огромного моста и проткнуть во всех направленьях проспектными стрелами… (20–21)

Тематические и образные параллели между описаниями правительственных указов выявляют общность осознания обоими писателями обезличивающих сил, распространяющихся по российским столицам. Но там, где мы встречаем у Белого тенденцию к сатирическому повествованию, определить стиль Пастернака более сложно.

Мы помним, например, «ампирное кресло» Аполлона Аполлоновича, «где на бледно-лазурном атласе сиденья завивались

веночки» (16): сидя в этом имперском (буквальное значение слова «ампир») кресле, создавал государственный деятель свои могучие, геометрически точные, но опустошающие страну приказы. Но и героям революции — Тиверзину и Антипову-старшему — предоставляют почетные места, чтобы и они решали, поддакивая партийным указам, будущее России:

> Для почетных гостей были расставлены стулья. Их занимали три-четыре человека рабочих, старые участники первой революции, среди них угрюмый, изменившийся Тиверзин и всегда ему поддакивавший друг его, старик Антипов. Сопричисленные к божественному разряду, к ногам которого революция положила все дары свои и жертвы, они сидели молчаливыми, строгими истуканами, из которых политическая спесь вытравила все живое, человеческое. (IV: 316)

Здесь легко увидеть параллели между бесчеловечностью Аполлона Аполлоновича и хладнокровной жестокостью революционных деятелей, но на каком-то этапе поиски даже несомненных перекличек начинают терять смысл и упрощают видение обоих писателей, поскольку цели их прозы в конечном счете различны.

Если философские концепции помогают Белому обрисовать тип человека, ставшего человеком-маской, философский подтекст дает Пастернаку возможность объяснить первопричины и даже сам процесс нравственного опустошения людей, в прошлом не лишенных милости и сочувствия к оступившимся и обездоленным. Но при этом нельзя не признать, что находки Белого — его умение создать литературное повествование, густо насыщенное философскими концепциями — позволяют Пастернаку прийти к новой «незаметности» прозы и описать ужасающее перерождение человеческой природы без напыщенности и излишнего пафоса — двумя или тремя фразами. Пастернаку не обязательно называть героя Аполлоном, а достаточно подчеркнуть, что он сопричислен «к божественному разряду, к ногам которого революция положила все дары свои и жертвы». И именно потому, что язык символистской прозы уже стал основой новейшего искусства, читатель не сомневается в логике перемен, в результате которых новые божества-истуканы становятся безжалостными проводниками массового террора.

3. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О ФИЛОСОФСКОМ ПОДТЕКСТЕ В РОМАНЕ ПАСТЕРНАКА

Заметим в заключении, что русский философ-неокантианец Федор Степун, руководитель семинаров при «Мусагете», досконально знавший дореволюционную культурную жизнь обеих российских столиц и лично знакомый с Белым и Пастернаком, увидел сразу, что «Доктор Живаго» не мыслим вне русского символизма и, более того, что при всех различиях между Белым и Пастернаком понимание пастернаковского романа невозможно без знания прозы Белого: «очень многие иностранные, а отчасти и русские читатели, не прошедшие через символизм («Петербург» Белого), находят образы, созданные Пастернаком, весьма смутными и трудноуловимыми». Описывая смысл романа, Степун подчеркивал, что горечь повествования, при всей аполитичности писателя, заключается именно в том, что писатель «услышал голос смерти и немое лицо человека […] в том шуме и хаосе, которым большевизм наполнил мир»[24].

Можно поспорить со столь подчеркнуто политическим прочтением романа, но мы вспоминаем, как Юрий, возвращаясь с фронта в «Московское становище», думает о разыгравшейся стихии кровопролития и том, что блоковской революции не будет, а будет эта, «из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция, направляемая знатоками этой стихии, большевиками» (IV: 160). Более того, описывая революционную Москву, не устоявшую перед большевицким переворотом, Пастернак, как мы уже отмечали, стремился к такому языку прозы, который мог бы обогатить традиции описаний Петербурга у Гоголя и Достоевского. Учитывая столь честолюбивую цель, можем ли мы прийти к заключению о какой-либо удаче писателя в этом отношении? На первый взгляд, вряд ли можно отрицать, что по сравнению с Блоком и Белым (даже забывая на время о Гоголе и Достоевском), читатель Пастернака сталкивается с серьезной дилеммой: город Пастернака, если исключить яростные белые метели, — бледный, даже серый. Его революционной Москве явно не хватает цвета, плотности, памятных контрастов: там есть только неотступные сумерки, снег или осенние ветры и дожди, постоянное отсутствие топлива и пищи,

[24] *Степун Ф.* Б. Л. Пастернак // Новый журнал. 1959. № 56. С. 206.

исчезновение дружеских отношений и тесных связей, потеря живости и жизненности, охватывающая не только самых близких товарищей доктора, но и философа Николая Николаевича, который «сильно терял в соседстве с громадностью совершавшегося» (IV: 176). И даже если мы вспомним, что молодой Андрей Белый крайне настороженно относился к серому цвету, символу «воплощения небытия в бытие, придающее последнему призрачность»[25], может ли расползающийся серый пейзаж Москвы, который Пастернак осмелился поставить рядом с поразительными холстами своих предшественников, расцениваться как его несомненный вклад в новое искусство прозы?

Подводя итоги нашего анализа, отметим прежде всего, что Пастернак, при всей кажущейся «незаметности» его стиля, любит идти на риск, предпринимая как будто бы несуразные шаги. Именно об этом он предупреждал Курта Вольфа, собирающегося издать сборник критических работ о романе: «И по ошибке все […] ищут у меня старой изжитой определенности классического романа притом, что новизна этой прозы состоит именно в том, что я все время стараюсь обойти и избежать легко достижимой определенности очертаний» (X: 482).

Лучший пример такой намеренной и кажущейся странной неопределенности проявляется, когда Пастернак решает описывать революционный переворот 1917 года подчеркнуто нечетко и скупо. Как всегда, нет точных чисел, хотя на этот раз указан час происходящего: «Как-то в конце старого октября, часов в десять вечера» (IV: 191), и вместо картины исторического переворота, нам предложено сжатое описание снежной бури, которая явно не может быть причиной взрывов или выстрелов в городе, даже если текст настаивает на некой зависимости между природным явлением и важнейшим историческим событием:

> [В]друг снег повалил густо-густо и стала разыгрываться метель, та метель, которая в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся.
>
> Что-то сходное творилось в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе. Где-то, островками, раздавались последние залпы сломленного сопротивления.

[25] *Белый Андрей.* Священные цвета // Белый Андрей. Символизм как миропонимание / сост. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 201.

> Где-то на горизонте пузырями вскакивали и лопались слабые зарева залитых пожаров. И такие же кольца и воронки гнала и завивала метель, дымясь под ногами у Юрия Андреевича на мокрых мостовых и панелях. (IV: 191–192)

Чем может руководствоваться Пастернак в своем изображении беспрецедентного исторического события, когда он использует зарисовки метелей и сильных снегопадов, часто повторяющиеся не только в его творчестве, но в и произведениях столь огромного числа почитаемых им предшественников? Вывод прост: Пастернака, при описании революционного переворота, интересует не хронология событий, а сам факт свершившегося, предвещаемого всей традицией русского искусства.

Просто и четко дана картина космического поражения — «залпы сломленного сопротивления» — особенно значимого, если мы добавим сюда и мысли Владимира Соловьева о Вселенском Высшем разуме, «космическом уме», находящемся «в явном противоборстве с первобытным хаосом», проявляющимся в природе как бури и грозы[26]. «Сломленное сопротивление» — это крах старой России, но поскольку это творится «в нравственном мире и в физическом, вблизи и вдали, на земле и в воздухе», Пастернак устанавливает тонкую взаимосвязь между изображением метели, срывающейся на мир, и других широкомасштабных и тщательно продуманных (и также тщательно завуалированных) троп в «Московском становище», где атака все-разрушающегося «становления» и хаоса на мир «бытия» наконец заканчивается победой всеразрушающей стихии, ведущей, однако, не к триумфу победителя, а к нескончаемой веренице человеческих страданий.

В данном контексте отметим, что в изображении переворота существует и еще один довольно странный эпизод, подчеркнуто незначительный в контексте исторического масштаба событий, навсегда изменивших судьбы России. Пастернак почему-то привлекает внимание читателей к крайне незначительному факту: по дороге домой Юрию попадается свалка бревен и, вытаскивая из ее глубин одно из них, он несет его домой, удивляясь легкости ноши. Пастернак, отметим, признает незначительность этой «бы-

[26] *Соловьев В.* Красота в природе //Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 72.

товой мелочи», но поскольку он так детально описывает событие, мы позволим себе процитировать большую часть этого эпизода:

> Тут в переулке было какое-то учреждение, которому, вероятно, привезли казенное топливо в виде какого-то разобранного на окраине бревенчатого дома.
>
> Бревна не умещались во дворе и загромождали прилегавшую часть улицы. Эту гору стерег часовой с ружьем, ходивший по двору и от времени до времени выходивший в переулок.
>
> Юрий Андреевич, не задумываясь, улучил минуту, когда часовой завернул во двор, а налетевший вихрь закрутил в воздухе особенно густую тучу снежинок. Он зашел к куче балок с той стороны, где была тень и куда не падал свет фонаря, и медленным раскачиванием высвободил лежавшую с самого низа тяжелую колоду. С трудом вытащив ее из-под кучи и взвалив на плечо, он перестал чувствовать ее тяжесть (своя ноша не тянет) и украдкой вдоль затененных стен притащил к себе в Сивцев. (IV: 192–193).

Объяснить, почему на фоне событий исторической важности писатель решил так подробно остановиться на этой бытовой сцене – непросто, даже если автор подчеркивает, что данное событие «поглощает» внимание Юры. Заметим от себя, что именно подобные эпизоды наводили критиков на мысль о банальности всего романа.

Однако на помощь исследователю приходит тот факт, что греческий термин для «материи» был *hyle* – первоначально, хворост, дрова или древесина, с латинским эквивалентом, *silva*, что означает дерево или лес. В результате этот как бы незначительный эпизод в романе показывает, насколько важен был для Пастернака поиск завуалированного языка символов и как мелкая деталь может превратиться в необычную и крайне важную часть повествования. То есть древесина и бревна, наряду с изображением разнуздавшейся метели, становятся главной материальной составляющей событий, знаменующих октябрь 1917-го, их определяющим символом. Здесь Юра взваливает на свои плечи самую глубокую материю происходящего – непозволительный материал из самого низа свалки, бывшей когда-то домами, теперь уже опустошенными и уходящими в небытие[27]. Потом, не

[27] *Сергеева-Клятис А., Смолинский В.* Москва Пастернака. М.: Совпадение, 2009. С. 13. См. обсуждение чернового варианта стихотво-

замеченный часовым с ружьем, украдкой, вопреки правительственным предписаниям, несет он свое бремя, не чувствуя его тяжесть, ибо, как мы читаем в евангельском тексте, «иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф 11:30). Не о своем ли писательском пути говорит здесь Пастернак, рисуя, как и во всей части «Московского становища», двойственную картину мира: его кажущуюся реальность и философскую подоснову? На столь непростой вопрос наш ответ однозначен: в этой как будто незначительной бытовой детали Пастернак подвергается опасности не только как житель советской Москвы, разрешивший себе непозволительный шаг. Он идет на несомненный риск также как русский писатель, разрешая себе выглядеть подчеркнуто банальным и погруженным в незначительные бытовые детали в то же самое время, когда как художник он находит новый и крайне необычный путь для русской символисткой прозы.

рения «Волны», где строчка «как ты строишься, Москва» звучит совсем иначе:

Опять опавшей сердца мышцей
Услышу и вложу в слова,
Как ты ползешь и как дымишься,
Как ты кончаешься, Москва.

Вспоминая друзей

Борис Хазанов

Когда боги удалились на покой: Маргерит Юрсенар

Случилось так, что чемодан с бумагами Маргерит Юрсенар десять лет пролежал в гостинице Meurice в Лозанне. В 1939 году чемодан приплыл в Америку. Открыв его, писательница обнаружила пожелтелые документы, письма забытых людей, старый хлам; всё полетело в огонь. Неожиданно ей попалось несколько машинописных листков с обращением: «Дорогой Марк…» Это было начало записок Публия Элия Адриана, предназначенных для наследника — будущего императора и философа Марка Аврелия.

Впоследствии Юрсенар рассказывала, что находка вызволила её из длительного литературного кризиса, вернула к давнему замыслу романа о римском императоре Адриане. «Есть книги, — пишет она в „Заметках к Мемуарам Адриана", — к которым нельзя приступать, покуда не перешагнёшь порог сорокалетия». В юности, посетив развалины летней резиденции Адриана в Тиволи, Юрсенар увлеклась идеей, осуществлённой тридцать лет спустя. «Мемуары» вышли в 1951 году. Книга сделала автора мировой знаменитостью, хотя и не принесла (чему не приходится удивляться) немедленного коммерческого успеха. Она существует в прекрасном русском переводе и недавно переиздана.

Столетие Маргерит Юрсенар было недавно отмечено множеством публикаций в разных странах; среди самых заметных — обстоятельная биография, написанная журналисткой и литературоведом Жозианой Савиньо (J. Savigneau. Marguerite Yourcenar. L'invention d'une vie. P. 2003). Юрсенар родилась в 1903 году в Брюсселе, её мать умерла через десять дней после родов; отец, французский дворянин, вернулся с девочкой на родину, не обременял дочь строгой опекой, зато приохотил к путешествиям. Маргарита-Антуанетта-Жанна-Мария Гислен де Креянкур получила домашнее образование и официально нигде больше не училась; это не помешало ей стать почётным доктором многих университетов. Свою обширную гуманитарную эрудицию она в большой мере приобрела самостоятельно. Восемнадцати лет

опубликовала первую книжку. Псевдоним Юрсенар — анаграмма отцовской фамилии Crayencour.

Писательница вела кочевой образ жизни, наездами жила в Греции, Италии, Испании, повидала множество других стран, в том числе США и Канаду, путешествовала по Африке, по Индии; между прочим, побывала (в 1962 г.) в Ленинграде. Время от времени возвращалась в Париж, где жила в маленьких отелях. Вместе со спутницей жизни американкой Грейс Фрик поселилась в двухэтажном коттедже на острове Маунт-Дезерт в Северной Атлантике, у берегов штата Мэн, провела там с перерывами почти сорок лет, до своей смерти в декабре 1987 года.

Когда весной 1980 г. Маргерит Юрсенар была избрана во Французскую академию, возникла проблема мундира; Юрсенар не хотела и слышать о традиционном habit vert, зелёном кафтане с золотым позументом, и брюках с лампасами, — не говоря уже о шпаге. «В крайнем случае кинжал — чтобы было чем заколоться». Немолодая дородная дама, первая женщина в синклите «бессмертных» за 350 лет существования Академии, явилась в зал заседаний в чёрном бархатном одеянии — длинной юбке, из-под которой выглядывали широкие штаны, и просторной блузе. Вместо треуголки — белая шаль, на отвороте блузы брошь в виде римской монеты времён Адриана. В этом виде она изображена и на юбилейной марке, выпущенной бельгийской почтой.

Маргерит Юрсенар писала романы, новеллы, воспоминания (одна из последних мемуарных книг называется «Что? Вечность»), путевые записки, эссе о современниках — Томасе Манне, Борхесе, Кавафисе, Юкио Мишиме, — а также пьесы и стихи. Если бы понадобилось назвать десять крупнейших французских прозаиков XX века, она была бы в их числе. В современной ей литературе она осталась, как и положено крупному писателю, одиночкой. Это можно отнести и к ней самой, к её образу жизни, к её личности и судьбе: «fille sans mure, femme sans enfant, amoureuse sans homme» (дочь без матери, женщина без детей, возлюбленная без мужчины).

В «Заметках к “Мемуарам Адриана”» есть такое место:

> «Я отыскала в письмах Флобера, в томике, который усердно читала в юности, незабываемую фразу: “Когда боги древности уже не существовали, а Христа ещё не было, в эпоху от

Цицерона до Марка Аврелия, настал момент, когда человек остался один, предоставленный самому себе". Значительная часть моей жизни прошла в усилиях понять, а затем и описать этого человека, одинокого и вместе с тем прочно привязанного к миру».

Кесарь Адриан — римлянин II века, но это и европеец наших дней, современник Юрсенар и сама Юрсенар. Роман, как бы написанный (по замечанию одного критика) на серебряной латыни эпохи последнего цветения римской литературы, — вместе с тем и блестящий образец французской традиции: ясность, логика, благородная сдержанность, дисциплина. Можно заметить, что наиболее выпуклые, самые удавшиеся персонажи писательницы — отнюдь не женщины. Вот уж о ком не скажешь — дамская проза. Это относится не только к «Мемуарам Адриана», где абсолютное доминирование мужчины — черта эпохи и необходимое условие литературной игры. Начиная с героя первого романа «Алексис, или трактат о поражении» (другой перевод — «Алексис, или рассуждение о тщетной борьбе», драма любовного треугольника, где между влюблёнными мужчинами вклинивается женщина) до врача Зенона в романе «Философский камень» и старого художника Ван Фо из «Восточных рассказов» мужчины стоят в центре повествования. Женщины у Юрсенар почти всегда пассивны и обыкновенно оказываются на второстепенных ролях. Ещё одна черта: на первый взгляд, её не интересует (если говорить о художественной прозе) наше время. На первый взгляд.

Первый вариант повествования об Адриане, роман «Антиной» (1926), написанный в форме диалога, был отвергнут издателем Фаскелем и уничтожен. После истории с чемоданом жизнь сосредоточилась вокруг Адриана и Pax Romana второго века. Проза требует выдержки, дисциплины и долголетия. Прозу не лепят — её высекают. В окончательной версии «Мемуаров» от наброска, прибывшего из Америки, осталась только вступительная фраза, обращение к адресату записок.

Некоторые высказывания Юрсенар, как и её архив, дают известное представление о её работе над романом. Нагромождение черновиков. Умопомрачительное количество источников. Многостраничные записи по-гречески (здесь можно вспомнить,

что труд Марка Аврелия «К самому себе» написан не по-латыни, а по-гречески). Вместе с тем писательница заявляет, что не любит кабинетной работы, пишет где угодно: в путешествиях, в гостиницах. Ей нередко приходится убеждаться, что задуманная книга «лишь одной ногой» стоит на эрудиции: вторая нога — магия. «Мне кажется, у большинства людей ложное представление об учёности писателя. Французы думают, что ты с утра до вечера роешься в книгах, наподобие книжных червей Анатоля Франса. Это не так. Если любишь жизнь во всех её, так сказать, формах, всё равно каких, современных или минувших, — не помню, кто из греческих авторов говорит, что преимущество прошлого перед настоящим состоит в том, что прошлое обширно, а настоящее мимолётно, — а я, между прочим, прочитала всю древнегреческую литературу, — так вот, это нормально, когда тебе приходится много читать…» (Письмо к Габриэль Жермен от 11 января 1970 г.).

Удивительное дело: её проза, давно ставшая классической, выглядит весьма актуальной на фоне сегодняшних литературных дебатов. Например, стало общим местом утверждение, будто в наше время особенно возросла популярность литературы факта и документа, а интерес к «выдуманной литературе», fiction, угасает. Но роман по-своему отвечает на тенденцию вытеснить художественную фантазию фактологией: он выворачивает это противопоставление наизнанку. Роман имитирует человеческие документы — письма, дневники, записки, — и они, оказывается, убедительней всякого подлинника. Это, конечно, не совсем ново; эпистолярный (псевдодокументальный) роман — излюбленный жанр XVIII столетия, достаточно вспомнить две самых знаменитых книги: «Опасные связи» Шодерло де Лакло и гётевского «Вертера». Два других — и более демонстративных — примера относятся к только что ушедшему веку. Это роман Т. Уайлдера «Мартовские иды», в котором все «документы», за исключением стихов Катулла, — изобретение автора, и, конечно, «Мемуары Адриана», главная и наиболее известная книга Маргерит Юрсенар. Адриан, приёмный сын Траяна и римский император со 117 по 138 год, увековечил себя множеством сооружений, был инициатором кодификации права, покровителем искусств и литературы, но оставил лишь незначительное число личных записей и уж во всяком случае никаких воспоминаний не писал.

Далее, вы можете услышать сегодня вновь оживший девиз «показывать, а не рассказывать», рассуждения о преимуществах прозы, непосредственно воспроизводящей живую жизнь, перед романами, в которых действительность более или менее поставлена под сомнение, опосредована рефлексией, и т. п. Наследие автора, о котором идёт речь, дезавуирует и этот тезис. Наконец, снова и снова, на протяжении теперь уже полувека, нас уверяют, что граница между серьёзной и тривиальной литературой отменена. И снова рафинированная проза Юрсенар смеётся над этой чушью.

Михал Эпштейн

Русско-еврейский персонализм: Григорий Померанц и Борис Хазанов

Персонализм, в кратчайшем определении, это философия, утверждающая личность, «персону», глубинным началом и высшей ценностью мироздания. Под персоной здесь понимается, конечно, человек, но также и личность Творца, если признавать Бога не абстрактным принципом, безличной сущностью, но именно личностью, как в монотеистических религиях. Отсюда религиозный персонализм, основы которого заложены Блезом Паскалем и Сереном Кьеркегором.

Следует проводить различие между персонализмом и индивидуализмом. Последний подчеркивает первостепенную важность одной индивидуальности, противопоставляя ее другим. Индивидуалист — тот, кто во всем предпочитает опираться только на себя, как на источник и цель своего существования. Персоналист исходит из самозначимости каждой личности и ищет возможности глубинного общения между ними, построения межличностых отношений. Здесь личность понимается не как «я», а скорее как «я и ты»: то, что между нами, разделяет и вместе с тем объединяет нас.

Сложнее определить разницу между персонализмом и экзистенциализмом, философией существования («existentia», «existence»). Их объединяет стремление сосредоточиться на конкретном существовании отдельной личности и протест против рационализма, против абстрактных сущностей (типа «идея», «разум», «благо», «единое», «дух», «материя»), против любых обезличивающих направлений мысли — гегелевского идеализма, марксистского материализма, научного детерминизма и сциентизма, социализма и коллективизма и других систем, которые сводят личность и свободу к проявлению общих законов (природы, разума или общества). Некоторые персоналисты, такие как Николай Бердяев или Мартин Бубер, могут быть названы и экзистенциалистами, эти понятия отчасти взаимозаменяемы.

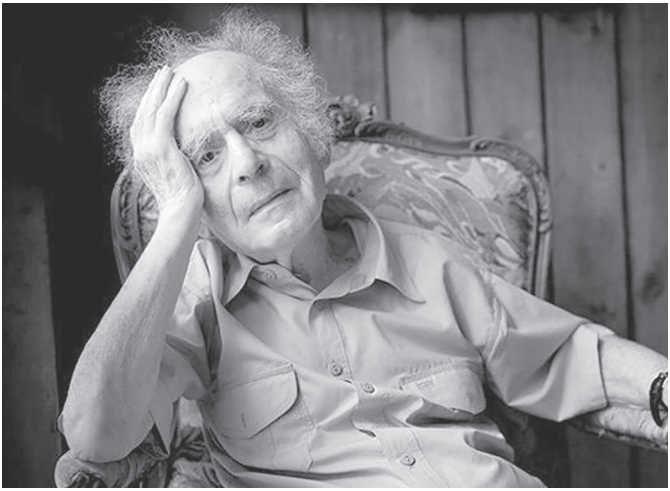
Но экзистенциализм более озабочен условиями бытия личности, общими основами ее субъектного опыта, чем личностью как таковой. Экзистенциализм тяготеет к метафизике, персонализм —

к этике. Экзистенциализм часто рассматривает окружающий мир как бессмысленный, иррациональный и враждебный личности, тогда как персонализм склонен видеть в нем фундаментальный смысл и надежду. Для персонализма «другие люди» — это не «ад» объективации и отчуждения, а, скорее, союзники, открытые для сотрудничества и солидарности. Экзистенциализм более трагичен в своем взгляде на природу человека и его судьбу в мире; персонализм более оптимистичен. Экзистенциализм политически более радикален, иногда склонен поддерживать крайние левые и правые движения вплоть до марксизма и нацизма (Жан-Поль Сартр, Мартин Хайдеггер), в то время как персонализм больше ассоциируется с демократическими и либеральными подходами. Если следовать этому различию, то философия личности, свободы и прав человека, возникшая в позднесоветский период, имеет скорее персоналистскую, чем экзистенциалистскую ориентацию, что объясняет мое предпочтение первого термина.

Начиная с «оттепели», вторая половина XX века в СССР — время формирования новых философских движений, идущих на смену философски устаревшему и политически скомпрометированному «советскому марксизму». Среди новых течений и теоретических подходов — структурализм, культурология, космизм, неославянофильство и неоевразийство, «интеррелигия Роза Мира» Даниила Андреева, «методология мыследеятельности» Георгия Щедровицкого…

Среди этих течений персонализм выделяется как одно из самых представительных: Михаил Бахтин, Яков Друскин, Лидия Гинзбург, Григорий Померанц, Борис Хазанов, Михайло Михайлов (живший в Югославии и США), Борис Парамонов, а также Михаил Пришвин в своих «Дневниках», Иосиф Бродский и Андрей Битов в своей эссеистике. Русский персонализм, связанный с наследием Василия Розанова, Николая Бердяева и Льва Шестова, скептически относится и к марксистскому материализму, коллективизму и социально-экономическому детерминизму, и к системно-идеалистической философии, представленной Владимиром Соловьевым и «софиологией», учением о высшей мудрости (о. Сергий Булгаков, о. Павел Флоренский, отчасти Алексей Лосев). Диапазон персонализма простирается от религиозного экзистенциализма до политического либерализма, от углубления в таинственное, иррациональное ядро личности до утверждения прав человека как основы социального прогресса.

«СПЛОТИТЬСЯ В СВОЕМ ОДИНОЧЕСТВЕ...» ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ



В зыбком омуте рефлексии есть только одна твердая точка – личность. Личность, соединившая в себе то, что разум раскалывает.

Григорий Померанц[1]

1.

Из всех русских мыслителей-персоналистов Григорий Соломонович Померанц (13 марта 1918, Вильна – **16 февраля** 2013, **Москва**) наиболее активно участвовал в общественных дискуссиях о ценности личности и угрозах, исходящих от тоталитарного и посттоталитарного общества. Померанц был филологом, философом и востоковедом по образованию. В 1940 году он окончил литературный факультет Московского института фило-

[1] *Померанц Г. С.* Сны Земли // Поиски (Париж). – 1984. – № 7–8 (Спецвыпуск). – С. 86.

Книга «Сны Земли» была переиздана в России: М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2013. Цитаты приводятся по первому изданию 1984 года, которое вышло накануне эпохи гласности и перестройки и выразило, а отчасти и усилило новые веяния в обществе.

софии, литературы и истории (ИФЛИ). В 1941–1945 годах служил в армии. Арестованный в 1949 году по политическому обвинению, провел четыре года в трудовых лагерях. После возвращения в Москву работал библиотекарем в Фундаментальной библиотеке общественных наук. В 1960-е годы Померанц начал публиковать статьи о культуре и религии и в то же время стал активным автором самиздата и тамиздата («Синтаксис», «Континент», «Страна и мир»), что не позволило ему получить академическую должность; в частности, из-за участия в правозащитном движении ему было отказано в защите диссертации по дзен-буддизму. Работая вне институций как независимый мыслитель и публицист, он одним из первых заговорил об опасностях возрождающегося национализма еще в 1960-е годы. В 1961 году Померанц женился на поэтессе, переводчице, эссеистке Зинаиде Миркиной (1926–2018); в соавторстве с нею была написана книга «Великие религии мира» и составлены две общие книги эссе «В тени Вавилонской башни» и «Невидимый противовес». Вместе они вели религиозно-философский семинар в московском Музее предпринимателей, меценатов и благотворителей.

Померанц соединял в себе то, что с таким трудом, со срывами и провалами удавалось порой соединять русской культуре: погруженность в религиозные корни бытия и открытость светской культуре, чуткость к свободным веяниям духа. Он был не столько философом, сколько мудрецом в самом глубоком смысле этого слова. Он принадлежал к той великой когорте мыслителей, которая родилась с Серебряным веком – но с ним не ушла. По невидимой цепочке она передала свое знание, свой опыт веры и искусство сомнения, свой вопль Иова – бронзовому и железному веку, нашим дням. Лев Шестов – Михаил Гершензон – Яков Друскин – Яков Голосовкер – Григорий Померанц…

Сочинения Померанца относятся к жанру философской публицистики или социокультурной эссеистики – характерному для русской интеллектуальной традиции, начиная с Петра Чаадаева, Виссариона Белинского и Александра Герцена. Его философские взгляды не поддаются четкой систематизации, поскольку в их основе лежит представление о личностном характере истины. «Нельзя, не будучи Истиной, знать истину»[2]. Его труды, не претендуя на универсальность, представляют собой, скорее, сво-

[2] Померанц, Сны Земли, с. 87.

бодные размышления, изобилующие автобиографическими реминисценциями и исповедальными признаниями[3].

Для Померанца особенно важна ирония, поскольку она освобождает мысль от ложных обобщений и фанатизма. «Ирония помогает мне понять: все, что высказано, не может быть совершенной истиной; все, что есть, не может быть совершенной ложью…»[4]. С помощью иронии мыслитель расчищает путь к множественности идей, каждая из которых должна отказаться от претензий на абсолютную истину. Персонализм и плюрализм, таким образом, являются двумя сторонами одной медали, поскольку «истина», зависящая от личности, дает каждому человеку долю в Истине. В какой-то степени эту позицию можно соотнести с бахтинским понятием диалогизма и многоголосия в литературе, но Померанца больше интересуют этические и политические последствия плюрализма. Для него нетерпимость — главная причина зла в мире. Самое знаменитое его изречение: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело, за добро, за истину, за справедливость — и так до геенны огненной и до Колымы»[5]. Таким образом, зло обычно приходит под видом благих намерений, основанных на истовой вере в некую абсолютную истину. «Беспощадная борьба со злом воспитывает жестокость и вскармливает новое зло»[6].

Померанц определяет религию как «систему коммуникации социально значимого мистического опыта»[7] и утверждает, что религия является по крайней мере таким же необходимым условием человеческого существования, как и государство. Но государство действует внешней силой, в то время как религия пытается овладеть человеком изнутри; таким образом, они дополняют друг друга в поддержании баланса в социальной струк-

[3] Среди книг Г. Померанца, помимо цитируемых в этой статье, особый интерес представляет его духовная автобиография «Записки гадкого утенка» (1998).

[4] Померанц, Сны Земли, с. 345.

[5] Там же, с. 281.

[6] Там же, с. 285.

[7] Из выступления Померанца на дискуссии о коммунизме и религии в московском Институте стран Азии и Африки в 1968 г. Цитируется по изданию «Политический дневник» (Амстердам: Фонд Александра Герцена, 1975), с. 533.

туре. «Активная безнравственность государства дополняется пассивной нравственностью религии»[8]. Померанц резко критикует институциональную, «вырожденную» религию, которая сливается с государством и теряет свою мятежную духовную миссию или даже претендует на то, чтобы стать самостоятельным государством, теократией. По его мнению, мировой кризис религии, особенно при коммунистических режимах, был во благо верующим, точнее, существу веры, потому что преследования и угроза уничтожения укрепляли изначальный дух религии — оппозицию государству и динамику внутреннего самоопределения личности.

Несмотря на центральное место религии в творчестве Померанца, его религиозность носит неконфессиональный характер, и его мышление нельзя охарактеризовать как «религиозную философию». В отличие от мыслителей, которых обычно относят к этой категории, Померанц не связан с определенной традицией или догмой, и более того, его философия приводит к религии только в конечном итоге, а не берет ее в качестве отправной точки.

«Я так долго искал самого себя, что это стало моей привычкой на всю жизнь. Может быть, поэтому меня не тянет ни к какому вероисповеданию. Я благодарен хранителям священного огня; но меня больше занимают люди, способные зажечь огонь заново; люди, начинавшие от нуля, дети случайных семейств, как выразился Достоевский. Пловцы, не ищущие дна; чувствующие себя в потоке времен как дома. <…> Пожалуйста, выбери веру отцов или любую другую веру, но потому, что ты ее выбрал, а не за тебя это сделали. Это моя утопия, мой проект выхода из нынешнего безличного мира»[9].

Среди мировых религий Померанц чаще всего упоминает христианство, буддизм (особенно дзен-буддизм) и даосизм, прежде всего потому, что считает их наименее авторитарными и наиболее парадоксальными. Он был одним из первых, кто познакомил советскую интеллигенцию, традиционно ориентированную на Запад, с глубиной восточной мудрости. Вслед за Хакуином Экаку (1686–1769), крупнейшим представителем японского дзэн, он повторяет три требования для спасения: великая вера,

[8] Там же, с. 537.

[9] Померанц, Сны Земли, с. 180.

великое упорство и великое сомнение, подчеркивая последнее, поскольку только через сомнение можно продвинуться дальше знаков Бога к самому Богу. Чтобы приблизиться к означаемому, необходимо сомневаться в значении знака. Слово «Бог» может не иметь смысла само по себе, как и все другие слова, используемые для выражения высших ценностей, такие как «любовь» или «мудрость». Когда мужчина сравнивает свою возлюбленную со «звездой» или «солнцем», он не выражает желания, чтобы она превратилась в небесное тело. Точно так же «Бог» не означает сверхъестественную сущность, это «слово любви, сказанное жизни», обращенное к ее бесконечной ценности[10].

Померанц чувствовал особую близость к восточным традициям (Индия, Китай, Япония) еще и потому, что они, как правило, менее склонны к преобразованию мира с какой-то догматической платформы, предпочитая открывать способы подлинного существования внутри самого мира. Померанц сравнивает библейского пророка с буддийским бодхисаттвой:

«Бодисатва [Бодхисаттва] оставляет время таким, какое оно есть, и показывает, что в *любое* время можно жить в глубочайшей тишине и свете. Пророк пытается внести частицу вечной правды в жизнь общества. При этом он сталкивается со злом, разгорается священным гневом, его гонят, иногда побивают камнями, а иногда он побеждает и кладет начало новому царству. Бодисатва никогда не гневается и не основывает никаких царств. Царствие его не от мира сего»[11].

Библейский пророк, способствуя переменам, рискует впасть в новый абсолютизм, в то время как бодхисаттва, не имея догм, избегает этических ловушек авторитаризма.

Таким образом, позицию Померанца можно определить как *религиозный персонализм*, который вносит дух вопрошания и сомнения в любую церковную идентичность. Ни одной религиозной традиции не может быть отдано предпочтение перед другой, потому что вера рождается из ничего и исключает какую-либо стабильную историческую или институциональную основу. «Бог полностью раскрывается только в личности; и личность полно-

[10] См. краткое эссе «Бог и небытие» (1963) в кн.: Померанц, *Неопубликованное*. Большие и маленькие эссе. Публицистика. Frankfurt/Main: Посев (Possev Berlag), 1972. С. 189.

[11] Померанц, Сны Земли, с. 43.

стью раскрывается только в Боге. <…> Сильно развитая личность не цепляется за дно. Она не боится умереть. Она знает, что воскреснет. И ищет, как хороший пловец, где глубже, где под ногами ничего нет. Именно там, над бездной ничто, ей всего легче плыть»[12].

Другая тенденция персоналистской религиозности Померанца — экуменизм, причем не только христианский, но и общерелигиозный. Плюрализм верований предполагает их взаимодействие и сближение. Между индуизмом Рабиндраната Тагора, иудаизмом Мартина Бубера и католицизмом Генриха Белля гораздо больше общего, чем между двумя версиями средневекового католицизма — Игнатия Лойолы и Св. Доминика — и основанными ими орденами, иезуитским и доминиканским. Первые виды религиозности открыты и прозрачны, вторые — нетерпимы и замкнуты. Для Померанца важно не то, во что люди верят, а как они верят; способствует ли их вера взаимопониманию или служит инструментом власти (церковной или светской).

2.

Религиозно-философский персонализм Померанца вызревал на почве дезинтеграции традиционных, монолитных вероисповеданий, которая проходила на протяжении всей советской эпохи. Сначала — как государственная атеизация общества, затем — как становление нового религиозного сознания, гораздо более личностного, догматически размытого, вырастающего поверх барьеров прежних деноминаций, что ясно обозначилось в 1960-е и особенно в 1970-е. Тогда иссякает религия коммунизма и надвигается эпоха политической безнадежности и растущего осознания сверхисторического смысла бытия. Когда Булат Окуджава пел «Молитву Франсуа Вийона» (1963), было ясно, что это его собственная молитва: «…Как верит каждое ухо / Тихим речам твоим, / Как веруем и мы сами, / Не ведая, что творим». Было понятно, что у Венедикта Ерофеева есть свои личные отношения с Богом: «Господь, вот ты видишь, чем я обладаю. Но разве это

[12] Там же, с. 84. Образность Померанца соотносится с Кьеркегором, который уподобляет экзистенциальную веру плаванию «на глубине, над семьюдесятью тысячами саженей воды» (Soren Kierkegaard, *The Living Thoughts of Kierkegaard*, Indiana University Press, 2000, p. 152).

мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа?» («Москва — Петушки», 1969). Ни Окуджава, ни Ерофеев не были православными или вообще церковными людьми. Это была вера и надежда ниоткуда: «из бездны взываю к Тебе, Господи» (Псалмы).

Представьте себе молодого человека из типичной советской семьи, на протяжении трех поколений начисто отрезанной от каких-либо религиозных традиций. И вот теперь, слыша в своей душе некий призыв свыше, этот молодой человек никак не может определить, куда же ему идти, под крышей какого храма укрыться. Все исторические религии ему равно далеки, а голос раздается все ближе и ближе. Молодой человек идет в православный храм — и сталкивается со вполне определенной системой догм и обрядов, которая кажется ему слишком тесной для этого вселенского чувства. Он идет в католический храм, в синагогу, к баптистам — и всюду видит исторически сложившиеся формы богопочитания, тогда как ему хочется знать Бога целым и неделимым. Человек ищет веры — а находит вокруг одни только вероисповедания.

Вот в этом разрыве между верой и вероисповеданиями и возникает то, что можно назвать «бедной религией», не имеющей ни устава, ни книг, ни обрядов. Именно безверие советских лет сформировало такой тип современного человека, про которого нельзя определенно сказать ни «православный», ни «иудей», ни «мусульманин» — но просто «верующий». В западных странах это понятие почти не употребляется, как лишенное смысла. Верующий во что? Какой религии/деноминации? Но на родине массового атеизма все верующие были уравнены по отношению к господствующему неверию — и вот вера, теснимая и отрицаемая со всех сторон, вдруг действительно стала наполняться каким-то положительным содержанием. Просто вера. Просто в Бога.

Типическое выражение такой веры — высказывание известного московского художника Гарифа Басырова (1944—2003). Его спросили, считает ли он себя правоверным мусульманином. Басыров ответил: «Это смехотворно. Как всякий нормальный человек, я чувствую себя на пути к чему-то. Но я не специалист ни в исламе, ни в буддизме, ни в христианстве. Все эти обряды не для меня. Единственное, что я знаю наверняка: Бог есть»[13].

[13] Цитируется по статье: Сергей Бардин, «Пейзаж с советологом», в кн. Гариф Басыров. Графика. Каталог выставки. М., 1991. С. 31.

Эта *вера вне вероисповеданий* еще в конце 1960-х годов стала возникать в среде московских хиппи и интеллигенции, в богемных и диссидентских кругах, куда обрывочно проникали разные религиозные умонастроения, от буддизма до баптизма, от православия до пятидесятничества. Все они перемешивались на общей основе религиозности как таковой, представления о том, что «там» есть что-то или даже Кто-то. Постепенно в Москве и Риге оформилась первая экуменическая христианская община «Призыв», инициатором и координатором которой был Сандр Рига[14]. Хотя «призывники» искали единства вероисповеданий именно в неразделенной церкви Христа, круг их духовных интересов простирался и на другие религии. По свидетельству Сандра Риги, «в нашей общине мы изучали и Коран, и Ветхий Завет, и восточные книги. …Люди всегда искали единого Бога, Аллаха или Яхве, или [как] иначе его назвать»[15]. «Призывники» не пытались создать еще одну христианскую церковь, они просто держали свой ум и сердце открытыми всем христианским и в какой-то мере нехристианским конфессиям и, насколько это было возможно, участвовали в их служении.

Этот процесс «экуменизации», точнее, универсализации веры стал проникать и в широкие общественные слои. В декабре 2012 года были объявлены результаты самого масштабного социологического опроса, когда-либо проведенного в России и охватившего 56 900 человек в 79 субъектах Федерации. Он проводился службой «Среда» в рамках проекта «Атлас религий и национальностей» («АРЕНА»). На принадлежность к русской православной церкви указали 41% опрошенных. Вторая по численности группа — 25%, те, кто просто верит в Бога, но не исповедует какую-либо конкретную религию. На третьем месте — атеисты, 13%. Мусульман 6,5%. Таким образом, «бедные верующие», не принадлежащие ни к какому вероисповеданию, составляют четверть населения страны. К ним отчасти можно при-

[14] Настоящее имя Александр Ротбергс, он родился в Риге в 1939 г., с 1964 г. жил в Москве, общался с Григорием Померанцем и Александром Менем.

[15] Беседа Сандра Риги с Яковом Кротовым на радио «Свобода», 2009 19.09.2009 http://krotov.info/library/17_r/radio_svoboda/20090919.htm См. также Sandr Riga. The Society of Ecumenical Christians Before and After the Dissolution of the Soviet Union. *Religion, State and Society*, Vol. 22, No. 4,1994.

бавить и 4,5% собственно «экуменистов» — христиан, которые не относят себя к определенным конфессиям[16].

Померанц, безусловно, был провозвестником и вдохновителем этих универсалистских умонастроений. Если ограничиться только российским опытом, можно выделить несколько версий и стадий движения к универсализму: Лев Толстой (1828–1910), Даниил Андреев (1906–1959), Александр Мень (1930–1990) и Григорий Померанц. Толстой — это открытие религиозно-универсального в его чистоте и негодующее обличение всех исторических религий и церквей как подмен, извращений первичных ценностей любви, братства и смирения. Универсализм здесь выступает прежде всего этически, как любовь к ближнему и непротивление злу насилием. Даниил Андреев, в противоположность Толстому, видит универсальность как «Розу мира», как всемирную церковь, способ объединения всех исторических религий в сверхисторическое братство, где каждая конфессия — лепесток расцветающего религиозного единства грядущего человечества. Для Александра Меня универсализм — это пространство, обретаемое внутри христианства и православия, но при этом осмысляемое в надконфессиональной перспективе, как вбирание опыта других религий и их примирения в личности Христа как Богочеловека.

Для Григория Померанца универсализм — это индивидуальный и экзистенциальный опыт общения с разными религиями, это путь странника, путь сопереживаний и личных откровений. Таким образом, вырисовываются четыре пути в универсалистское измерение: моральное очищение и отвержение всех конфессиональных, оцерковленных вер; попытка их синтеза в единой надконфессиональной церкви, «Розе мира»; путь экуменической открытости одной конфессии другим; опыт экзистенциального общения с разными религиями.

Есть еще пятый путь — то, что я в начале 1980-х годов обозначил как «бедную веру». Слово «бедный» в религиозном контексте имеет положительный смысл. «Блаженны нищие духом» (то есть во имя духа). Русское слово «бедный» имеет общее происхождение с латинским «fides», вера (отсюда и «фидеизм», то есть мировоззрение, основанное на вере). Связь между «бед-» и «fides» такая: «быть бедным, неимущим — приносить жертву —

[16] http://www.online812.ru/2012/12/18/010/

верить в Бога». Бедный — тот, кто отдает свое Богу. Так что «бедная вера» — это своего рода «верная вера», смысловой повтор и усиление. Бедные верующие не имеют символического капитала в виде общепризнанных вероисповедных традиций, церковных зданий, общественного престижа, «имиджа». Это минималистский, а не максималистский извод религиозной всеоткрытости. В ее основе — духовная апофатика, предстояние Богу вне предметно-утвердительных, «катафатических» признаков религии, таких, как церковь, догматика, обряды.

Собственно, это продолжение того пути, который в 1960-е открыл для себя Померанц. В 1996 году я опубликовал в журнале «Октябрь» статью «Постатеизм, или Бедная религия»[17]. Через несколько месяцев Померанц отозвался на нее в том же журнале своей сочувственной, «сомысленной» статьей «Между бедностью и богатством (Ответ на статью М. Эпштейна “Постатеизм, или Бедная религия”)»[18]. Он подчеркивает, что бедная религия несет в себе огромное духовное богатство свободного выбора или столь же свободного собирания разных духовных традиций, в чем я с ним полностью согласен.

3.

Одна из важнейших страниц в творческой биографии Померанца — его многолетняя полемика с Александром Солженицыным, с которым они были ровесники (оба родились в 1918 году, Померанц 13 марта, Солженицын 11 декабря). Восхищаясь мощной личностью Солженицына как автора «Архипелага ГУЛАГ» и разоблачителя преступной природы коммунизма, Померанц находит скрытую опасность в программе его общественных реформ. Основанная на приоритете национальных интересов, она угрожает привести к простой смене караула — возрождению авторитарного государства, где роль «передового класса» будет играть «богохранимая нация». Померанца особенно настораживает в Солженицыне-публицисте абсолютная серьезность и отсутствие иронии, что напоминает ему догматику большевистской

[17] Эпштейн М. Постатеизм, или Бедная религия. Октябрь. 1996, № 9. С. 158–165.

[18] *Померанц Г.* Между бедностью и богатством (Ответ на статью М. Эпштейна «Постатеизм, или Бедная религия». Октябрь. 1996, № 9). Октябрь. 1997, № 5. С. 164–168.

идеократии и дореволюционного самодержавия, считавших любое сомнение, шутку или критику подрывными по своей сути. Для Померанца «ирония — спутник демократии»[19], поскольку она препятствует кристаллизации абсолютных истин.

Дискуссия Померанца с Солженицыным развернулась в начале 1970-х годов из-за разного понимания роли интеллигенции в России. В частности, Солженицын подверг критике эссе Померанца «Человек ниоткуда» (1967—1969), в котором излагаются его взгляды на отношения между интеллигенцией и народом. Русское слово «народ» трудно переводится на западные языки: оно означает массу простых, работящих людей, составляющих органическое целое, обладающее собственной волей, духом и судьбой. Померанц критикует как официальное советское представление о «трудящихся массах» как движущей силе исторического прогресса, так и романтический и неославянофильский взгляд на народ как на хранилище духовной чистоты и «богоносности». Даже с сугубо экономической точки зрения эта концепция не выдерживает критики: крестьянство, в котором воплощалось каноническое понимание народа как «правды и силы земли», перестало быть производительной силой. «…Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло, — это нации, в которых исчез голод. Я не виноват, что сейчас обществу выгоднее большую часть сил тратить на умственную работу, а совсем малую — на обработку земли»[20].

Из этого и многих других высказываний Померанца можно судить, насколько «Человек ниоткуда» и вообще его эссеистика сохраняют все свое значение и сегодня, в эпоху нового «восстания масс», подъема фундаменталистских и неофашистских движений, опирающихся на идеологему «народа». Для Померанца уже в 1960-е годы сам термин «народ» перестал обозначать реальную общность людей, поскольку и рабочий класс, и крестьянство поддались процессу физической и духовной деградации. Не только советский режим лишил народ творческих сил, но и неизбежный ход истории, который подорвал целостность наций, оставив в прошлом эстетические ценности фольклора и моральные ценности коллективизма. В той мере, в какой эти архаичные ценности еще сохранились, они служат главным образом

[19] Померанц, Сны Земли, с. 345.

[20] Померанц, Неопубликованное, с. 128.

для насаждения авторитаризма и подавления свободы личности. Поэтому *народ*, проявляя пассивное безразличие, должен нести ответственность за молчаливое согласие с террором и репрессиями коммунистического режима.

Вопреки расхожему мнению, что народ — творец всех ценностей, Померанц утверждает, что высшие ценности, такие как философское созерцание или научное исследование Вселенной, создание произведений искусства или откровение духовной любви, не производятся народом и находятся за пределами его понимания. Поэтому Померанц обращается к интеллигенции (людям «ниоткуда»), чья моральная и религиозная автономия делает возможным движение общества к свободе. В советский период к «интеллигенции» официально относились «лица умственного труда», включая бюрократическую элиту, учителей, врачей, писателей и образованных представителей всех профессий. Для Померанца интеллигенция — «очень узкий круг мужчин и женщин, способных самостоятельно открывать вновь святыни, ценности культуры, затоптанные в деловой спешке (открывать или развивать заново, а не только “критически мыслить”)»[21]. Интеллигенция всегда составляет меньшинство нации; соответственно «все великое начиналось с меньшинства, и даже больше того, — с одиночки… На этого одиночку я и рассчитываю»[22]. Он сравнивает интеллигенцию с еврейской диаспорой, «людьми воздуха», которые потеряли связь с родной землей. Тревога, страх, одиночество, растерянность, заброшенность, ощущение бессмыслицы и надежда на сверхсмысл — все эти категории экзистенциальной философии исходят из психологии гетто, выраженной Францем Кафкой. Для Померанца эта ситуация диаспоры, включающая и гетто, и перспективу ассимиляции, характерна не только для евреев, но и для всего мыслящего человечества.

Ассимиляция означает, что интеллигентный человек потенциально может оказаться одновременно участником многих религиозных и национальных сообществ, вбирать разные тра-

[21] Там же, с. 148.

[22] Там же, с. 168. То, что Померанц превозносит как мыслящее меньшинство, для его националистических оппонентов, таких как Игорь Шафаревич (1923–2017), автор книги “Русофобия» (1982), становится «малым народом» (подразумевается еврейство), который подрывает здоровые моральные устои «большого народа», или «великой нации».

диции. «Сплотиться в своем одиночестве»[23], распространять солидарность среди одиноких — вот что Померанц считает своим личным долгом. Можно рассматривать его как пророка не народа (как Солженицына), а интеллигенции, подобно Альберу Камю, который стремился говорить от имени «миллионов одиночек». Но если атеистический экзистенциализм Камю тяготеет к абсурду и открыт пессимизму, то персонализм Померанца — это оптимизм, опирающийся на веру. Интеллигенция призвана наполнить жизнь смыслом, вместе с тем сохраняя свободу личности от какого-либо обязательного и единого смысла.

Померанц хорошо понимал, что победа интеллигенции и разрушение традиционного общества создает возможность как для новой, расширенной свободы, так и для нового, более изощренного угнетения. «Интеллектуальная свобода — что-то вроде атомной энергии. Она может служить и добру, и злу, может спасти мир и погубить его»[24]. Интеллигенцию можно обвинить в разработке чудовищных идеологий, которые принесли страдающему человечеству не мир, а меч. Однако Померанц защищает свободу мышления, даже если она в конечном итоге приводит к самоубийству и порождает тоталитарную цензуру. «Мой избранный народ [интеллигенция] плох. Я это знаю. Но у меня, как у Иеговы, нет выбора: остальные еще хуже»[25].

По иронии судьбы похвала Померанца в адрес интеллигенции оказалась трудным испытанием для нее самой, в силу ее традиционного представления о себе как о должнике, заступнике и подручном народа. С самого начала публицистической деятельности Солженицына он определил Померанца и тех, кто принадлежал к схожей «интеллигентской» касте, как своих главных оппонентов. Солженицын относит либералов и плюралистов к «*образованщине*» — он сам придумал это презрительное обозначение конформистской, поверхностно образованной элиты советского общества. Солженицын низводит их до статуса самодовольных обывателей и фарисеев, которые отрицают свой долг перед народом и, в конечном счете, поддерживают режим, воспитавший их как свою интеллектуальную обслугу. В то время как Солженицын стремится возложить вину на режим (и, соот-

[23] Там же, с. 167.

[24] Померанц, Неопубликованное, с. 150–151.

[25] Там же, с. 151.

ветственно, на интеллигенцию), Померанц менее всего склонен превозносить или обвинять.

«Он [Солженицын] твердо знает, какие герои правильные и какие неправильные. Правильных он увенчивает, неправильных развенчивает. А по-моему, все герои несколько неправильные. Я признаю, что они герои — и красные, и белые, и деды-революционеры, и внуки-диссиденты. Но в мои рассуждения о них все время вплетается ирония, вплетается стремление выйти за рамки героических задач и характеров. <…> Нужно мечтать не о каком-то суде, который воздаст оставшимся в живых палачам по заслугам, око за око, а о собственной способности простить хотя бы одного палача. Потому что конец казням приходит не через казнь, а через прощение»[26].

Таким образом, в лице Померанца и Солженицына сталкиваются не атеизм и религиозность, а два религиозных мировоззрения. Для Солженицына вера означает верность исключительным и абсолютным ценностям, поэтому ее политическим эквивалентом является просвещенный авторитаризм. Для Померанца вера основана на смирении, отвергающем все претензии на абсолютную истину. Плюрализм, таким образом, оправдывает светскую демократию, но также и данную Богом свободу каждому, которая запрещает ограничивать свободу других. Это, пожалуй, самая общая персоналистская черта либерализма и плюрализма в России 1970-х и 1980-х годов: не старомодный позитивизм-атеизм, противостоящий религии, а утверждение ценностей, общих для религии и гуманизма: терпимости, ненасилия, сострадания…

4.

Один из показательных примеров разногласия Померанца с Солженицыным касается знаменитого девиза последнего: «*Жить не по лжи*». Этот девиз, призванный осудить лицемерие, на котором режим держался десятилетиями, был, пожалуй, самым влиятельным моральным императивом позднего советского периода. Солженицын дал нравственную поблажку робким советским гражданам, призвав их не высказывать всю правду вслух, а лишь воздерживаться от прямой лжи. Однако и этот императив находит в Померанце убедительного оппонента. В ре-

[26] Померанц, Сны Земли, с. 345, 351.

альности отказ от лжи означал бы, что учительница литературы должна покинуть школу, поскольку она обязана преподавать «шедевры» социалистического реализма. Одаренному студенту пришлось бы бросить университет и никогда не стать физиком или математиком, потому что он вынужден сдавать экзамены по марксизму-ленинизму. С крушением профессиональных перспектив такой человек, кроме того, должен был бы материально зависеть от своих родителей или, чтобы выжить, эмигрировать, оставить семью и друзей. Да, лгать аморально, но разве не столь же аморально жить за чужой счет или зарывать свой талант? «Самые мучительные моральные трудности начинаются тогда, когда заповеди сталкиваются. Например, не лгать — и не жить за чужой счет; не лгать — и не бросать своих друзей, стихию своего языка. Марина Цветаева уехала и мучилась в Париже. Анна Ахматова не уехала и мучилась в Ленинграде…»[27]. Таким образом, для Померанца даже самая простая истина «жить не по лжи» обнаруживает свою двусмысленность, как только человек открывает для себя множественность истин.

Для Померанца не существует способа устранить трагический раскол в процессе самоопределения личности. В этом мире невозможно ни безупречное поведение, ни нравственное совершенство, и в этом начало веры. Для Померанца, как и для Якова Друскина, «Бог и грех нераздельны. В бездне Бога открывается взгляд на бездну греха. А в бездне греха рождается тоска по Богу»[28].

Философию Померанца можно определить как персонализм *в поисках* Бога. Два элемента этого определения нераздельны, поскольку персонализм без Бога вырождается в самодовольное, эгоистическое своеволие, а религия без персонализма превращается в консервативный ритуализм. Любимый писатель и мыслитель Померанца — Достоевский, основатель русского религиозного экзистенциализма. Однако, на взгляд Померанца, даже Достоевский стремится задушить экзистенциальный компонент веры, особенно в романе «Бесы» и в публицистике («Дневник писателя»), исповедуя национальный, а не личный путь к Богу. В частности, Померанц обвиняет Достоевского в ненависти к ли-

[27] Там же, с. 287.

[28] Померанц Г. Открытость бездне. Этюды о Ф. М. Достоевском, New York: Liberty Publishing House, 1989, p. 124.

бералам и в использовании тех же «грязных» методов политического обличения, которые применяли революционеры. «Грустно читать, как дьявол захватывает самого Достоевского, как ненависть в борьбе с бесами доводит его самого до бесовщины, до каких-то судорог в описании Лямшина…» [персонаж еврейского происхождения в «Бесах»], до литературного доноса на Тургенева…»[29]. Почвенничество Достоевского, его идеология родной почвы была его метафизической изменой, попыткой избежать одиночества в отношениях человека с Богом. Причем Померанц старается критиковать Достоевского словами самого Достоевского, противопоставляя религиозный персонализм его романов религиозному консерватизму его статей. Для Померанца «не существует “почвы”, которой можно заполнить бездну бытия (или, в терминах Достоевского, бездну Бога), бездну, перед которой человек предстоит всегда сам, один на один, без всякой опоры»[30].

Померанц призывает либеральную интеллигенцию разработать религиозное мировоззрение, которое могло бы стать творческой альтернативой консервативному идеалу «народа-богоносца». Он находит истину персонализма в самой природе христианства. «Обетование вечной жизни дано личности, а не народу. <…> Христианство не отрицает народа, но помещает его на второе место, в мире временного — после личности, с ее вечной душой»[31]. Следуя по пути Николая Бердяева и Георгия Федотова, двух выдающихся русских религиозных персоналистов первой половины XX века, Померанц формулирует цель современных духовных поисков как синтез свободы и веры: «Русский либерализм должен обрести религиозную глубину»[32].

* * *

Померанц был ровесником своего главного оппонента Александра Солженицына — и пережил его на 4 с половиной года. Теперь они высятся над возрастным пространством русской культуры как два патриарха. Один немного не дожил до 90, другой до 95. Все 1980-е годы прошли под знаком полемики

[29] Там же, с. 104.

[30] Там же, с. 99.

[31] Померанц Г. В поисках святыни, в журнале «Синтаксис. Публицистика. Критика. Полемика». № 27. Париж, 1990, с. 24.

[32] Там же, с. 24.

между ними, между «соборностью» и «плюрализмом», между «единством» и «свободой». До сих пор эта полемика, подхваченная множеством крупных и мелких перьев, продолжается и определяет судьбы страны. А между тем многое их сближало: и опыт сталинских лагерей, и работа школьным учителем после освобождения, и несгибаемое диссидентство, и понимание веры как основы жизни. Только для Солженицына, как для ветхозаветного пророка, вера была делом национального самосознания и самостроения, а для Померанца, как для русско-еврейского персоналиста, — индивидуальным поиском в мировом богатстве религий, точкой взаимонахождения личного и универсального. О чем они теперь беседуют в загробной тиши?..

ФЛАГ НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ. БОРИС ХАЗАНОВ

Борис Хазанов (16 января 1928, Ленинград — 11 января 2022, Мюнхен) — мыслитель, прозаик, эссеист, врач. Его настоящее имя Геннадий Моисеевич Файбусович. Он получил образование по классической филологии в МГУ и был арестован в 1949 году за «антисоветскую» деятельность. После освобождения в 1955 году Хазанов стал врачом и проработал в этом качестве много лет. В 1982 году он эмигрировал в Германию и поселил-

ся в Мюнхене, где редактировал (вместе с Кронидом Любарским) русскоязычный политико-философский журнал «Страна и мир», регулярно выступал на радио «Свобода». Он автор книг философской прозы и эссеистики, сосредоточенной на экзистенциальной, этической и национально-культурной проблематике. Лауреат нескольких литературных премий, в частности, премии города Гейдельберга «Литература в изгнании» (1998), «Русской Премии» (2008) за роман «Вчерашняя вечность», Литературной премии имени Марка Алданова (2010) и др.

Борис Хазанов — один из самых ярких, искренних, вдохновенных мыслителей, у которого глубоко переплетаются российские и еврейские, религиозные и атеистические темы, а философия соединяется с лирической притчей и мифотворчеством. Я попробую кратко раскрыть основной проблемный нерв его мышления, обозначенный еще в эссеистике конца 1970-х — 1980-х гг. Напомню, что персонализм — это философское направление, которое во главу угла ставит личность, «личностность»: человеческую, а в религиозном персонализме — и божественную. Свойство быть личностью, обладать своим «я», действовать, мыслить и говорить от первого лица — вот что лежит в основании и человеческого бытия, и бытия мира, если у него есть Творец. Истоки европейского персонализма — Б. Паскаль, С. Кьеркегор.

Персоналистское мышление в России включает сильный еврейский компонент, представленный уже одним из его основателей, Львом Шестовым (1866–1938). Было бы интересно сравнить два основных направления российского персонализма: одно из них происходит из чисто русского источника, Василия Розанова; другое, еврейское, восходит к Шестову. Персонализм как таковой предполагает вызов диктату общностей/обобщений, основанных на разуме, и проистекает из уникальности человеческого «я». Однако источник этой уникальности может быть понят по-разному. Розанов, как и его последователь Михаил Пришвин, был ориентирован на органические взаимоотношения личности и телесности, которые для Розанова выражались как сексуальность и брак, а для Пришвина — как мир природы. Для Шестова и его преемников, русско-еврейских мыслителей, таких как Яков Друскин, Григорий Померанц и Борис Хазанов, антитеза разума — это вера, а не природа; а источник человеческой уникальности — в сложных и противоречивых отношениях личности с Богом.

Как и в случае с другими персоналистами, полемика Хазанова направлена против национализма, включая его наиболее утонченные философские предпосылки, — против тенденции (как у А. Солженицына) отождествлять нацию с единой личностью и экстраполировать на весь народ такие категории, как «воля», «судьба», «страх» и «надежда». Как только нация рассматривается как личность со своей душой и судьбой, настоящая личность становится простым дополнением к этой огромной коллективистской сущности. Б. Хазанов передает это так:

«Россия — это огромное тело, теплое женское тело. Погрузиться в него полностью, раствориться в нем … Собственно говоря, отсюда приходит концепция нации как более высокой экзистенциальности, охватывающей индивидуальное существование, всех нас без исключения; и современный русский национализм не добавил ничего нового к этой концепции»[33].

Россия, по мысли Хазанова, это страна, где абсурд — не просто метафизический принцип, а постоянное условие повседневного существования. То, что немецким и французским экзистенциалистам удалось выразить в философских формулах, россияне воспринимают как повседневную рутину. «Чувство абсурда не абстрактно. Оно может доминировать над всей жизнью, оно может стать массовым чувством… Это, я бы сказал, русское чувство»[34]. Для Хазанова **абсурдизм**, а не материализм, является противоположностью религии, поскольку материальность не противостоит смыслу и разуму. Советский материализм, несмотря на общепризнанную враждебность к традиционной религиозной вере, опирается на веру в объективные законы материи и исторический телос, и поэтому вполне совместим с духовностью. Абсурд, с другой стороны, враждебен как материализму, так и спиритуализму, поскольку отрицает смысл на всех уровнях существования.

По мысли Хазанова, бытие евреем в России усиливает это чувство абсурда, поскольку у еврея нет даже того утешения, что он органически принадлежит месту, порождающему абсурд. Он чужд даже абсурду, следовательно, переживает **абсурд**

[33] Хазанов Борис. Миф Россия. Опыт романтической политологии. Нью-Йорк: Liberty, 1986, с. 108.

[34] Хазанов Борис. Идущий по воде. Статьи и письма. Мюнхен: Страна и мир, 1985, с. 206.

в квадрате. «Вы скажете: как насчет почвы, как можно жить с пропастью под ногами вместо родной земли? Но судьба русских евреев — ходить по воде»[35]. Эта метафора хождения по воде дала название одной из самых значительных философских книг Хазанова («Идущий по воде», 1985), в центре которой — проблема безосновности, беспочвенности. Книга содержит переписку Хазанова с двумя друзьями по вопросам веры. Один из них — православный священник и богослов Сергей Желудков (1909–1984); другой, обозначенный инициалами Ю. А. Ш. — Юлий Шрейдер (1927–1998), известный московский философ и семиотик, католик по вероисповеданию.

Позиция самого Хазанова далека от уверенности как религиозной, так и атеистической. Его отправная точка — ***неуверенность*** человека, который вынужден полагаться только на уникальность своего существования. «Мир лишен смысла, а человек навязывает ему смысл. Небеса пусты, но отражены в смертных человеческих глазах, которые придают ему ценность и оправдание самим фактом, что видят его»[36]. В этом пункте позиция Хазанова близка к атеистическому экзистенциализму Сартра, но без идеи политической ангажированности. По его мнению, смысл не может быть подкреплен практическими изменениями в обществе, а государство, как правило, слишком абсурдно, чтобы его можно было существенно изменить; таким образом, остается чисто личный духовный вызов пустоте жизни. Человек похож на моряка на тонущем корабле: спасти корабль не в его силах. «Но какой флаг развевается на мачте, определяет сам человек, и в этом смысл и оправдание его жизни»[37]. ***Флаг на тонущем корабле*** — символ героического пессимизма Хазанова, напоминающий Сизифа у Камю, который находит счастье в абсурде своего существования. Этот «достойный» атеизм («атеизм может стать знаком высокого человеческого достоинства») позволяет сохранить смысл в мире молчания и равнодушия. Единственное предназначение человека — «определить свою судьбу для себя, потому что никто не сделает это за него»[38]. Хазанов пессимистично называет эту позицию «моралью вопиющего в пустыне»,

[35] Хазанов Борис. Запах звезд. Тель-Авив: Время и мы, 1977, с. 284.

[36] Идущий по воде, с. 96.

[37] Идущий по воде, с. 97.

[38] Идущий по воде, с. 214.

поскольку никто, даже Бог, не ответит на этот вопль. Таким образом, судьба человеческой свободы в этом мире — не победа, а только сопротивление.

Не соглашаясь со своими религиозными собеседниками[39], Хазанов утверждает, что атеизм не исключает духовного величия и моральной праведности. Он также оспаривает знаменитое пари Б. Паскаля как аргумент в пользу веры в Бога. Для Паскаля ставка на бытие Бога, в случае выигрыша, обещает бесконечную награду (вечная жизнь, высшее благо); но проигравший почти ничего не теряет, поскольку этот мир рассматривается как преходящий и пустой. Хазанов возражает, что паскалевский игрок списал свою земную жизнь со счетов еще до начала игры. В качестве альтернативы Паскалю он предлагает, чтобы перед лицом неопределенности существования Бога мы решили жить с предположением, что ***Его не существует***. В такой ситуации «мы являемся тем, кто должен выполнять в этом мире функцию Бога», таким образом максимизируя значение мирской жизни, а не обесценивая ее, в отличие от Паскаля.

Моральное преимущество атеизма состоит в том, что он отказывается оправдывать человеческие грехи ссылкой на дьявольское искушение и избегает религиозного парадокса — необходимости согрешить, чтобы покаяться. Хазанов защищает атеизм от обвинения в порождении тоталитарных систем коммунизма и фашизма, утверждая, что Ленин и Гитлер были вовсе не светскими атеистами, а псевдорелигиозными визионерами; таким образом, именно менталитет религиозного фанатизма повинен в зверствах двадцатого века.

Для Хазанова атеизм не столько противник религии, сколько один из ее необходимых, хотя и обычно пренебрегаемых компонентов. Атеизм, как своего рода иконоборчество, дополняет религию, различая Бога — и его ложные образы и имена. Хазанов возрождает древнюю монотеистическую традицию, запрещающую создание подобия Бога или произнесение его имени всуе. Предлагая жить так, как будто Бога нет, он хочет подчеркнуть истинное существование Бога за пределами человеческого понимания. «Есть чувство, которое запрещает провозглашать Бога.

[39] Среди них православный священник Сергей Желудков (1909—1984) и обратившийся в католичество философ, математик, кибернетик Юлий Шрейдер (1927—1998) (фигурирует в переписке Хазанова под инициалами А. Ш.).

Бога нет, потому что Он есть. Бог существует таким образом, что Он не существует».

Хазанов ссылается на историю Моисея, который хотел бы увидеть Бога лицом к лицу, но ему было отказано в этом. «…Человек не может увидеть Меня и остаться в живых… ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо» (Исход, 33: 20, 23). Хазанов поясняет:

«Бог стоит за спиной, а не перед глазами. Давайте тогда будем сопротивляться искушению обернуться, потому что если вы оглянетесь назад, то никого не найдете… Бог не хочет, чтобы его видели, он не требует деклараций веры, не хочет икон, статуй, молитв, прославления. Бог должен испытывать презрение ко всем попыткам нарушить естественный ход вещей; поэтому, как сказал один из хасидских учителей, Бог не щедр на чудеса»[40].

Таким образом, хазановский атеизм становится инструментом негативной теологии, которую он сравнивает с диалектической теологией Карла Барта и Пола Тиллиха, но предпочитает называть «пограничной теологией»: «она отказывается говорить о божественном, потому что божественное всегда на границе понимания, видения, на границе существования»[41]. Обосновывая **теологическое значение атеизма**, Хазанов отмечает, что даже с точки зрения веры следует признать, что Бог дал человечеству свободу сомневаться в Его существовании и что Он благословляет тех, кто борется с ним, как Он благословил Иакова.

Хазанов хорошо осознает шаткость своей позиции, которая остается «где-то между утверждением о том, что Бог сотворил человека, и утверждением о том, что человек сотворил Бога». Но он видит эту неопределенность не только как признак религиозного кризиса эпохи секуляризации, но как намек на новое религиозное сознание, зарождающееся в наше время. Атеизм и теизм будут составлять два взаимодополняющих аспекта этого сознания, которое «не отрицает смысла мира во имя самого мира, но и не отрицает мир во имя вечного смысла»[42]. Он очерчивает перспективу, в которой традиционные антиномии науч-

[40] Запах звезд, с. 103.

[41] Там же, с. 103.

[42] Там же, с. 241.

ного знания и религиозного откровения покажутся нелепыми. Вслед за Дитрихом Бонхеффером, выдающимся немецким протестантским богословом XX века, Хазанов объясняет это видение как результат «созревания» человечества, которое не может вернуться ни к своей детской вере в Бога, ни к своему отроческому нигилизму. Подросток отказывается от своего детского представления о том, что дети происходят от взаимной симпатии родителей, в пользу сугубо материалистического объяснения сексуальности. Подобным же образом человечество перешло от мифологической концепции Бога к научному отказу от религии. Но, достигнув зрелости, человек понимает, что любовь и секс — это совместимые объяснения тайны рождения, и точно так же религия и наука — совместимые объяснения мироздания.

Михаил Блюменкранц

Час короля

Памяти Бориса Хазанова

Песок, что сыплется
в часах времени, сотворен
из нашего пепла.

Фридрих Зибург

С повести «Час короля» началось мое тогда еще заочное знакомство с Геннадием Моисеевичем.

Григорий Соломонович Померанц дал прочесть машинописный текст двух произведений незнакомого мне автора: «Час короля» и «Я воскресение и жизнь». Впечатление было сильным.

Позже я встретился с Хазановым у Померанца — в тот день он приходил попрощаться перед отъездом в эмиграцию. Когда Геннадий Моисеевич ушел, Померанц с грустью заметил, что очень жаль лишаться такого прекрасного собеседника. И добавил: он обладает редким качеством — с ним возможен спор без ссоры. Это редкое качество Геннадия Моисеевича я имел впоследствии и сам возможность оценить за годы нашего с ним общения. Что ж, прав был Г. С. Померанц, отмечая, что «стиль полемики важнее предмета полемики». При всем различии позиций Померанца и Хазанова — эстетического отношения к действительности у Хазанова и религиозного у Померанца, — их объединяло общее чувство тревоги от нарастающего процесса дегуманизации человека, его духовного обмеления. Того, что Мераб Мамардашвили определял как «антропологическая катастрофа». Вопреки мнению Кьеркегора о том, что слишком развитое эстетическое убивает этическое, и в жизни, и в творчестве Бориса Хазанова эти чувства сосуществовали в редкостной гармонии. В этом случае торжествовал платоновский принцип колокагатии: изначального единства Истины, Добра и Красоты.

В одной из своих книг Хазанов сочувственно цитирует Сьюзен Зонтаг, говорящую о сегодняшнем чувстве, «…что мы стоим на руинах разума, на краю развалин истории и самого человека».

Недавно вышла в свет двухтомная «История философии советского периода» Михаила Эпштейна, где есть глава, посвя-

щенная Борису Хазанову. М. Н. Эпштейн говорит о близости мировоззрения Геннадия Моисеевича к философии персонализма и экзистенциализма. Это так. И в своих текстах, и в личных беседах Геннадий Моисеевич не раз высказывал свой интерес, симпатию и сочувствие к экзистенциалистской философии. В его текстах можно встретить близкие к экзистенциализму мысли: «Человек — это, понятное дело, звучит отнюдь не гордо, и все же его величие в том, что усилия, всегда обреченные на неудачу, само*е* наше бренное существование, вносят смысл в бессмысленный и абсурдный мир». «...достоинство человека именно в том и состоит, чтобы противостоять разрухе и абсурду», — пишет Хазанов в письме к Марку Харитонову. Эти высказывания вполне в духе бросившего вызов богам Сизифа, героя Альбера Камю.

И все же, как мне представляется, существует и более глубинная корневая связь его мировоззрения с гуманистическим пафосом французского Просвещения, философов которого он основательно знал и ценил. Не случайно он по-своему переформулировал горькое признание Ж.-П. Сартра в том, что история каждой человеческой жизни является историей кораблекрушения[1]. Хазанов выразился так: «Положим, прав был Спиноза, говоря, что упорство, с каким человек отстаивает свое существование, ограничено, и сила внешних обстоятельств бесконечно превосходит его; положим, не в нашей власти одолеть бурю. Но от нас будет зависеть, какой флаг взовьется над гибнущим кораблем. В цветах этого флага — вся наша свобода».

Одним из основных принципов реализации этой свободы и является для Хазанова литературное творчество. «Если художественная литература несет какую-то весть, то лишь эту: человек свободен. Он свободен не потому, что он этого хочет (чаще всего не хочет), но потому что он так устроен. Такова природа существа, наделенного индивидуальным сознанием...»

«Достоинство писателя состоит в том, чтобы жить в своем времени вопреки ему». Верность этой истине Геннадий Моисеевич Файбусович — писатель Борис Хазанов — утверждал всей своей жизнью и творчеством.

В заключение хочу добавить несколько слов о своих впечатлениях от прекрасной прозы ушедшего Мастера. Одними из центральных тем творчества Бориса Хазанова стали темы отноше-

[1] Эту же мысль находим и у Маргерит Юрсенар.

ний человека и Истории, человека и Времени. Писатель обладал удивительным умением передать на страницах своих романов вкус и запах времени, времени, в котором жили его герои. Сам интерес к философии времени находит свое отражение в названии целого ряда произведений. Это романы «Антивремя», «Вчерашняя вечность», «Час короля», «Нагльфар в океане времени» и другие. Что же касается отношений с Историей, то, как и сам автор, его многочисленные персонажи проходят через ее неотвратимые жернова. И писатель пытается понять: существует ли хоть какой-то смысл в этом бессмысленном, бесчеловечном ходе событий. Геннадий Моисеевич часто цитировал Стивена Дедала, героя джойсовского «Улисса»: «История — это кошмар, от которого я хочу проснуться». Хазанов явно предпочитал жить в *культуре* России, в не в ее *истории*. Культура создавала великие образы, в зеркале же русской истории они становились портретом Дориана Грея. Что ж: «Останься пеной, Афродита, И слово в музыку вернись…» Эти две стихии, слово и музыка, оказались неразрывно связаны удивительной прозой, созданной талантом Бориса Хазанова.

* * *

В течение более двадцати лет Борис Хазанов был постоянным автором, другом и советчиком философско-культурологического альманаха «Вторая Навигация».

Виктор Юхт

Харьков как форма духовной жизни

Памяти Б. А. Чичибабина

Из прочитанного Бог знает когда выступления Томаса Манна по случаю преобразования его родного города в вольный имперский город память сохранила лишь заглавие — «Любек как форма духовной жизни». Да робкое желание покопаться в местном материале, разобраться в собственных корнях. Что означает, в метафизическом, так сказать, смысле, жить в Харькове? Кто мы такие, харьковчане?

На давящий груз столетий, на древний «яд отстоенной печали», некогда вдохновивший Максимилиана Волошина в Париже, харьковчанину пожаловаться трудно. История наша коротка. То, что было вчера и позавчера, еще помнится. Но то, что произошло неделю назад, ни за что не восстановишь. Впереди — туман (что в сущности неудивительно). Но ведь точно такой же туман смыкается за спиной, вот в чем обида! Напряги глаза, увидишь родителей, еще порознь вернувшихся из эвакуации; довоенный, еще не сожженный Дворец пионеров; деда, попавшего в этот город еще в первую мировую, никак не способного запомнить, при какой власти одну и ту же площадь следует называть Советской, а при какой — Николаевской. А дальше — сколько ни вглядывайся, ничего не различишь.

Степные ветры выдувают почву, оголяют корни. Редко можно встретить потомственного харьковчанина, который бы помнил свою родословную дальше третьего поколения. Стоит копнуть — все оказываются приезжими.

Харьковчанин — плохой домосед. Ему вечно хочется быть и у себя дома, и в то же самое время — еще где-нибудь. Такая непоседливость объясняется, должно быть, самим географическим положением города: ночь в поезде — и ты в столице, прежней или нынешней; еще полдня — и на имперской границе.

Харьков — перекресток на пути из варяг в греки, из Крыма — в Москву, с Кавказа — в Прибалтику. Не отсюда ли необычная для провинции подвижность?

У меня – такой уклон:
я на юге – россиянин,
а под северным сияньем
сразу делаюсь хохлом.

Харьковчанин вроде бы всюду свой. Это радостное, легкое чувство отозвалось в строках самого, вероятно, известного харьковского поэта. Но лезут на ум, не дают покоя другие слова – знаменитый парадокс Франсуа Вийона: «Я всеми принят, изгнан отовсюду». Да, харьковчанин всюду свой. Но для москвича он всегда был провинциалом (а теперь стал еще и иностранцем), для киевлянина – опять же провинциалом, к тому же – «москалем»…

Харьков – перевалка, пересадочный пункт, транзитная станция. Поэтому все у нас побывали, но надолго никто не останавливался. Началось все еще, кажется, с князя Игоря, который где-то здесь прошел на половцев, но города не основал. Если же обратиться к более близкой истории, вспоминаются Бунин и Волошин, Мандельштам и Маяковский… Все заезжали, но никто не задерживался. Задержали одного лишь Хлебникова – на Сабуровой даче, спасая от мобилизации.

Мировые войны направляли людские потоки. Году в 15-м город наполнился беженцами из смятой германским наступлением черты оседлости, а четверть века спустя снова потянулись эшелоны эвакуированных: все дальше и дальше на восток. Едва город успел прийти в себя после Второй мировой, едва начал вырисовываться какой-то уклад городской жизни, пришло время великого исхода: сперва на целину, в Сибирь, на Дальний Восток, а с начала 70-х – уже по всему большому миру…

Впрочем, распыление духовных сил началось еще до войны, когда стало ясно, что от клейма провинции не спастись. Взять хотя бы литераторов, покинувших город за последние полвека. Внушительный список получается, почти на каждую букву алфавита: Баткин, Бурич, Верник, Даниэль, Кульчицкий, Лимонов, Милославский, Поженян, Слуцкий, Турбин, Яновская…

Каждый харьковчанин сможет, уверен, составить собственный список: как уехавших, так и оставшихся. Набор имен будет

меняться. Но есть одно имя, которое обязательно попадет во второй список. Речь идет о Борисе Алексеевиче Чичибабине.

* * *

Начал приводить в порядок эти записи еще прошлой осенью, а нынче за окном бушует ледяной мартовский ветер. Поэт не дожил до весны. «Я не замерзну в холоде декабрьском», — написал он когда-то. Увы, случилось именно так. Мемуаристы вспоминают, как изможденный болезнью, предчувствовавший скорый конец Федор Сологуб печально шутил: «Я умру от декабрита…» А на недоуменные вопросы отвечал: «Это болезнь, от которой умирают в декабре».

Прошедшей зимой список жертв декабрита пополнился еще одним именем. Декабрь вообще не самый веселый месяц: стужа, бесконечные ночи, замерзшие реки, оцепеневшие стрелки часов. А события последних десятилетий лишь усилили этот зловещий ореол. Ведь именно в декабре началась афганская авантюра, вскоре переросшая в трагедию. Пятнадцать же лет спустя, 11 декабря 1994, когда Чичибабин еще был жив, российские войска вступили в Чечню…

На похоронах кто-то сказал, что среди его последних слов были и такие: «Как хочется дожить до тепла…»

Странная вещь выходит. Взялся писать о Харькове, да не просто о городе как таковом — о некоей духовной сублимации троллейбусной толчеи и базарных перебранок. Но чувствую, как городской пейзаж становится портретом, как на фоне белесого неба, сквозь провода и голые мартовские ветки проступают черты лица.

Собрался писать о городе, а пишу о горожанине. Об одном-единственном из двух миллионов. Но почему именно о нем? Только ли потому, что это был замечательный поэт? Впрочем, пишу ведь не только о нем… Эти заметки не пытаются казаться ни литературным портретом, ни, тем более, мемуарным очерком. Есть близкие, многолетние друзья Чичибабина, которые, без, сомнения, напишут о нем и точнее, и теплее.

У меня же задача иная — проследить, как причудливо и нерасторжимо переплелись две нити, две судьбы: судьба человека и судьба города. Понять, как человек сумел стать совестью города, тем праведником, без которого, как известно, не стоит ни село, ни наш, в меру нелепый, в меру близкий, мегаполис. Ситуация парадоксальная вдвойне: ведь Чичибабин даже не харьковчанин по рождению, его детство и юность прошли в других местах, попал он в наш город уже после войны, да и то совсем ненадолго. Чтобы через год вновь его покинуть и отправиться на лесоповал. Но почему-то именно этот пришелец вскоре стал символом города. Без его высокой, сутулой фигуры уже не представить Харьков 60-х, 70-х, 80-х… Эти десятилетия стали его годами. Мы же продолжаем жить в 90-х — уже без него. И, наверное, многие харьковчане успели почувствовать, как неуютней и пустынней стало в городе этой весной — первой весной без поэта.

Он умел жить в разные эпохи: и до краткой оттепели, и после нее, и в унылые годы застоя, и в лихорадке массовой смены идеологий и повального распада. Он всегда оставался верен самому себе, своему внутреннему «я». Может, эта непреклонность и сделала его человеком на все времена.

Отношения поэта со временем — тема болезненная. Редко между ними возникает гармония. О том, чего натерпелся Чичибабин в конце 40-х и в начале 50-х, в конце 60-х и в начале 70-х, думаю, напоминать не стоит. Во второй половине 80-х, в краткий миг бескровной перестройки, показалось, что между поэтом и веком заключено перемирие. Казалось, что Чичибабин дождался своего часа. Не сломился, выждал — и вот заслуженное вознаграждение: свободные, открытые встречи с читателями, журнальные публикации (сперва редкие, потом обильные), долгожданный сборник «Колокол», Государственная премия…

Так показалось. Но ненадолго.

Уже в самом начале 90-х стало ясно, что и новому времени поэт явно не ко двору, что и с этим наступившим грядущим он не собирается шагать в ногу.

Империя рухнула, и многие стали спешно делить остатки общесоюзного пирога. Новый класс лихорадочно обогащался,

краснобаи взахлеб славили очередную — на сей раз национальную — утопию, поэт же упрямо повторял:

Я всем умом моим за рынок,
но сердцем не люблю богатых.
Я не могу, живу покуда,
изжить евангельские толки
насчет иголки и верблюда,
точней, отверстия в иголке.

Вчерашние, не успевшие еще толком перекраситься, «пролетарские интернационалисты» чинно занимали места в залах международных ассамблей в качестве полноправных представителей новых держав, словно забыв, что сами-то они никаких держав не строили, что им просто отломился какой-то кусок: кому гигантская Россия, кому Украина, а кому маленькая Абхазия или Чечня. И «наивный» поэт все твердил одно и то же:

Кто — в панике, кто — в ярости,
а главная беда,
что были мы товарищи,
а стали господа.
Ох, господа и дамы!
Рассыпался наш дом —
Бог весть теперь куда мы
несемся и бредем.

Все оплакивал утраченнiую родину:

Исчезла вдруг с лица земли
тайком в один из дней,
а мы, как надо, не смогли
и попрощаться с ней.

.....

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет.
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет.

Провинциальная архаичность поэта могла показаться нарочитой, даже вызывающей. Но, думаю, речь здесь идет о вещах более глубоких. Чичибабин не был старомодным, потому что был вневременным. Посланцем Вечности стоял он осенью 93-го на бывшей всесоюзной «палубе» концертной студии Останкино. То ли сельский учитель, то ли народный умелец: скромный пиджачок, светло-голубая рубашка, застегнутая под горло, на последнюю пуговицу, без галстука… Вокруг телецентра еще не успели разобрать баррикады — горькие следы тех дней, когда — в борьбе за торжество демократии — президент расстреливал из танков собственный парламент, а вице-прзидент готов был поднять в воздух самолеты, чтобы бомбить Кремль. Еще не успели соскоблить кровь с московских мостовых, а этот невесть откуда взявшийся сухощавый старик, почти прозрачный, почти бесплотный, с безоглядностью Дон Кихота повторял: мы забыли о главном, главное ушло из жизни, мы живем в суете, без добра, без любви…

В его выступлении, среди боли за всех, прозвучала и нотка глубоко личной печали: «Я в первый раз на этой сцене… Да, наверное, уже и в последний…». Помню, что эти слова кольнули, заставили задуматься. Чем объяснить этот выстраданный пафос прощания? Конечно, встреча с читателями безбожно запоздала, на целую жизнь, по сути, запоздала, но ведь останкинская студия помнит многих убеленных сединами писателей, ученых, артистов, которые еще не теряли надежду на будущую встречу и, расставаясь со зрителями, говорили не «прощайте», а «до свидания». А поэт, должно быть, чувствовал, что отпущенный ему земной срок истекает, его время уходит, и он — один на один — остается с Вечностью. И уже, стоя у роковой черты, пытается втолковать нам, здешним, посюсторонним, то, до чего мы, целиком погруженные в суету повседневности, еще не доросли.

Только страдающий духовной глухотой мог остаться равнодушным к этим настойчивым и совсем не красноречивым словам-заклинаниям, звучавшим, кажется, уже оттуда. Но многие ли из наших сограждан сумели и захотели услышать поэта?

Наших товарищей по несчастью, вконец обалдевших от ежедневной унизительной борьбы за существование, от постоянного (уже многолетнего!) ожидания всяческих бедствий: погромов, эпидемий, гражданских войн, экологических катастроф…

* * *

Думая сегодня о Чичибабине, постоянно возвращаешься к строчкам Булата Окуджавы, посвященным не какому-либо одному поэту, а поэтам вообще:

И слова рожденного сладость
была им превыше, чем злость.
А празднества — это лишь слабость
минутная. Так повелось.

Но ни гражданская скорбь, ни обличение неизбывного зла не были для Чичибабина главным. ГЛАВНЫМ ЖЕ было преображение мира любовью, одухотворение, на первый взгляд, равнодушной природы. В свое время мудрецы учили, что Бог есть там, куда его пускают. Бог Чичибабина был в озябших городских деревьях и воробье-зимовщике, в снеге на крышах и летнем дождике, в одуванчике и первых заморозках. Бог был в махорке и русской водке (из песни слов, увы, не выкинешь), в воскресной вылазке на лыжах и даже в приготовлении борща.

Последний сборник Чичибабина, подписанный к печати за три дня до смерти поэта, выпущен издательством «Московский рабочий». Боюсь, не слишком много харьковчан прочитали эту книгу, вышедшую уже за границей. Когда-нибудь и она удостоится подробного анализа; покаместь же хочется сказать несколько слов о ее заглавии — «Цветение картошки».

К неоспоримым «завоеваниям» перестройки относится и загадочная метаморфоза, в результате которой десятки тысяч горожан, вчерашних поклонников неореализма, постимпрессионизма и научной фантастики, внезапно превратились в огородников-неофитов. Новые робинзоны заполонили пригородные электрички. Героем нашего времени стал человек с лопатой, тяпкой и самодельной тележкой для гипотетического урожая.

Пришлось и поэту осваивать азы практического огородничества. Но и это испытание он принял со спокойным достоинством,

как в свое время травлю и лагеря. «Цветение картошки» — последняя клятва верности своим читателям, зримое свидетельство того, что до самого конца судьба поэта была неотделима от их судеб. Раньше — на каторге, теперь — в трещащем по швам вагоне.

В огородничестве горожан, в занятии вынужденном и безблагодатном (ведь стали-то сажать картошку не ради того, чтобы приблизиться к естеству или собственными руками возделывать экологически чистые овощи, а по совсем иным, увы, хорошо известным причинам), поэт сумел различить зерно, росток Вечности. Нехитрый ужин на краю своего клочка земли, где не только летнего домика — нормального сарая для ведер и лопат не предусмотрено, превращается в его стихах в символическое действо, в торжественный диалог человека с Творцом:

Доверившись Отцу,
внимательному к людям,
макаем лук в сольцу
и мир вечерний любим.

Всезначащ каждый жест,
как будто жизнь решаем,
и, если жук не съест,
то будем с урожаем.

И то же в лесу, вдвоем с любимой:

В лесу, где веет Бог, идти с тобой неспешно…
Вот утро ткет паук — смотри, не оборви…
А слышишь, как звучит, томительно и нежно
в мелодии листвы мелодия любви?

По утренней траве как путь наш тих и долог!
Идти бы так всю жизнь, куда — не знаю сам.
Давно пора начать поклажу книжных полок -
и в этом ты права — раздаривать друзьям.

Нет в книгах ничего о вечности, о сини,
как жук попал на лист и весь в луче горит,
как совести в ответ вибрируют осины,
что белка в нашу честь с орешником творит…

Стихотворение «И опять тишина, тишина, тишина…» — удивительный пример того «океанического чувства» истинного бытия, когда все мелкое, поверхностное, наносное, преходящее размывается потоком Вечности, и человек, забывая о своих невзгодах, отрешаясь от собственной бренной плоти, отдается этому потоку, погружается в него, уже не различая в нем себя самого. Современному горожанину совершенно необходимо хоть изредка вырываться из каждодневной гонки, чтобы испытать чувство, не один раз спасавшее поэта:

…как я рад, как печально и горестно рад я,
что могу хоть на миг отдохнуть от себя,
полежать на траве с нераскрытой тетрадью.

Это самое лучшее, что мне дано:
так лежать без движений, без жажды, без цели,
чтобы мысли бродили, как бродит вино,
в моем теплом, усталом, задумчивом теле.

И не страшно душе — хорошо и легко
слиться с листьями леса, с растительным соком,
с золотыми цветами в тени облаков,
с муравьиной землею и небом высоким.

Чтобы испытать «океаническое чувство», совсем необязательно находиться на берегу океана. Точно так же — для того, чтобы приобщиться к Вечности, вовсе необязательно жить в Вечном Городе или стоять у Стены Плача. Иногда достаточно чудом уцелевшего островка украинской степи, или тенистой тропинки к источнику, или скромной рощицы, даже не пригородной, а уже захлестнутой кольцевой автострадой и втянутой в городскую черту.

* * *

Уходят харьковчане. Умирают, разъезжаются. Что остается? Шелушащиеся стены, «исторический центр», который можно обойти часа за полтора. Наш «акрополь», изуродованный двумя мировыми войнами, борьбой с религией, наглядной агитацией времен развитого социализма и рыночным разгулом последних лет. Бесконечные, анонимные кварталы стремительно дряхлеющих новостроек. Широкий разлив частного сектора, всяческие

Тюринки, Шатиловки, Ивановки, Журавлевки, Шишковки, где, оказавшись на заросшей одуванчиками улице с каким-нибудь громким названием, скажем, «Аэрокосмическая», ловишь себя на мысли: да в городе ли ты вообще? И где он, этот город?

Летом всегда вспоминаешь о накопившихся за год книгах, недочитанных или вовсе нераскрытых. Вот, например, репринтный двухтомник знаменитого философа. Добротно издавали в начале века, с размахом! Изящный шрифт, слегка стилизованный под осьмнадцатое столетие, цитаты на шести языках, занявшие целый том. Перед началом каждой части — графическая заставка с соответствующим латинским изречением. Запомнился такой сюжет: раковина моллюска, а рядом надпись «Ne te quasiveris extra». То есть «Не ищи себя вовне». Девиз, который сегодня вполне можно рекомендовать харьковчанину.

Есть нечто более прочное, чем кирпич или железобетон. Город можно разрушить. Мало ли их бесследно исчезло с лица земли. А ведь были они пославнее Харькова… Но остается бесцветное осеннее небо, высокое, пустое небо над степью. Пологие холмы и перелески, придорожная трава. Солнце, наконец.

* * *

Среди тысяч, идущих в ногу с веком, строящих и «перестроившихся», бегущих и догоняющих, всегда находится один, который никуда не спешит, сидит себе сиднем на одном и том же месте, предпочитая молча смотреть в синеву неба или на заходящее солнце. Всем известно, что Чичибабин, имея веские основания быть обиженным и на свой город, и на свою страну, оставался принципиальным противником отъезда — как в период так называемого застоя, так и в наши дни, когда эмиграция стала чуть ли не правилом хорошего тона. С болью прощаясь с уходящими друзьями, сам он не боялся остаться наедине с пустотой… Нет, с землей, на которой родился:

Пусть будут счастливы, по мне хоть
в любой дали,
но всем ж и в ы м нельзя уехать
с ж и в о й земли.

Эти строки стали уже крылатыми. Равно как и другие:

Я устал судить сплеча,
мерить временным безмерность.
Уходящему — печаль.
Остающемуся — верность.

Задумаемся, о какой верности говорит поэт. Что имеется в виду: верность земле, друзьям, народу, культуре, языку? Но кто мешает сохранить эту верность на расстоянии? Горький опыт нынешнего (да и не только нынешнего) столетия не раз подтверждал: *можно* унести Россию и в дорожном мешке, *можно* бороться за будущее родины, годами живя на чужбине, *можно* оставаться другом своих друзей, даже когда они отделены океанами, *можно* творить великую русскую литературу, живя в Париже или в Нью-Йорке. Какая же верность дана в удел *остающемуся*, ему и только ему?

Мне кажется, что речь идет о верности собственному бытию в самом широком и нерасчлененном смысле слова. Чичибабин всегда был верен самому себе и не стремился стать *другим*. Он не менял ни убеждений, ни вкусов. Не пытался казаться более изысканным, утонченным, сложным, чем был на самом деле. И если, например, Гегель и Кант не входили в число его любимых авторов, если поэзия Бродского оставляла его равнодушным, он не стеснялся в этом признаться. Поэт не пытался выпрыгнуть из своего бытия.

* * *

Здесь, собственно, можно было бы поставить точку, если б не одно обстоятельство, заключительное, но немаловажное. В нынешней ситуации соблазнить кого-нибудь теоретическими выкладками почти невозможно. Задача эта ни к чему не обязывающая, и непродуктивная. Абстрактные выкладки девальвировались и потеряли привлекательность. (Не потому ли, кстати, вчерашние поклонники теоретических утопий с таким энтузиазмом потянулись к экстрасенсам, знахарям, «белым колдунам» и самозванным «гуру»? К тем, кто обещает результат скорый, а главное — вполне осязаемый…)

Теоретические рекомендации на тему «как надо жить в Харькове» вряд ли способны кого-либо заинтриговать или согреть. Но перед нами не теоретическая конструкция, а уже реализованный и собственной жизнью оплаченный жизненный опыт. Кому — как, а автору этих строк судьба поэта-харьковчанина кажется более реальной, чем, допустим, полное собрание сочинений Гегеля. С жизненной конкретикой можно не соглашаться, ее можно оспаривать, но бессмысленно делать вид, будто этого опыта вообще никогда не было. Всякий раз, когда приходится слышать сакраментальную фразу «Как ты можешь ЗДЕСЬ жить?», я вспоминаю поэта.

Почти все стихи Чичибабина сегодня опубликованы, да, пожалуй, и прочитаны. Но сохранился еще один документ, уникальный и трогательный. Это — письма к друзьям. Аккуратные листы, исписанные бисерным почерком, напоминающим искусную вязь древних каллиграфов: строки тянутся с геометрически безупречной параллельностью, каждая буковка любовно выписана и занимает точно отведенное ей место, не напирая на соседей. Такой почерк свидетельствует и о старомодной основательности, и о неспешности мастера, знающего себе цену, и о непоколебимом чувстве собственного достоинства.

Письма отсылались друзьям вроде недавно: самые ранние из них датированы концом 60-х, но кажется, будто пришли они из далекого прошлого. Дело не только в почерке. Оторвешься от начинающего желтеть и протираться на сгибах листа, взглянешь в окно на серенький дворовый пейзаж. Все на своих местах, все — как встарь… И вдруг вспомнишь: и ребятишки уже топают не в школу, а в лицей, и живут они уже в другой стране, и вообще скоро кончатся и век, и тысячелетие. На этом перевале стоит перевести дух, оглянуться на пройденный подъем. Перелистать эти письма, вспомнить, как и чем жили люди лет двадцать назад. Жили на излете коммунистического семидесятилетия, в крупном индустриальном центре на северо-востоке Украины (читай: в свинцовой провинции, где было запрещено даже то, что оставалось разрешенным в соседнем Белгороде, куда и ездили смотреть фильм Андрея Смирнова «Осень»). Жили напряженно и скудно, собственным трудом, унылым и казенным: восьмичасовый рабочий день, годовые отчеты трамвайно-троллейбусного управле-

ния, мизерная зарплата, краткий отпуск… Но все-таки жили, а не выживали, не существовали. Жили и радовались дружеским застольям, новому фильму, чудом попавшей в руки опальной книге, хоралам Баха, первому подснежнику. Жили в том заколдованном пространстве, которое со стороны могло показаться пустыней, воплощенным небытием.

Да, Харьков, пожалуй, и есть «ничто», «черная дыра», провал в духовный вакуум, но лишь для того, кто привык искать опору вовне: в затвердевших жизненных формах, в уже готовом мировосприятии, в отстоявшихся традициях и стереотипах. Тому же, кто привык рассчитывать лишь на собственные силы, кто если за что и держится, так только за воздух, Харьков не покажется столь страшным. Просто точка в пространстве, где суждено жить. Жаль, конечно, что нет у нас моря, Колизея или набережной Сены. Но делать нечего — проживем и без них. К тому же само *отсутствие* чего бы то ни было способно стать пробным камнем, тем, что американцы называют «challenge»: а ну-ка, попробуй, проживи б е з… Брошенный нам вызов — это наша беспочвенность, наша неукорененность в культуре, наша открытость всем степным ветрам, наше «евразийство», наша короткая, едва ли не позавчера начавшаяся история, которой, правда, уже успели принести в жертву миллионы жизней. Этот вызов может обескуражить человека, но может и — наоборот! — обострить чувство жизни, закалить дух, научить самостоянью, мужественному приятию всего, что должно случиться, отрешению от злобы дня, от суеты ради неповторимого мгновения истинного бытия. Для того, кто готов пойти на риск, Харьков — хорошая школа.

* * *

Так существует ли все-таки Харьков в качестве особой формы духовной жизни? По крайней мере для одного человека этот вопрос уже решен положительно. Гипотеза была подтверждена судьбой поэта. Чичибабин доказал, что здесь можно жить в самом высоком смысле слова: с максимальной отдачей, с предельным напряжением душевных сил, сохраняя верность своему «я».

Это, возможно, и есть самый важный урок *практического* бытия. Урок, до понимания которого нам еще предстоит дорасти.

Михаил Блюменкранц

Памяти Виктора Владимировича Юхта

Познать самого себя — один из неразрешимых вопросов, издавна стоявших перед человеком. Кто может сказать о себе, что нашел ответ?

Мы уходим — в то ли же самое небытие, из которого пришли? — оставляя близким свой с годами тускнеющий образ, образ тех, кем мы когда-то являлись. Прошлое — будущее, память — забвение. Бесконечная цепь поколений, теряющаяся в Вечности.

Мы часто оказываемся наедине с незнакомцем — с самим собой. Что можем мы знать о тех, кто жил с нами рядом?

В «Самопознании» Н. А. Бердяев сравнивал себя с феодалом, прочно засевшим в своем замке с поднятым перед воротами мостом… Много лет общаясь с Витей, я не помню его мост опущенным. Интеллигентный, неизменно ровный в общении, он непреклонно защищался от любой попытки вторжения в свое внутреннее пространство. Мы часто и охотно обсуждали с ним философские и филологические проблемы, но никогда не касались вопросов личного характера. Однако то, что было наглухо закрыто в непосредственном общении, неожиданно приоткрывалось в Витиных текстах, посвященных анализу творчества его

любимых авторов. В своих текстах он представал человеком тонкой душевной организации, глубоко чувствующим, очень ранимым. Что, вероятно, и объясняло его чрезмерную закрытость.

Обратимся к его эссе. «Иосиф Бродский любит повторять: «Жизнь коротка и печальна. Ты заметил, чем она вообще кончается?» (С. Довлатов. Записные книжки)». Этим эпиграфом начинается статья Виктора Юхта «Два слова о главном. (Рассказ С. Довлатова «Жизнь коротка».)». Это эссе было последним из шести его текстов, опубликованных в философско-культурологическом альманахе «Вторая Навигация». Эссе вышло 14 лет назад.

В центре повествования С. Довлатова фигура русского писателя Ивана Владимировича Левицкого, давно живущего за рубежом. На самом деле речь в довлатовском рассказе идет о Владимире Набокове. В своей статье Витя виртуозно анализирует как поэтику повествования Довлатова, так и созданный им психологический портрет писателя Владимира Набокова. В центре рассказа тема обреченности человеческого существования, невозможность даже перед лицом приближающейся смерти прорваться через шелуху условностей, штампов, банальностей, мелких страстей и расчетов к подлинному теплому, сочувствующему человеческому голосу: «все тонет в фарисействе». — И все предстает бессмысленным перед лицом неминуемого забвения, в том числе и писательская слава. Статья Вити заканчивается на очень пронзительной ноте, как мне представляется, глубоко интимной и выстраданной: «…О как мне хочется иногда из бездарно-возвышенного, беспросветного человеческого словоговорения в кажущееся безмолвие природы, в каторжное беззвучие долгого упорного труда, в бессловесность крепкого сна, истинной музыки и немеющего от полноты души тихого сердечного прикосновения!

Этой выпиской из нелюбимого Набоковым «лирического доктора с лубочно-мистическими позывами» (имеется в виду доктор Живаго из одноименного романа Бориса Пастернака — *прим. мое, М. Б.*), пожалуй, стоит завершить несколько затянувшийся разговор о памяти и забвении, автономности человеческого существования, о жизни и смерти… Одним словом, о главном».

Что ж, теперь нам, тем, кто остался из Витиных друзей, предстоит продолжить «несколько затянувшийся разговор о самом главном».

М. Блюменкранц
2021

ОБ АВТОРАХ

Михаил Блюменкранц (Харьков, Украина / Мюнхен, Германия) – канд. филол. наук, историк философии и культуры, автор книг «Введение в философию подмены» (1994), «В поисках имени и лица» (2007), «Общество мертвых велосипедистов» (2017), ряда статей по культурологии и литературоведению. Составитель и редактор альманаха «Вторая Навигация».

Андреас Буллер (Караганда, СССР / Штутгарт, Германия) – др. фил. наук, референт социального министерства земли Баден-Вюртемберг, научный сотрудник Томского государственного университета (ТГУ), гостевой доцент на истфаке Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Исследовательские интересы лежат в области теории исторического познания, практической философии и медиальной философии.

Елена Глазова (Москва, Россия / Атланта, США, университет Эмори). Основные публикации, книги и статьи на английском и русском языках, посвящены прозе Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, а также архиву ее отца, Юрия Яковлевича Глазова, ученого, принявшего активное участие в диссидентском движении в конце шестидесятых и начале семидесятых годов. Елена также составитель и редактор книги Марины Глазовой «Слова сбываются. Поэзия. Письма. Свидетельства».

Вяч. Вс. Иванов (Москва, Россия/ Лос-Анжелес, США) – доктор филол. наук, академик РАН, профессор Отдела славянских и восточноевропейских языков и литератур Калифорнийского университета UCLA. Исследования посвящены исторической и сравнительной лингвистике, психолингвистике, семиотике, математической лингвистике, литературоведению, истории культуры, антропологии. Автор более 1000 научных работ.

Юрий Корриган (Бостон, США) – профессор русской и сравнительной литературы на кафедре мировой литературы, Бостонский университет. Автор многочисленных публикаций, посвященных проблемам личности у Достоевского и Чехова.

Леонид Люкс (Свердловск, СССР/ Айхштетт, Германия) — профессор, доктор исторических наук, заместитель директора Института по изучению Центральной и Восточной Европы Католического университета в Айхштетте (Германия), редактор журнала „Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte“. Автор книг и статей по истории России, Польши, Германии, а также по истории коммунистического движения.

Ханс Оверслоот (Лейден, Нидерланды) — доцент лейденского университета, доктор философии, специалист в области политологии и политической философии, автор книг «Влияние труда «шабашек» на советскую экономику» (1991), «Реформы через коррупцию» (1997), «Разрушение России. Политическая история от Андропова до Путина» (2016) и ряда статей.

Витторио Страда (Венеция, Италия) — профессор Венецианского университета, директор Итальянского института культуры в Москве, автор ряда исследований по истории русской культуры и общественной мысли, составитель и редактор альманаха «Россия», лауреат Премии им. Д. С. Лихачева за заслуги в области сохранения культурного наследия России.

Борис Хазанов (Ленинград, СССР / Мюнхен, Германия) — в 1984—1992 гг. был редактором и соиздателем зарубежного русского журнала «Страна и мир». Автор романов, рассказов, этюдов, статей; переведён на несколько языков. Премия «Литература в изгнании» города Гейдельберга, несколько премий Интернационального ПЕН-клуба, премия журнала «Октябрь» (Москва).

Марк Харитонов (Москва, Россия) — прозаик, лауреат букеровской премии, член Русского ПЕН-центра. Автор романов «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (1992), «Возвращение ниоткуда» (1998), «Стенография конца века. Из дневниковых записей» (2002) и других, рассказов, эссе, воспоминаний. Переведён на несколько языков.

Михаил Эпштейн (Москва, Россия / Атланта, США) — философ, культуролог, литературовед, лингвист, эссеист, профессор теории культуры и русской литературы Университета

Эмори. Автор 40 книг и многих статей и эссе, переведенных на 26 языков.

Виктор Юхт (Харьков, Украина) – канд. филол. наук, литературовед, автор статей по современной русской литературе и поэзии.

Друга Навігація. Альманах. Випуск 17 / упоряд. М. А. Блюменкранц. — Харків: ТОВ «Видавництво „Права людини“», 2023. — 280 с.

ISBN 978-617-8186-07-4.

Корпус текстів сімнадцятого випуску альманаху ***Друга Навігація*** складається з трьох розділів.

У ряді статей першого розділу зроблено спробу аналізу причин російсько-української війни та її можливого впливу на розвиток політичної ситуації у світі. Крім того, обговорюються шляхи та долі Росії як у недалекому минулому, так і дня сьогоднішнього.

Другий розділ поєднує статті та есе літературознавчої, історико-філософської та культурологічної тематики.

У третьому розділі — матеріали, присвячені пам'яті наших друзів та постійних авторів альманаху — чудового російського письменника, вимушеного на початку 80-х емігрувати з Радянського Союзу та публікованого під літературним псевдонімом Борис Хазанов, а також талановитого, тонкого літературного критика Віктора Юхта, з яким ми також плідно співпрацювали багато років.

Альманах ***Друга Навігація*** призначений як для фахівців, так і для широкого кола читачів, які цікавляться проблемами історії, філософії та культури.

УДК 821'06-92-94-96=161.2=161.1(082)

Наукове видання

ДРУГА НАВІГАЦІЯ

Альманах
Випуск 17

Відповідальний за випуск	Г. В. Семьонов
Головний редактор	М. А. Блюменкранц
Заступник редактора	Л. В. Сігал
Коректор російського тексту	Г. В. Семьонов,
Художній редактор	Л. В. Сігал

Science edition

THE SECOND NAVIGATION

Almanac
Issue 17

Manager	G. Semenov
Editor-in-Chief	M. Blumenkrants
Deputy-editor	L. Sigal
Layout	L. Sigal

E-mail: blumenkrantz@gmx.de

Підписано до друку 20.02.2023
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Папір офсетний.
Умов. друк. арк. 16,27. Гарнітура Кудряшов.
Наклад 200 прим. Зам. № МО-03/23

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення
і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.
ел. пошта: distribution.hr.publisher@gmail.com

Друк: ФОП Мірошниченко О. А.
61002, м. Харків, вул. Дарвіна, 16, кв. 25
Тел.: (050) 303-22-85
ел. пошта: merash@i.ua

ВТОРАЯ НАВИГАЦИЯ

Философия. Культурология. Литературоведение

ВЫПУК 17

Михаил Блюменкранц **Точка безумия и поиски смысла в истории**

Ханс Оверслоот **Нация, государство и империя: *не* к новому демократическому мировому порядку. С акцентом на войну 2022 года в Украине**

Леонид Люкс **«Всегда движим живой заботой о судьбах России и Европы» (Федор Степун)**

Федор Степун **Интервью**

Витторио Страда **Не надо делать того, что противно твоему внутреннему импульсу**

Вячеслав Иванов **Ужасно, что даже катастрофы типа украинской все-таки, получается, недостаточно**

Андреас Буллер **Чуждость как культурный феномен**

Марк Харитонов **На темы Сергея Хоружего**

Юрий Корриган **Аркадий бессмертный (Достоевский о душе, пребывающей вне тела)**

Елена Глазова **Андрей Белый и Борис Пастернак: символистская проза и большой русский город**

Борис Хазанов **Когда боги удалились на покой: Маргерит Юрсенар**

Михаил Эпштейн **Русско-еврейский персонализм: Григорий Померанц и Борис Хазанов**

Михаил Блюменкранц **«Час короля». Памяти Бориса Хазанова**

Виктор Юхт **Харьков как форма духовной жизни**

Михаил Блюменкранц **Памяти Виктора Владимировича Юхта**

ISBN 978-617-8186-07-4

9 786178 186074